

ISSN 2658-6541

Российский государственный гуманитарный университет

ИСТОРИЯ и АРХИВЫ

HISTORY AND ARCHIVES

Том 7
4•2025

научный журнал

ISSN 2658-6541

ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Научный журнал

Основан в 2006 г.

HISTORY AND ARCHIVES

Academic Journal

Founded in 2006

Том 7

4 • 2025

“History and Archives”

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Academic journal “History and Archives” is included: in Scopus base (since 2025); in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.6.1 Russian History

5.6.2 World History

5.6.5 Historiography, Source Studies and Methods of History Research

5.6.8 Document Research, Records Management, Archives Administration

Aims and domain

The “History and Archives” is a peer-reviewed academic journal, the aim of which is to publish the results of the research based on the archival documents – the research evaluating the events, phenomena and processes of national and world history. The task of the journal is the analysis of urgent issues of source studies, historiography, archival science, records management, and also of the archival component of exploration in the field of history and documentary heritage within the system of cultural values.

The mission of the journal is to facilitate the development of inter-disciplinary research that generalizes the contemporary experience of the use of historical sources kept in archives and in the manuscript departments of museums and libraries. The journal publishes the materials pertinent to the analysis of the changes in archives activities when new information technologies are implemented, the materials connected with the study of the problems of historical archival science, the materials related to the multilateral cooperation and harmonious combination of the results of the work of historians and archivists for the benefit of information maintenance of historical science. The journal is targeted at the publication of scientific reviews, research papers and articles related to the study of the whole complex of theoretical, scientific and practical issues that pertain to the development of the humanitarian strategy of the educational function of archives and to the cooperation of historians within the “archives–researcher” system.

The journal accepts for publication original articles, comprehensive research papers by Russian and overseas authors, reports that have never been published before.

“History and Archives” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media 03.08.2018, reg. no. PI FS77-73410

Editorial staff office: bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

tel: 8-495-250-66-20

e-mail: ioad@yandex.ru

«История и архивы»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Научный журнал «История и архивы» индексируется в Scopus (с 2025 г.); включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки),
- 5.6.8. Документалистика, документоведение, архивоведение (исторические науки).

Цели и область

«История и архивы» – рецензируемый научный журнал, цель которого заключается в публикации основанных на архивных документах научных исследований, анализирующих события, явления и процессы отечественной и мировой истории. Задачей журнала является анализ актуальных проблем источниковедения, историографии, архивоведения и документоведения, а также архивной составляющей исследовательской работы в области истории и документального наследия в системе культурных ценностей.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, обобщающих современный опыт использования хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с анализом изменений деятельности архивов в условиях внедрения новых информационных технологий, исследованием научных проблем исторического архивоведения, многосторонним взаимодействием и гармоническим сочетанием результатов работы историков и архивистов в интересах информационного обеспечения исторической науки. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития гуманитарной стратегии коммуникативной функции архивов и взаимодействия историков и архивистов в рамках системы «архив – исследователь».

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 03.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73410

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
Тел: 8-495-250-66-20; электронный адрес: ioad@yandex.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.B. Bezburodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

E.P. Bakaeva, Dr. of Sci. (History), Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russian Federation

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M. Bubenicek, Dr. of Sci. (History), professor, École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V.G. Iofe, Dr. of Sci. (History), associate professor, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Republic of Uzbekistan

V.N. Vladimirov, Dr. of Sci. (History), professor, Altay State University, Barnaul, Russian Federation

E.I. Gololobov, Dr. of Sci. (History), professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

A.V. Ermolaeva, Dr. of Sci. (History), professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saratov, Russian Federation

S.V. Karpenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.V. Kuras, Dr. of Sci. (History), professor, chief academic researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

G.N. Lanskoy, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Larin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.N. Lebedev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E. Marguin-Hamon, Dr. of Sci. (Philology), École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

Kh. Norovsambuu, Dr. of Sci. (History), professor, chief academic researcher, Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences, Ulan Bator, Mongolia

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Petkova, Dr. of Sci. (History), professor, “St. Kliment Ohridski” at the University of Sofia, Sofia, Bulgaria

N.V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.S. Senin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.F. Shumeiko, Cand. of Sci. (History), professor, Belarusian State University (BSU), Minsk, Republic of Belarus

A.K. Sorokin, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State Archive of Social and Political History, Moscow, Russian Federation

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T. Shirai, Dr. of Sci. (History), professor, University of Tsukuba, Japan

F.G. Taratorkin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu. Tonai, Ph.D., associate professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Executive editors:

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

P.N. Lebedev, Cand. of Sci (History), associate professor (RSUH)

Учредитель и изатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации

Редакционная коллегия

Т.И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации (заместитель главного редактора)

Э.П. Бакаева, доктор исторических наук, Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Российской Федерации

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации

М. Бюбеничек, доктор исторических наук, профессор, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

В.Н. Владимиров, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российской Федерации

Е.И. Гололобов, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российской Федерации

А.В. Ермолаева, доктор исторических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, Российской Федерации

В.Г. Иофе, доктор исторических наук, доцент, Национальный университет Узбекистана имени М. Улугбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан

С.В. Карпенко, кандидат исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации

Л.В. Курас, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ) СО РАН, Улан-Удэ, Российской Федерации

Г.Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации

М.В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации

П.Н. Лебедев, кандидат исторических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации (ответственный секретарь)

Э. Марген-Амон, доктор филологии, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

Х. Норовсамбуу, доктор исторических наук, Институт истории и этнологии Монгольской академии наук, Улан-Батор, Монголия

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С. Петкова, доктор исторических наук, профессор, Софийский университет им. св. Климента Охридского, София, Болгария

Н.В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.С. Сенин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.К. Сорокин, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, Российская Федерация

Т. Сираи, доктор исторических наук, профессор, Университет Цукуба, Япония

Ф.Г. Тараторкин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю. Тонаи, Ph.D., доцент, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Ф. Шумейко, кандидат исторических наук, профессор, Белорусский государственный университет (БГУ), Минск, Республика Беларусь

Ответственные редакторы:

Хорхордина Т.И., доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

Халилова Л.А., кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)

Лебедев П.Н., кандидат исторических наук, доцент (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

<i>А.Б. Безбородов</i> Официальный дискурс советской истории в современную эпоху (1985 г. – по настоящее время)	12
---	----

Всеобщая история

<i>А.Ю. Худавердян</i> Антропологические данные о биологическом облике населения Армении в позднем бронзовом веке: из могильника Кучак	29
---	----

<i>К.А. Абдрахманов, С.В. Любичанковский</i> Микромир российско-азиатской караванной торговли второй трети XIX в. в трудах Ч.Ч. Валиханова	42
--	----

<i>К.В. Орлова</i> Бюллетени Полномочного представительства СССР в Монголии: по материалам РГАСПИ	64
---	----

<i>Э.Ф. Абубикерова</i> История советского высшего образования на страницах журнала «Вестник архивиста»	80
---	----

<i>Е.В. Барышева, И.П. Азерникова, Т.Ю. Болибок</i> Развитие исторического образования в современной России: по материалам Национального форума преподавателей истории	92
---	----

История культуры в документальном наследии

<i>С.В. Карпенко</i> Астраханское отделение Союза писателей РСФСР и редакции областных газет на исходе «оттепели»: Расхождение во взглядах на «коммунистическое воспитание народа». Часть первая	105
--	-----

Персональная история

<i>И.А. Пчелинцев</i> Преодолеть «архивное нестроение»: взаимодействие А.А. Гераклитова и Особой комиссии по сохранению местных архивных материалов при Императорском русском историческом обществе	123
---	-----

<i>H.B. Банникова</i>	
Хранители документов: роль личности в создании библиотечно-архивного отдела Министерства иностранных дел и по делам Содружества Великобритании	137

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

<i>О.Г. Санин</i>	
Московский главный архив Министерства иностранных дел в середине XIX в. и его сотрудники	151

<i>E.B. Годовова</i>	
Архивисты и историки Оренбуржья: опыт взаимодействия	166

<i>Н.Г. Суровцева</i>	
Архивы и библиотеки: возможности взаимодействия в цифровую эпоху	177

<i>О.В. Селезнева</i>	
Система государственных пабликсов как новый инструмент коммуникации между обществом и государственными архивами. Опыт Свердловской области	187

В фондах отечественных и зарубежных архивов

<i>Г.А. Афонин</i>	
История кладбищ города Алма-Аты в фондах государственных архивов Казахстана	197

У книжной полки

<i>М.Н. Шашкина</i>	
«Знаменитейший правовед и историко-археолог»: о книге Д.Ю. Мурашова «Академик Н.В. Калачов» (Пенза, 2024. 160 с.)	223

In memoriam

<i>Е.Б. Ращковский</i>	
«По живому следу...»: Мария Ращковская (04.06.1944 – 31.12.2023) – архивист, историк мысли и культуры	231

CONTENTS

Russian History

<i>A. Bezburodov</i>	
Official discourse of Soviet history in the contemporary era (1985 – to the present day)	12

World History

<i>A. Khudaverdyan</i>	
Anthropological data on the biological image of the population of Armenia during the Late Bronze Age. From the Kuchak burial ground	29

<i>K. Abdurakhmanov, S. Lyubichankovskiy</i>	
The microcosm of the Russian-Asian caravan trade in the second third of the 19 th century in the works of Ch.Ch. Valikhanov	42

<i>K. Orlova</i>	
Bulletins of the USSR Plenipotentiary representative office in Mongolia. Based on the materials of the Russian State Archives of Socio-Political History	64

<i>E. Abubikerova</i>	
The history of Soviet higher education on the pages of the magazine “Vestnik arkhivista / Herald of an Archivist”	80

<i>E. Barysheva, I. Azernikova, T. Bolibok</i>	
Development of historical education in contemporary Russia. Based on the materials of the National Forum for History Teachers	92

History of Culture in Documentary Heritage

<i>S. Karpenko</i>	
The Astrakhan Section of the RSFSR Union of Writers and the editorial boards of regional newspapers at the “Thaw” termination period. A divergence of views on the “Communist education of people”. <i>Part first</i>	105

Personal Histories

<i>I. Pchelintsev</i>	
Overcoming the “archival disorder”. Interaction between A.A. Geraklitov and the Special Commission for the Preservation of Local Archival Materials at the Imperial Russian Historical Society	123

N. Bannikova

Caretakers of records. The role of personality in the creation of the Library and Archives Department of the Ministry of Foreign and Commonwealth Affairs of Great Britain 137

Archives Administration and Records Management: History, Theory, Procedures

O. Sanin

The Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs in the mid-19th century and its staff 151

E. Godovova

Archivists and historians of the Orenburg region. Experience of interaction 166

N. Surovtseva

Archives and libraries. Opportunities for interaction in the digital age 177

O. Selezneva

The system of state public publications as a new communication tool between society and state archives. The experience of the Sverdlovsk region 187

In the Funds of Russian and Foreign Archives

G. Afonin

Materials on the history of Alma-Ata city cemeteries in the funds of Kazakhstan state archives 197

Book Reviews

M. Shashkina

“The most prominent jurist and historian-archaeologist”. About D.Yu. Murashov’s book “Academician N.V. Kalachov” (Penza, 2024. 160 p.) 223

In memoriam

E. Rashkovskii

“On a live trail...”: Maria Rashkovskaya (04.06.1944 – 31.12.2023) – an archivist, a historian of thought and culture 231

Отечественная история

УДК 930:94(47+57)
DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-12-28

Официальный дискурс советской истории в современную эпоху (1985 г. – по настоящее время)

Александр Б. Безбородов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ab-bezborodov@yandex.ru*

Аннотация. В статье раскрываются основные вехи трансформации официального дискурса советского прошлого с 1985 г. по настоящее время. Работа написана с использованием основного круга опубликованных источников.

С началом перестроечных процессов концепция развитого социализма потеряла свою политическую актуальность. Новая редакция третьей Программы КПСС, принятая на XXVII съезде партии, провозглашала совершенствование социализма на основе ускорения социально-экономического развития страны. Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС рассмотрел проблемы кадровой работы партии в широком ключе, взяв курс на перестройку. В конце 1987 г. руководство страны озабочилось донесением основных идей перестройки до зарубежной аудитории. Тогда же продолжились усилия М.С. Горбачева и его окружения по приданнию советской истории статуса важнейшего политического, идеологического и академического инструмента по решению актуальных задач перестроечного периода.

В 1990–1991 гг. партийная критика советского периода истории приобрела бескомпромиссный характер, а идеалом партийных лидеров стали программные установки мировой социал-демократии. 1990-е годы отмечены тем, что история СССР исследовалась главным образом с либеральных позиций, зачастую крайне необъективно.

Эпоха Специальной военной операции востребовала весь комплекс вопросов, связанных с историческими и политическими обстоятельствами образования Советского Союза и местом в нем Украины. Большинство ответов на эти и другие вопросы даны в выступлениях и обращениях Президента Российской Федерации В.В. Путина.

Ключевые слова: официальный дискурс, советское прошлое, репрессии, КПСС, новое политическое мышление, демократический социализм, либеральная идеология, Специальная военная операция

Статья поступила в редакцию 30 мая 2025 г.;
принята к публикации 30 июня 2025 г.

Для цитирования: Безбородов А.Б. Официальный дискурс советской истории в современную эпоху (1985 г. – по настоящее время) // История и архивы. 2025. Т. 7. № 4. С. 12–28. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-12-28

Official discourse of Soviet history in the contemporary era (1985 – to the present day)

Aleksandr B. Bezborodov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ab-bezborodov@yandex.ru*

Abstract. The article reveals the main milestones of the transformation in the official discourse of the Soviet past starting with 1985 until now. The work is written using the main set of published sources.

With the beginning of the restructuring processes, the concept of advanced socialism lost its political relevance. The new version of the third CPSU Program, adopted at the 27th Party Congress, proclaimed perfection of socialism on the basis of acceleration of the socio-economic development of the country. Embarking on a course of perestroika, the January (1987) Plenum of the Central Committee of the CPSU considered broadly the issues of personnel work of the party. At the end of 1987, the leadership of the country took care to convey to foreign audiences the main ideas of perestroika. At the same time, M.S. Gorbachev and his entourage continued efforts to give Soviet history the status of the most important political, ideological and academic tool for resolving the current challenges of the restructuring period.

In 1990–1991, the party criticism of the Soviet period of history acquired an uncompromising character, and the programmatic principles of the world social democracy became the ideal of the party leaders. The 1990s were marked by the fact that the history of the USSR was explored mainly from the liberal points of view, and such an approach was often too biased.

The era of the Special Military Operation has called for a whole set of issues, related to the historical and political circumstances of the formation of the Soviet Union and the place of Ukraine in that structure. Most of the answers to that set of issues and to other questions were given in the speeches and addresses of the President of the Russian Federation, V.V. Putin.

Keywords: official discourse, Soviet past, repressions, CPSU, new political thinking, democratic socialism, liberal ideology, Special Military Operation

The article was submitted for publication 30.05.2025;
accepted for publication 30. 06.2025.

For citation: Bezborodov, A.B. (2025), "Official discourse of Soviet history in the contemporary era (1985 – to the present day)", *History and Archives*, vol. 7, no. 4, pp. 12–28, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-12-28

Введение

В апреле 1985 г. новый руководитель страны М.С. Горбачев прогласил «генеральную линию на совершенствование общества развитого социализма»¹. Эта линия разрабатывалась в предшествующие более чем 10 лет и была пока еще востребована советским руководством. Однако успех дальнейшего курса движения Советского Союза вперед связывался с ускорением его экономического развития².

Решения XXVII съезда КПСС и новая редакция третьей Программы партии

Очень скоро концепция развитого социализма полностью вышла из политического оборота. В материалах XXVII съезда партии перечислялись только так называемые общие закономерности социализма: власть трудящихся и при этом ведущая роль рабочего класса, руководящая роль компартии, общественная собственность на основные средства производства, развитие демократии, равноправие наций и народностей, оборона государства³.

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 23 апреля 1985 г. «О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением»: Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. М.: Политиздат, 1985. С. 6.

² Там же. С. 8.

³ См.: Двадцать седьмой съезд КПСС. Москва. 25 февраля – 6 марта 1986 г.: Резолюции и постановления съезда по Политическому докладу Центрального Комитета КПСС // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1986). Т. 15: 1985–1988). 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1989. С. 99.

Принятая на этом съезде новая редакция третьей Программы КПСС возвращала партию к задачам совершенствования социализма на основе ускорения социально-экономического развития страны⁴. К тому же в документе появились фразы, вносявшие дополнительную путаницу в теоретические выводы Компартии. Так, утверждалось, что, «приняв третью Программу на XXII съезде в 1961 г., ...страна вступила в этап развитого социализма»⁵. Кроме того, в новой редакции третьей Программы совершенно беспочвенно говорилось о том, что время подтвердило правильность основных теоретических и политических установок предыдущей партийной редакции⁶.

В то же время в обновленном документе декларировался постепенный переход к коммунизму путем совершенствования социализма на путях ускорения социально-экономического развития страны. За счет ускорения планировалось подключить резервы научно-технической революции и развивать базовые основания много лет существовавшего в Советском Союзе строя⁷.

Какие задачи предполагалось решать при помощи политики ускорения? Во-первых, достижение уровня интенсивного развития народного хозяйства; во-вторых, создание в основном бесклассовой структуры советского общества; в-третьих, развертывание самоуправления народа; в-четвертых, упрочение в обществе социалистической (а не коммунистической. – А. Б.) идеологии⁸.

Основой естественно-научного и социального познания называлась, как и прежде, диалектико-материалистическая методология⁹.

Стратегии кадровой работы

В период перестройки, в отличие от ускорения социально-экономического развития страны, ускорилось историческое время, а вместе с ним и принятие политических решений [Баталов 2009]. Не прошло и года после очередного съезда партии, как январский

⁴ См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. Принята XXVII съездом КПСС. М.: Политиздат, 1986. С. 4.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 24.

⁸ Там же. С. 25.

⁹ Там же. С. 57.

(1987 г.) Пленум ЦК партии обозначил заметный поворот в официальном дискурсе советского прошлого. В последующее время данный процесс только нарастал.

До сих пор не вполне понятно, почему посвященный перестройке кадровой работы партии Пленум выступил с фронтальной критикой ключевых положений советского исторического опыта. Утверждалось, что упрощенно, без должной теоретической глубины трактовались ленинские положения о социализме¹⁰.

В число недостаточно проработанных оказались включены проблемы общественной собственности, классовых и межнациональных отношений, кооперации, методов хозяйствования, народовладения и самоуправления, борьбы с бюрократическими нарушениями и др.¹¹ Несмотря на принятие новой редакции программы КПСС, содержащей в качестве стратегии реализацию коммунистической перспективы в СССР¹², теперь говорилось о распространении легковесных, абстрактных суждений о коммунизме¹³.

Критически взглянули и на экономическое развитие страны: оказалось, что за последние 15 лет темпы прироста национального дохода уменьшились более чем вдвое¹⁴. Многие годы скрывавшиеся факты о кризисе в самой партии предали огласке: руководящие кадры, оказавшись вне контроля и критики, нередко проваливали дело, серьезно нарушили этические нормы. Это вело к перерождению кадров, нарушениям закона. Среди регионов, где подобное имело место, называлась и Москва¹⁵.

Январский Пленум взял курс именно на перестройку, а ускорение, так и не начавшись, политически отошло на второй план. Понимание руководством страны перестройки выглядело следующим образом: преодоление застойных процессов для создания механизма ускорения; развитие демократии, самоуправления, расширение гласности; повышение роли науки; приоритетное развитие социальной сферы; борьба против нарушений морали. Ее конечная цель – кардинальное и всестороннее обновление жизни страны¹⁶.

¹⁰ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27–28 января 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 8.

¹¹ Там же. С. 8–9.

¹² См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. С. 24.

¹³ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27–28 января 1987 г. С. 9.

¹⁴ Там же. С. 10.

¹⁵ Там же. С. 13–14.

¹⁶ Там же. С. 15–16.

При этом осуждался технократический, административный стиль в кадровой работе партии¹⁷, которому предлагалось противопоставить демократизацию общественных отношений¹⁸.

Развитие перестройки вширь

Материалы январского Пленума послужили основанием для продвижения М.С. Горбачевым идеологии перестройки вширь. Осенью 1987 г. он опубликовал брошюру «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», адресованную зарубежной общественности. В ней прямо заявлено: «Наша история складывалась под сильным влиянием привходящих факторов»¹⁹. В имеющемся историческом прошлом нашей страны он видел не только истоки перестройки, но и трудности, связанные с влиянием доперестроечного мышления²⁰. Такие умозаключения могли заинтересовать заграничную аудиторию. И тут показательна оценка Генеральным секретарем решений XX съезда КПСС, которые, по его мнению, внесли большой вклад в теорию и практику строительства социализма²¹.

В общественных науках осуждался догматизм мышления, а в исторической практике КПСС – комплиментарное комментаторство решений и речей высокого начальства²².

В книге М.С. Горбачева нет слов об ускорении, а речь шла о «всеобъемлющей» экономической реформе с переводом предприятий на полный хозрасчет (Закон о предприятии); основательной перестройкой централизованного руководства экономикой; глубоким изменением планирования, реформой ценообразования и финансово-кредитной системы; развитием демократических основ управления, а также с переформатированием внешнеэкономических связей²³.

В итоге автор направил зарубежному читателю несколько важных посылов: во-первых, перестройка – это революция²⁴; во-вторых, опережающее развитие демократизации советского

¹⁷ Там же. С. 43.

¹⁸ Там же. С. 25.

¹⁹ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат. 1987. С. 39.

²⁰ Там же. С. 39, 62.

²¹ Там же. С. 40.

²² Там же. С. 125.

²³ Там же. С. 81–82, 84.

²⁴ Там же. С. 46.

общества²⁵; в-третьих, ядро нового мышления – признание приоритета общечеловеческих ценностей, выживания человечества²⁶. Вполне новаторский подход.

В фокусе внимания – отечественная история

В конце 1987–1988 г. продолжились усилия партийного руководства по приданию советской истории статуса важнейшего политического, идеологического и академического инструмента по решению текущих задач данного периода [Елисеева 2019]. Критика культа личности И.В. Сталина на XX съезде КПСС и после него оценивалась как мужественный шаг партии, ее руководства во главе с Н.С. Хрущевым²⁷. И вообще в докладе М.С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» события второй половины 1950-х гг. представлялись неким первым вариантом перестроечной эпохи: те же попытки преодолеть командно-бюрократические методы управления, придать социализму больший динамизм, опереться на гуманистические идеалы и ценности, стимулировать личный интерес в экономике, проводить эффективную социальную политику. Но помешал хрущевский волонтиаризм и отсутствие широкой демократизации в обществе²⁸.

Годы брежневского руководства страной отмечены, по словам М.С. Горбачева, стремлением придать политике реалистические черты. Международный авторитет страны укрепился за счет достижения военно-стратегического паритета с США²⁹. Однако темпы развития Советского Союза существенно замедлились³⁰. В результате догматизм и инерция в общественном развитии привели к предкризисной ситуации в экономике. Искажались принципы социальной справедливости, возникли социальное отчуждение и аморализм.

²⁵ Там же. С. 41.

²⁶ Там же. С. 149.

²⁷ См.: Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается: Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции в Кремлевском Дворце съездов, 2 ноября 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 27.

²⁸ Там же. С. 28.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 29.

Подобное состояние дел в недалеком советском прошлом и вызвало к жизни, по словам лидера партии и государства, концепцию и стратегию ускорения социально-экономического развития страны, трансформированную партией в «генеральную линию революционной перестройки»³¹.

Важно подчеркнуть, что данные суждения содержали тезис о соединении 70-летнего советского исторического опыта с современностью³². Но очевидно, что этот исторический опыт оказался недостаточно изученным и усвоенным советским руководством. Иначе М.С. Горбачев не заявил бы в докладе, что национальный вопрос в СССР решен³³.

Партийный идеал советского руководства

В дальнейшем ставилась задача создания целостной концепции развития перестройки на марксистско-ленинской мировоззренческой и методологической основе³⁴ с заметным движением в сторону демократического социализма. Причем при помощи истории партия намеревалась формировать у народа «правильное историческое сознание»³⁵. Обществоведческие изыскания в 1987–1988 гг. направлялись партией на поиск определенных пропорций между советской историей и современностью. В круг научных исследований включались такие проблемы перестройки, как экономическая реформа, «реконструкция» политической системы, демократизация, гуманистическая составляющая, межнациональные отношения, новое политическое мышление и др.³⁶

Призыв очистить социализм от наслоений и извращений прошлых лет³⁷ так и остался абстрактной формулой [Артемьев 2022]. Постепенно стал вырисовываться идеал советского руководства – социализм с демократическим, гуманным обликом, эффективной

³¹ Там же.

³² Там же. С. 30.

³³ Там же. С. 36.

³⁴ См.: Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г. М.: Политиздат, 1988. С. 25.

³⁵ См.: Горбачев М.С. Революционной перестройке – идеологию обновления: Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 г.; Постановление Пленума ЦК КПСС. М.: Политиздат. 1988. С. 12.

³⁶ См.: Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза... С. 25.

³⁷ Там же. С. 86.

и динамичной смешанной экономикой, со строем социальной справедливости, высокой культуры и морали, народовластия, гласности, межнациональной гармонии, сотрудничества и взаимодействия с социалистическими странами³⁸.

Перестройке общественных наук содействовало создание в сентябре 1987 г. Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов.

Процессы реабилитации

На своих заседаниях в 1988– 1990 гг. Комиссия рассмотрела, а точнее, пересмотрела дела «антисоветского правотроцкистского блока», «антисоветской троцкистской военной организации», «ленинградское дело», дела «союза марксистов-ленинцев», «московского центра», «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», «параллельного антисоветского троцкистского центра», «Московской контрреволюционной организации – группы “Рабочая оппозиция”», «султан-галиевской контрреволюционной организации», «антипартийной контрреволюционной группировки Эйсманта, Толмачева и других», дело Еврейского антифашистского комитета и др.³⁹

В 1988 – первой половине 1990 г. Комиссией реабилитировано около 1 млн человек⁴⁰.

«Тяжелое» советское прошлое

История сталинских преступлений, по замыслу властей⁴¹, доминировала в официальном дискурсе реального воздействия обще-

³⁸ Там же. С. 87–88.

³⁹ См.: В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов // Известия ЦК КПСС: Информационный ежемесячный журнал. 1989. № 1. С. 107–131; В Комиссии Политбюро ЦК КПСС... // Там же. 1990. № 9. С. 71–84; В Комиссии Политбюро ЦК КПСС... // Там же. 1990. № 10. С. 75–88; В Комиссии Политбюро ЦК КПСС... // Там же. 1990. № 11. С. 63–74.

⁴⁰ См.: В Комиссии Политбюро ЦК КПСС... // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 71.

⁴¹ См.: Резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС. Приняты 1 июля 1988 г.: О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки // Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза... С. 113.

ственных наук на политику. Весь 1990 год характеризовался радикализацией оценок советского прошлого со стороны партийного лидера и руководящего звена КПСС в целом. Советская партноменклатура не могла не учитывать не только пробуксовку целого ряда направлений перестройки и сопротивление ей внутри страны, но и революционную волну 1989 г. в государствах Восточной Европы, решившую судьбу (путем отставок и даже при помощи более жестких и жестоких методов) руководителей «братских коммунистических и рабочих партий».

Чем меньше успехов имелось на счету политики перестройки, тем безоговорочнее становилось неприятие предшествующей (да и настоящей тоже) советской действительности. На отдельных суждениях руководителя страны лежала печать неразрешенных противоречий. Так, запугивание «угрозой гражданской войны» М.С. Горбачев пытался решительно пресекать⁴², но в то же время призывал к «радикализации политики перестройки»⁴³.

Развернутая критика советского прошлого прозвучала на XXVIII съезде партии в июле 1990 г., где Генеральный секретарь ЦК прямо объяснял торможение перестроекных процессов «крайне тяжелым наследием», доставшимся от прежних времен.

Что включало в себя это наследие? В него входило «запущенные» деревни, сельское хозяйство, перерабатывающая промышленность (напомним, что с 1978 г. М.С. Горбачев как секретарь ЦК КПСС курировал в стране сельское хозяйство). Далее указывалось на серьезные извращения в политике природопользования в связи с перекосами в развитии энергетики страны. Сказано и о тяжелой экологической ситуации – более 100 городов в зоне бедствия, свыше 1000 остановленных из-за этого предприятий⁴⁴. В перечень пострадавших из-за экологического неблагополучия регионов были включены озеро Байкал, Аральское и Азовское моря, Ладожское озеро. Техногенные катастрофы (на Чернобыльской АЭС, железных дорогах, газопроводах) также названы последствиями политики, проводившейся в последние десятилетия⁴⁵.

⁴² См.: Речь Президента СССР М.С. Горбачева на внеочередном третьем Съезде народных депутатов СССР 15 марта 1990 г. М.: Политиздат, 1990. С. 11.

⁴³ Там же. С. 4.

⁴⁴ См.: Политический отчет Центрального Комитета КПСС XXVIII съезду КПСС и задачи партии: Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева 2 июля 1990 г. // Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1990. С. 5–6.

⁴⁵ Там же. С. 6.

Неудовлетворительной признавалась давно устаревшая структура отечественной экономики, в которой только седьмая часть производственных фондов приходилась на выпуск товаров народного потребления. За десятилетия обветшала социальная сфера Кузбасса, Донбасса, Тюмени, Воркуты.

Констатировалось, что межнациональные конфликты также уходят корнями в прошлое. Отдельная проблема, озвученная М.С. Горбачевым на съезде, – это чрезмерная милитаризация советской экономики, поглотившая огромные, к тому же лучшие, материальные и интеллектуальные ресурсы СССР. Речь шла и о трагедии Афганистана⁴⁶.

Партия взглянула на себя как бы со стороны. И это неспроста. Вся история КПСС эпохи перестройки представляет собой историю ее трансформации из партии ленинско-сталинского типа в организацию социал-демократического типа. В начале 1990 г. на данный процесс обратили внимание в руководстве КПСС. Выступая 22 января 1990 г. на заседании Политбюро при обсуждении проекта Платформы КПСС к Пленуму ЦК, М.С. Горбачев отметил: «Сейчас проект социал-демократический»⁴⁷. Отсюда и изменившееся отношение к советской истории.

Партийный форум принял Программное заявление XXVIII съезда КПСС «К гуманному, демократическому социализму», явившееся своеобразным социал-демократическим манифестом Компартии. В документе системно излагались основные черты кризиса советского общества. Глубинные истоки кризиса обнаруживались в деформациях социализма прошлых лет: огосударствлении всех сторон общественной жизни, диктатуре партийно-государственных верхов, отчуждении человека от собственности и власти, агрессивной эксплуатации природы⁴⁸, господстве догматизма, порождавшего нетерпимость к инакомыслию, непримиримой конфронтационности общественных систем на мировой арене, оторванности Советского Союза от мировой цивилизации, а структур партийно-государственной власти – от народа⁴⁹.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Политбюро, 22 января 1990 г.: Обсуждение проекта Платформы КПСС к пленуму ЦК // В Политбюро ЦК КПСС...: По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / сост. А. Черняев (рук. проекта), А. Вебер, В. Медведев. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 550.

⁴⁸ См.: К гуманному, демократическому социализму: Программное заявление XXVIII съезда КПСС // Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза... С. 77–78.

⁴⁹ Там же. С. 78.

Перестроечная самокритика

Сама политика перестройки в Программном заявлении оказалась в фокусе критического внимания. Действующее руководство в порядке самокритики называло собственные решения в некоторых случаях слабо проработанными, непоследовательными, иногда просто ошибочными. К их числу отнесены негативные последствия от просчетов в инвестиционной и экспортно-импортной политике, от борьбы с нетрудовыми доходами, от проведения непродуманной антиалкогольной кампании, перекосов в организации кооперативного движения⁵⁰.

Общая картина результатов деятельности советских реформаторов, по их же оценкам, выглядела удручающе: не создан новый хозяйственный механизм, утрачен контроль над денежным обращением, затянулось создание правовой базы экономических и политических преобразований, обострились межнациональные конфликты, упал авторитет государственной власти, в обществе размываются духовно-нравственные ориентиры, выросла преступность⁵¹.

Документ содержит перечисление новых политических сил, давших о себе знать в стране за последние годы: консервативно-догматическое течение; антисоциалистические движения; монархисты, фашистующие экстремисты; социал-демократические течения; национальные движения, а в центре политического спектра – демократические силы, ориентированные на социалистический выбор – большинство, по мнению сторонников М.С. Горбачева, членов КПСС⁵².

Оставаясь партией социалистического выбора, КПСС видела свою задачу в том, чтобы трансформироваться в партию гражданского согласия⁵³, отвергая при этом принцип демократического централизма, сложившийся в условиях административно-командной системы, а также номенклатурный подход в кадровой работе⁵⁴. Как ядро административно-командной системы КПСС сама серьезно деформировалась вместе с ней. Ряд партийных руководителей идейно и нравственно переродились. XXVIII съезд партии признал политическую и нравственную ответственность правящей КПСС за сложившуюся в Советском Союзе обстановку⁵⁵. На будущее

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 79.

⁵³ Там же. С. 80.

⁵⁴ Там же. С. 94–95.

⁵⁵ Там же. С. 93.

Компартия оставляла за собой теоретические, идеологические, политические и организаторские функции⁵⁶.

Возлагая на себя решение задач строительства гуманного, демократического социализма, КПСС определяла его как общество, в центре которого – человек; а в основе – многообразие форм собственности, где единственный источник власти – «суворенная воля народа», и во внешней политике проводится курс на мирное и равноправное сотрудничество народов⁵⁷.

Новое политическое мышление означало переосмысление многих очень сложных моментов истории во взаимоотношениях Советского Союза с другими странами [Козлов 2009]. В ноябре 1990 г. Президент СССР распорядился ускорить следствие по Катынскому делу, а также организовать поиск архивных документов о репрессиях против польского населения, оказавшегося на территории нашей страны в 1939 г.⁵⁸

В целом время было упущено⁵⁹. Демократические процессы в стране, хаотизация ее экономического развития, а также другие факторы привели Коммунистическую партию Советского Союза к известному историческому финалу [Кудряшов 2024]. Распался и СССР, «обновлять» который партия собиралась в своей Программе действий из упомянутого Заявления XXVIII съезда КПСС.

Постперестроечный дискурс советской истории. Официальный взгляд

За «революционной» перестройкой последовали 1990-е гг., когда историю Советского Союза исследовали главным образом с позиций либеральной идеологии, не особенно заботясь о поиске научной истины. Данный процесс протекал не один год. Ситуация стала меняться по мере реализации современной Россией курса на суворое развитие. Вместе с ним вновь начал возрастать политический и исследовательский интерес к советской истории,

⁵⁶ Там же. С. 94–95.

⁵⁷ Там же. С. 80.

⁵⁸ См.: Архивы Кремля и Старой площади: Документы по «делу КПСС»: Аннотированный справочник документов, представленных в Конституционный суд Российской Федерации по «делу КПСС» / сост. И.И. Кудрявцев; под ред. В.П. Козлова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1995. С. 237.

⁵⁹ Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX в.: Курс лекций. Вып. 1: Кризис историзма. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. 212 с.

независимому государству под названием «СССР», но уже на другой, более взвешенной основе.

Ключевым событием советской истории, по общему признанию, стала Великая Отечественная война. В статье, посвященной 75-летию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне, Президент Российской Федерации В.В. Путин оценил наиболее сложные вопросы советской истории: эксцессы раннего большевизма⁶⁰, преступления сталинского режима против собственного народа⁶¹, так называемый Пакт Молотова–Риббентропа⁶², существенную помощь союзников, адресованную СССР в военные годы⁶³.

При этом Президент РФ в принципиальном плане высказался относительно важности в исследовательской работе опираться на архивные документы, свидетельства современников. Первосточники, справедливо заметил В.В. Путин, помогут оградить научные и иные изыскания от разного рода политизированных домыслов⁶⁴.

Автор отдал должное Ялтинско-Потсдамской системе мироустройства, раскрыв ее историческое значение и потенциал для современного взаимодействия крупнейших держав⁶⁵.

Эпоха Специальной военной операции предельно актуализировала комплекс вопросов, связанных с историческими обстоятельствами образования СССР и местом в нем Украины. 21 февраля 2022 г. В.В. Путин выступил с Обращением о признании Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. Он, в частности, подчеркнул, что «...Украина для нас – это не просто соседняя страна. Это неотъемлемая часть нашей собственной истории, культуры, духовного пространства»⁶⁶.

Обращение содержит современный взгляд на ленинский план создания СССР в 1922 г., когда глава Советского правительства предложил пойти на уступки националистам и выступил по существу за конфедеративное государственное устройство СССР,

⁶⁰ См.: Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. М., 2020. С. 32–33.

⁶¹ Там же. С. 15.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 38.

⁶⁴ Там же. С. 7.

⁶⁵ Там же. С. 42, 46.

⁶⁶ Обращение Президента Российской Федерации о признании ДНР и ЛНР // Официальный сайт Президента России. 21 февраля 2022 г. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements%20/67828> (дата обращения: 10.05.2025).

поддержав лозунг о праве наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. На этих принципах большевики выстраивали советскую государственность начиная с 1922 г., ставя задачу несмотря ни на что удержаться у власти⁶⁷.

Говоря о современной Украине, В.В. Путин обоснованно утверждал, что она «...целиком и полностью была создана... большевистской, коммунистической Россией»⁶⁸, причем без учета воли населения российских регионов, которые передавались при этом данному образованию⁶⁹.

Вплоть до перестройки Советский Союз существовал как «абсолютно унитарное государство, а затем руководство КПСС ради удовлетворения амбиций местных националистических элит стало апеллировать к тому же ленинскому принципу национального самоопределения»⁷⁰.

В.В. Путин назвал «роковым документом» платформу КПСС «Национальная политика партии в современных условиях», принятую сентябрьским (1989 г.) Пленумом ЦК КПСС. Документ включал политическое решение о принадлежности союзным республикам «...всех прав, отвечающих их статусу суверенных социалистических государств-членов федерации». Высшие представительные органы власти союзных республик наделялись правом опротестовывать и приостанавливать действие решений Правительства СССР на своей территории⁷¹. По мнению Президента РФ В.В. Путина, принятие этой платформы КПСС предрешило судьбу СССР⁷².

Оглашая через два дня решение о начале Специальной военной операции, В.В. Путин обратился к трагическим событиям начала Великой Отечественной войны, которые не должны повториться⁷³.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Национальная политика партии в современных условиях (платформа КПСС). Принята Пленумом ЦК КПСС 20 сентября // Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19–20 сентября 1989 г. М.: Политиздат, 1989. С. 220.

⁷² См.: Обращение Президента Российской Федерации о признании ДНР и ЛНР...

⁷³ См.: Обращение Президента России к нации от 24.02.2022 о начале Специальной военной операции // Официальный сайт Президента России. 24 февраля 2022 г. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements%20/67828> (дата обращения: 10.05.2025).

Заключение

Резюмируем. Официальный дискурс советской истории в современную эпоху многосложен и неоднозначен [Ковальченко 1989]. Власти СССР и РФ использовали и используют советское прошлое не только для его критики, но, что особенно важно, и для более глубокого осмысления и учета в качестве исторического опыта при принятии судьбоносных для Советского Союза и сегодняшней России решений.

Литература

Артемьев 2022 – *Артемьев М.* Разрушители // Историк. 2022. № 12. С. 32–49.

Баталов 2009 – *Баталов Э.* Кризис трех проектов // Свободная мысль. 2009. № 6. С. 61–74.

Елисеева 2019 – *Елисеева Н.В.* СССР: реформы и реформаторы, 1945–1991. М.: РГГУ, 2019. 448 с.

Ковальченко 1989 – *Ковальченко И.* Исследование истины само должно быть истинно: Заметки о поисках исторической правды // Коммунист. 1989. № 2. С. 86–96.

Козлов 2009 – *Козлов В.П.* Бог сохранил архивы России. Челябинск: Книга, 2009. 543 с.

Кудряшов 2024 – *Кудряшов С.* Эпоха Брежнева // Историк. 2024. № 10. С. 7–13.

References

Artem'ev, M. (2022), "Destroyers", *Istorik*, no. 12, pp. 32–49.

Batalov, E. (2009), "The crisis of three projects", *Svobodnaya mysl'*, no. 6, pp. 61–74.

Eliseeva, N.V. (2019), *SSSR: reformy i reformatory, 1945–1991* [The USSR. Reforms and reformers, 1945–1991], RGGU, Moscow, Russia.

Koval'chenko, I. (1989), "The investigation of truth itself must be true. Notes on the search for historical truth", *Kommunist*, no. 2, pp. 86–96.

Kozlov, V.P. (2009), *Bog sokhranyal arkhivy Rossii* [God saved the archives of Russia], Kniga, Chelyabinsk, Russia.

Kudryashov, S. (2024), "The epoch of Brezhnev", *Istorik*, no. 10, pp. 7–13.

Информация об авторе

Александр Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; ab-bezborodov@yandex.ru

ORCID ID 0000-0003-3226-0520

Information about the author

Aleksandr B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ab-bezborodov@yandex.ru

ORCID ID 0000-0003-3226-0520

Всеобщая история

УДК 56(479.25)
DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-29-41

Антропологические данные о биологическом облике населения Армении в позднем бронзовом веке: из могильника Кучак

Анаит Ю. Худавердян

Институт археологии и этнографии НАН,
Ереван, Республика Армения, akhudaverdyan@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена биоантропологическому анализу останков семи индивидов из могильника Кучак (Арагацотнская область, Армения), датируемого XIII–XII вв. до н. э. Исследование включает краиологический, остеологический, одонтологический и палеопатологический анализ. Обнаружены признаки долихокранности, характерные для населения южного кавказского региона. Зарегистрированы дискретно-варьирующиеся признаки, указывающие на возможные родственные связи между индивидами. Зубная система относится к южному грацильному типу и отличается выраженной редукцией гипоконуса. Отмечены следы интенсивной физической нагрузки: затылочные структуры, развитый мышечный рельеф, энтезопатии и «комплекс всадника». У детей зафиксированы деформации черепа (*temp-line* и *cradledeformations*), отражающие особенности ухода и трудовой деятельности. Патологические изменения включают *cribraorbitalia*, мастоидит, остеомиелит и лобный гиперостоз. Полученные данные указывают на оседлый образ жизни, высокую степень физической активности и влияние стрессовых факторов окружающей среды. Работа расширяет представления об адаптационных стратегиях населения Армении позднего бронзового века.

Ключевые слова: Армения, Кучак, эпоха поздней бронзы и раннего железного века, краиология, краиоскопия, одонтология, остеология, палеопатология

Статья поступила в редакцию 4 июля 2025 г.;
принята к публикации 1 сентября 2025 г.

© Худавердян А.Ю., 2025

Для цитирования: Худавердян А.Ю. Антропологические данные о биологическом облике населения Армении в позднем бронзовом веке: из могильника Кучак // История и архивы. 2025. Т. 7. № 4. С. 29–41. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-29-41

Anthropological data on the biological image
of the population of Armenia
during the Late Bronze Age.
From the Kuchak burial ground

Anahit Yu. Khudaverdyan

*Institute of Archaeology and Ethnography,
Erevan, Republic of Armenia, akhudaverdyan@mail.ru*

Abstract. The article deals with a bioanthropological analysis of seven individuals from the Kuchak burial ground (the Aragatsotn Region, Armenia), dated back to the 13th – 12th centuries BCE. The study includes craniological, osteological, odontological, and paleopathological examinations. Dolichocranialy was identified, typical of the populations in the South Caucasus. Discrete cranial traits suggest possible familial relationships among the individuals. The dental system is classified as southern gracile with the marked hypoconus reduction. Evidence of the intense physical activity includes traces of intense physical exertion are noted: occipital structures, developed muscular relief, enthesopathies and the “rider’s complex.” Cranial deformations in children reflect traditional infant care practices and possible early labor. The identified pathological conditions include cribra orbitalia, mastoiditis, osteomyelitis, and frontal hyperostosis. Data obtained indicate a sedentary lifestyle, high levels of physical activity and exposure to environmental stress factors. The work widens understanding of the population adaptation strategies in Late Bronze Age Armenia.

Keywords: Armenia, Kuchak, Late Bronze Age and Early Iron Age, craniology, cranioscopy, odontology, osteology, paleopathology

The article was submitted for publication 04.07.2025;
accepted for publication 01.09.2025.

For citation: Khudaverdyan, A.Yu. (2025), “Anthropological data on the biological image of the population of Armenia during the Late Bronze Age. From the Kuchak burial ground”, *History and Archives*, vol. 7, no. 4, pp. 29–41, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-29-41

Введение

На рубеже XVI–XV вв. до н.э. территория современной Армении была населена сообществами, формирующими относительно однородную культурную среду. Ключевой характеристикой этой эпохи является высокий уровень развития металлообработки. Свидетельством тому служат разнообразные изделия из бронзы и драгоценных металлов – секиры, кинжалы различных типов, бронзовые пояса, ювелирные украшения, конская упряжь, телеги и боевые колесницы [Деведжян 1981]. Исключительные образцы художественной металлопластики, обнаруженные в Лчашене, Лори Берде и ряде других памятников, позволяют говорить о наличии оформленной социальной элиты и развитой элитарной культуры уже на ранних этапах позднего бронзового века. С конца XIII – начала XII в. до н. э. фиксируются погребения, интерпретируемые как захоронения «профессиональных воинов», что свидетельствует о формировании военного сословия. В период раннего железа (XII в. до н. э.) усиливается роль конницы, о чем свидетельствуют данные биоархеологических исследований, а также изображения всадников на бронзовых поясах и сосудах [Khudaverdyan 2021].

Объектом настоящего исследования являются новые палеоантропологические материалы из некрополя Кучак, датируемого XIII–XII вв. до н. э. Некрополь расположен на востоке Арагацотнской области, в Апаранской котловине. Костные останки были собраны в ходе полевых работ экспедиции Института археологии и этнографии НАН РА под руководством Л.А. Петросян. В рамках работы исследованы останки семи индивидов (погр. 39, 53, 55, 58, 60), степень сохранности которых варьирует. Для определения пола и возраста на момент смерти использован комплекс современных антропологических методик [AlQahtani et al. 2010]. Остеологические материалы проанализированы с применением стандартных метрических, морфологических программ [Зубов 1968; Мовсесян и др. 1975]. Рентгенологические исследования выполнены в Институте археологии и этнографии НАН РА с использованием портативной цифровой рентгенографической установки (Portable DigitalX-ray Radiography System).

Анализ антропологических материалов

Погребение № 39. В погребении обнаружены костные останки трех индивидов.

Индивид № 39-1. Обнаружен неполный череп ребенка в возрасте 6–8 лет (± 1).

Краниоскопия. Зафиксированы аномалии, преимущественно наследственного характера, не связанные или слабо связанные с заболеваниями. На черепе определены следующие краниоскопические признаки: *spina processu sfrontali sossi szygomatica* (прямой край), *stenocrotaphia, ospostsquamosum, torus occipitalis* (балл 0,1), *foraminamastoidea, osasteriale*, *torus palatinus* (балл 1), *sutura palatina transversa* (П-образная), *sutura incisiva, foramen spinosum, processus paramastoideus, foraminamentalia*.

Палеопатология. Рентгенологическое исследование выявило пальцевидные вдавления на внутренней поверхности черепа, свидетельствующие о внутричерепной гипертензии. Этот симптом может быть следствием краниосиностоза, опухолей, инфекций, гематом, абсцессов, паразитарных кист, гидроцефалии и других патологий. В области внутреннего угла глазницы обнаружены костные дефекты (*cribraorbitalia*) слабой степени выраженности (балл 1). Этот признак ассоциируется с железодефицитной анемией. Зафиксированы признаки мастоидита и поротического гиперостоза наружного слухового прохода, вызванные распространением бактериальной инфекции на клетки сосцевидного отростка и последующим разрушением костной ткани.

Имеются следы неумышенной деформации головы. По верхнему краю теменных костей, позади брегмы, выявлены попечные борозды (*tumpline deformation*): ширина – 32 мм, длина – 97 мм. Кроме того, установлена затылочная деформация (*cradle deformation*), связанная с длительным пребыванием ребенка в лежачем положении, что характерно для первых месяцев жизни.

Индивид № 39-2. Обнаружен череп юноши 15–17 лет.

Краниоскопия. Определены следующие дискретно варьирующиеся признаки: *foramen supraorbitalis, spina processus frontalis ossis zygomatica, spina trochlearis, stenocrotaphia* (К-образная форма), *processus frontalis squamae temporalis, processus temporalis ossis frontalis, ossa Wormiana suturae squamosae et suturae lambdoideae, foramen parietale, sutura mendosa, os asteriale, foramina mastoidea* (вне шва), *torus palatinus* (балл 1,5), *sutura palatina transversa* (П-образная), *sutura incisiva, foramen spinosum, condylus occipitalis bipartitum, processus paramastoideus, canalis condylaris, foramina mentalia*.

Оdontология. Размеры коронок первых и вторых моляров (M^1, M^2) в вестибуло-лингвальном (VLcog) и мезио-дистальном (MDcog) направлениях находятся в пределах средних значений. На первом верхнем моляре зафиксированы слаборедуцированные гипоконус (балл 4-) и метаконус (балл 2); на втором – гипоконус сильно редуцирован (балл 3, 3+). Имеется бугор Карабелли на первом моляре.

Палеопатология. Слабо выраженные *cribra orbitalia* (балл 1) могут быть связаны с локальными воспалительными процессами. Также наблюдается поротический гиперостоз наружного слухового прохода. Неумышленные деформации головы (*tumpline* и *cradle deformations*) также зафиксированы у юноши.

Индивид № 39-3. Останки принадлежат женщине в возрасте 20–25 лет. Сохранность костей черепа – хорошая.

Краниология. Череп характеризуется долихокраиной: продольный диаметр значительно превышает поперечный. Высота черепа большая. Надпереносье и надбровные дуги выражены слабо (балл 1). Наибольшая и наименьшая ширина лба находятся в пределах средних значений. Верхняя высота и ширина лицевого скелета – также средние. Нос отличается значительной шириной и высотой. Орбиты имеют среднюю ширину и большую высоту. Длина нёба небольшая, ширина – очень малая. Дакриальная ширина – средняя, высота – большая.

Краниоскопия. На черепе женщины зафиксированы следующие краниоскопические признаки: *processus temporalis sossis frontalis*, *ossa Wormiana suturae squamosae*, *foramen parietale*, *ossa Wormiana suturae lambdoideae*, *condyles occipitalis bipartitum*, *processus paramastoideus*.

Оdontология. Размеры коронок первых и вторых моляров (M^1 , M^2) во вестибуло-лингвальном (VLcor) и мезо-дистальном (MDcor) направлениях находятся в диапазоне средних значений. По среднему зубному модулю выявлен микродонтный тип, характерный для южноевропеоидных популяций. У второго премоляра вестибулярный бугор немногого больше лингвального, однако их размеры сходны (2-й тип).

Палеопатология. Слабо выраженные костные дефекты в области внутреннего угла глазницы (*cribra orbitalia*, балл 1) и наружного слухового прохода). Ушные экзостозы представлены небольшими костными наростами. Этот признак, как правило, связан с воздействием холодной воды. Определена затылочная деформация (*cradle deformation*), сформировавшаяся в раннем детстве в результате длительного пребывания в люльке. Установлено наличие мастроидита – воспалительного процесса в среднем ухе. Умеренно выраженные затылочные валики (балл 2) располагаются на уровне верхних въйных линий, в зоне прикрепления трапециевидной мышцы (*m. trapezius*). Согласно ряду исследований, формирование этих структур связано с физической активностью, в частности, с подъемом и переносом тяжестей на одном или обоих плечах. Предполагается, что наличие торуса обусловлено взаимодействием генетических и экологических факторов, в том числе мышечной гиперфункцией. У женщины также зафиксирована редкая аномалия развития зуба – инвагинация (*dens invaginatus*), или «зуб

в зубе». Патология локализована в области второго премоляра правой верхней челюсти. По классификации Оелера [Oehlers 1958] данный случай отнесен к типу IIIA. На зубах наблюдаются светло-серые минерализованные отложения – зубной камень.

Погребение № 55. Останки индивида представлены фрагментами черепа и посткраниального скелета. По морфологическим признакам скелет принадлежит мужчине в возрасте 35–45 лет.

Краниология. Череп долихокранный, с выраженно большим продольным и средним поперечным диаметрами. Ширина лобной кости и основания черепа – большие. Затылочная часть черепа – очень широкая. Длина альвеолярной дуги большая, ширина – средняя; ширина нёба – очень маленькая, ширина носа – значительно большая. Длина нижней челюсти – очень большая, минимальная ширина и высота ветви – значительные. Симфиз и высота тела нижней челюсти – высокие. Толщина тела челюсти – очень большая.

Краниоскопия. На черепе зафиксированы следующие дискретно варьирующиеся признаки: *foramen supraorbitalis*, *foramen infraorbitale accessorium*, *foramina zygomaticofacialis*, *spina processus frontalis ossis zygomatica* (прямая), *processus temporalis ossis frontalis*, *ospostsquamosum*, *foramina parietalia*, *ossa Wormiana suturae lambdoidea*, *osasteriale*, *foramina mastoidea* (на шве), *torus palatinus* (балл 2), *sutura palatina transversa*, *sutura incisiva*, *canalis craniopharyngeus*, *foramina mentalia*.

Одонтология. Размеры коронок первых и вторых моляров (M^1 , M^2) во вестибуло-лингвальном (VLcor) и мезио-дистальном (MDcor) направлениях варьируют от малых до средних. Гипоконус второго верхнего моляра сильно редуцирован ($M2 \Sigma 3, 3+$). Нижние первые моляры имеют 5 бугорков с Y -образным фиссурным узором. Вторые и третьи моляры состоят из 4 бугорков, фиссурный рисунок соответствует X-типу.

Остеометрия. Длинные кости скелета отличаются значительными продольными размерами. Рост индивида, рассчитанный по бедренной кости, составил около 196,5 см \pm 3,86, что является исключительно высоким показателем. Минимальный диаметр диафиза плечевой кости – очень большой. Верхняя часть диафиза локтевой кости имеет характерную платолинию. Бедренная кость также демонстрирует очень большую длину и окружность середины диафиза. На шейке бедра зафиксирован костный наплыв (*plaque*). Большеберцовые кости массивны, по индексу платикнемии отмечается гиперплатикнемия.

Мышечный рельеф и функциональные нагрузки. Развитие костно-мышечных индикаторов на костях верхних и нижних конечностей выражено сильно (от 1,5 до 3 баллов). На плечевых костях зафиксированы энтезопатии в области прикрепления сухожилия длинной

головки двуглавой мышцы плеча (*capitlongum.m.bicipitisbrachii*). Умеренно развиты гребни малого бугорка, межбугорковая борозда и дельтовидная шероховатость. На локтевой кости хорошо выражены локтевая бугристость и гребни пронатора – мышцы, отвечающей за вращение предплечья вперед. На головке локтевой кости зафиксированы экзостозы. На бедренных костях ярко выражены *lineaaspera* и ягодичная шероховатость. Задняя поверхность большеберцовых костей демонстрирует четкую линию камбаловидной мышцы (*m.soleus*). На безымянных костях наблюдаются признаки значительных нагрузок на связочный аппарат лонного сочленения. В местах прикрепления верхней и дугообразной лобковых связок отмечаются энтеозопатии. На симфизарной поверхности левой лобковой кости присутствуют участки лизиса в виде округлых отверстий диаметром 1–2,5 мм, что может указывать на длительно существовавшую патологию, сопровождавшуюся хромотой. В верхней части крыла подвздошных костей обнаружены костные разрастания округлой формы, ориентированные медиально. Подобные изменения зафиксированы в зоне крестцово-подвздошного сочленения, а также в области верхнего края вертлужной впадины.

Палеопатология. Умеренно выраженные затылочные валики (балл 2) наблюдаются на затылочной кости. Слабо выраженная эмалевая гипоплазия зафиксирована на клыках. На премолярах и молярах визуализированы отложения зубного камня на щечных и язычных поверхностях. Верхние резцы демонстрируют характерный износ, вероятно, связанный с использованием зубов в качестве инструмента. На премолярах верхней челюсти также отмечаются сколы эмали, предположительно связанные с особенностями диеты. В области левого первого моляра верхней челюсти выявлено гнойное воспаление кости.

На телах грудных и поясничных позвонков обнаружены грыжи Шморля – вдавления межпозвоночных дисков в тела позвонков, формирующиеся под действием компрессионных нагрузок, преимущественно в подростковом возрасте. Грыжи расположены в центральной части тел позвонков. По краям тел и на вершинах остистых отростков визуализируются слабо выраженные краевые остеофиты.

Погребение № 60. Останки представлены фрагментами черепа и посткраниального скелета. По морфологическим признакам скелет принадлежит женщине в возрасте 30–35 лет.

Краниология. Ширина лобной кости и верхняя ширина лица значительные, в то время как ширина основания черепа – очень малая. Длина нижней челюсти (измеренная от мыщелков и от углов) – большая. Умеренная выраженность наблюдается в зоне прикрепления жевательной мышцы (*m. masseter*) на наружной поверхности

правого угла и внутренней крыловидной мышцы (*m. pterygoideus medialis*) – на внутренней поверхности угла. Высота и минимальная ширина ветви челюсти – средние. Высота симфиза невелика; высота и толщина тела челюсти – на среднем уровне.

Краиоскопия. Выявлены следующие дискретно варьирующие признаки: *spina trochlearis, foramina zygomatico faciales, spina processus frontalis ossis zygomatica* (выступ), *ossa Wormii suturae squamosae, ossa Wormii suturae coronalis, ossa Wormii suturae lambdoideae, foramina parietalia, foramina mentalia, sutura incisiva*.

Одонтология. Размеры коронок моляров (M^1, M^2, M^3) по вестибуло-лингвальному (VLcor) и мезио-дистальному (MDcor) диаметрам относятся к категории средних и малых значений. Гипоконус (балл 4–) и метаконус (балл 2) первых верхних моляров слабо редуцированы. Вторые верхние моляры ($M^2 \Sigma 3, 3+$) – редуцированы. В целом зубной ряд характеризуется микродонтизмом, что типично для грацильных форм. У правого латерального резца выявлена «премоляроподобная» форма. Коронко-радикулярная борозда смещена мезиально, отделяя лингвальный бугорок от мезиального краевого гребня. Борозда продолжается на корень. Лингвальная поверхность верхних резцов отличается лапатообразной формой. Нижний первый моляр имеет пять бугорков с Y-образным фиссурным рисунком. Второй и третий моляры (левые) – четырехбугорковые с X-образным фиссурным рисунком, тогда как третий правый моляр – пятибугорковый с Y-образным узором. Таким образом, отмечается асимметрия в строении третьих моляров.

Остеология. Наибольший диаметр середины плечевой кости – средний, наименьший – большой. Минимальная окружность диафиза плечевой кости – малая. Поперечные и сагиттальные диаметры правой локтевой кости – малые. Сагиттальные диаметры верхней и средней трети бедренной кости – малые, тогда как поперечные – средние. На нижней суставной поверхности большеберцовой кости наблюдается латеральная дополнительная суставная площадка. Также на левой плечевой кости отмечено межмыщелковое отверстие.

Развитие мышечного рельефа. На ключицах обнаружено хорошо выраженное место прикрепления коноидальной связки. На плечевых костях наблюдается развитая дельтовидная бугристость. На локтевых костях отчетливо выражен межкостный гребень, а также разрастание гребня квадратного пронатора в дистальном отделе диафиза, что свидетельствует о значительной нагрузке при пронации предплечья. Бедренные кости демонстрируют хорошо выраженные *linea aspera* и ягодичную шероховатость. Рельеф задней поверхности большеберцовых костей, соответствующий линии камбаловидной мышцы (*m. soleus*), также развит.

Палеопатология. На внутренней пластинке лобной кости зафиксирован гиперостоз – патологическое утолщение костной ткани, известное как синдром Морганьи–Стюарта–Мореля. Среди возможных причин – гормональные и метаболические нарушения (ожирение, эндокринные дисфункции, сахарный диабет, гиперпаратиреоз). У современных женщин заболевание чаще встречается у нерожавших или отказавшихся от грудного вскармливания [Юлес, Холло 1976].

Кроме того, у женщины зафиксирован маркер эпизодического стресса в детстве – *cribra orbitalia*. Также выявлен активный некротический процесс на черепе, предположительно воспалительного характера, возможно, вследствие травмы (удар тупым предметом). Внутренний слой кости при этом остался неповрежденным. На зубах обнаружена эмалевая гипоплазия – индикатор физиологического стресса в раннем детстве.

Заключение

Полученные оригинальные антропологические данные по племенам XIII–XII вв. до н. э. из Арагацотнской области существенно дополняют сведения о биологическом облике населения Армении в позднем бронзовом веке и расширяют представления об особенностях адаптации человека к условиям существования в горной зоне Южного Кавказа. Материалом для исследования послужили скелетные останки семи индивидов: мужчины, двух женщин, подростка и трех детей.

У трех индивидов из числа тех, у кого удалось измерить продольный и поперечный диаметры черепа, отмечена долихокранная форма головы. Распределение ряда дискретно-варьирующих (генетически детерминированных) признаков указывает на возможные родственные связи между погребенными. У четырех индивидов зафиксированы следующие общие признаки: височный отросток лобной кости, теменное отверстие, вормиевые косточки в ламбдовидном шве и подбородочные отверстия. У трех наблюдаются шовные косточки в чешуйчатом шве, вставная кость в области астериона, П-образная форма поперечного небного шва и отросток затылочной кости. У двух индивидов выявлены такие признаки, как надглазничное отверстие, блоковая ость, скullo-лицевое отверстие, прямая и выступающая формы латерального края лобного отростка скуловой кости, сужение птериона (Н- и Х-образное), вставочная кость в области теменной вырезки, сосцевидные отверстия, отсутствие остистого отверстия, двухсоставной затылоч-

ный мыщелок и мыщелковый канал. У одного индивида отмечены такие редкие признаки, как добавочное подглазничное отверстие, лобный отросток височной чешуи, мендозный шов, эпиптерные кости, шовные косточки в венечном шве и черепно-глоточный канал.

Зубная система изученных индивидов соотносится с южным грацильным типом и характеризуется выраженной редукцией гипоконуса вторых верхних моляров. Из числа восточных признаков диагностирована лопатообразная форма верхних резцов.

У двух взрослых индивидов выраженные костно-мышечные маркеры указывают на интенсивную физическую активность. При систематической перегрузке определенных мышечных групп происходит перестройка кости в местах прикрепления сухожилий, что может сопровождаться либо костными разрастаниями, либо признаками воспаления или резорбции (энтезопатии).

Помимо выраженного развития отдельных мышечных групп, у некоторых индивидов выявлены комплексы признаков, отражающие профессионально обусловленную двигательную активность. Так, у одного из взрослых мужчин обнаружен так называемый «комплекс всадника». У двух индивидов диагностированы затылочные костные структуры, представленные гребнями, буграми и хребтами, формирующимися под воздействием продолжительных и интенсивных мышечных нагрузок. Их формирование, как правило, начинается с детского возраста и связано с подъемом и переноской тяжестей, в том числе на плечах.

На трех черепах выявлена уплощенность задней части теменных костей и верхнего края чешуи затылочной кости (так называемая *cradle deformation*), обусловленная длительным пребыванием младенцев в деревянных люльках – «оророц» или «бешик», характерных для традиционного воспитания в Армении. Кроме того, на двух детских черепах зафиксированы признаки краниальной деформации типа *tumpline deformation*. Она выражается в неглубоких вдавлениях теменных костей за бregмой и связана с использованием головы ребенка для переноски груза. При этом ребенок периодически менял положение груза, перекладывая его с темени на плечи. Выявление таких следов имеет особое значение для реконструкции раннего трудового участия детей в традиционных обществах.

Интересные наблюдения связаны с обнаружением в погребениях позднего бронзового века (XIII–XII вв. до н.э.) на территории Армении изолированных зубов и фрагментов челюстей без остального скелета. В частности, в одном из погребений могильника Кучак были зафиксированы только детские зубы, при полном отсутствии костных остатков. Аналогичная ситуация отмечена

в могильниках Бовер (в 32% погребений), Багери Чала (15,63%) и Барцрял (12,83%). Подобные погребения известны и по материалам памятника Лори Берд, где, по наблюдениям С.Г. Деведжян [Деведжян 1981], четыре человеческих зуба были найдены вместе с ювелирными изделиями – бусами из аметиста и сердолика, серебряными браслетами с изображениями змей, бронзовой гривной и золотой диадемой.

У трех индивидов зафиксирован поротический гиперостоз глазничных сводов (*cribra orbitalia*), а у двух – аналогичные поражения в области наружного слухового прохода. Эти изменения костной ткани традиционно интерпретируются как маркеры анемии, хотя их патогенез может быть связан и с другими факторами – хроническими инфекциями, паразитами, метаболическими нарушениями (цинга, ра�ахит), а также социально-экологическими условиями жизни: антисанитарией, загрязненной питьевой водой, дефицитом питательных веществ, социальной неравномерностью и насилием.

В ряде случаев наблюдаются признаки инфекционных заболеваний, в том числе мастоидита, зафиксированного у двух индивидов. Воспаление ячеек сосцевидного отростка, как правило, развивается как осложнение острого среднего отита. Оно может быть вызвано травмой, септическими состояниями или патогенами бактериального (стафилококки, стрептококки), вирусного и грибкового происхождения. У одного из этих индивидов также обнаружены признаки воспаления надкостницы в области черепа.

Лобный гиперостоз, выявленный у женщины 30–35 лет, рассматривается как индикатор нарушений обмена веществ и, вероятно, свидетельствует о специфическом характере питания, включающем избыточное потребление жиров и углеводов. Этот признак также может указывать на особенности репродуктивной истории и гормонального статуса.

Таким образом, даже немногочисленный антропологический материал из Кучакского могильника позволяет реконструировать отдельные аспекты образа жизни, трудовой деятельности и здоровья населения. Наличие воспалительных процессов, энтеозопатий и деформаций указывает на преимущественно оседлый характер существования и значительные физические нагрузки, начиная с детского возраста.

Благодарности

Автор выражает искреннюю признательность Татьяне Иннокентьевне Хорхординой за ценные рекомендации, внимательное прочтение рукописи и поддержку, оказанную в процессе подготовки статьи к публикации.

Acknowledgements

The author expresses sincere gratitude to Tatyana Innokentyevna Khorkhordina for her valuable recommendations, careful reading of the manuscript, and support during the preparation of this article for publication.

Литература

Деведжян 1981 – *Деведжян С.Г.* Лори-Берд. Т. 1. Ереван: АН АрмССР, 1981. 85 с.

Зубов 1968 – *Зубов А.А.* Одонтология (методика антропологических исследований). М.: Наука, 1968. 199 с.

Мовсесян и др. 1975 – *Мовсесян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г.* Программа и методика исследования аномалий черепа // Вопросы антропологии. 1975. № 51. С. 127–150.

Юлес, Холло 1976 – *Юлес М., Холло И.* Диагностика и патофизиологические основы нейроэндокринных заболеваний. Будапешт: Академия наук Венгрии, 1976. 153 с.

AlQahtani et al. 2010 – *AlQahtani S.J., Hector M.P., Liversidge H.M.* Brief communication. The Londonatlas of human tooth development and eruption // American Journal of Physical Anthropology. 2010. Vol. 142, No. 3. P. 481–490.

Khudaverdyan 2021 – *Khudaverdyan A.Yu.* Bronze and Iron Ages warriors from the Qarashamb burial ground. Anthropological and paleopathological perspective // Bulletin of the International Association for Paleontology. 2021. Vol. 15. No. 2. P. 83–97.

Oehlers 1958 – *Oehlers F.A.* The radicular variety of dens invaginatus // Oral Surgery, Oral Medicine, Oral Pathology, Oral Radiology, Endodontology. 1958. No. 11. P. 1251–1260.

References

AlQahtani, S.J., Hector, M.P. and Liversidge, H.M. (2010), “Brief communication. The Londonatlas of human tooth development and eruption”, *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 142, no. 3, pp. 481–490.

Devedzhyan, S.H. (1981), *Lori-Berd* [Lori-Berd], AN Armyanskoi SSR, Erevan, USSR.

Khudaverdyan, A.Yu. (2021), “Bronze and Iron Ages warriors from the Qarashamb burial ground. Anthropological and paleopathological perspective”, *Bulletin of the International Association for Paleontology*, vol. 15, no. 2, pp. 83–97.

Movsesyan, A.A., Mamonova, N.N. and Rychkov, Yu.G. (1975), “A program and methodology of study of skull abnormalities”, *Voprosy antropologii*, no. 51, pp. 127–150.

Oehlers, F.A. (1958), “The radicular variety of dens invaginatus”, *Oral Surgery, Oral Medicine, Oral Pathology, Oral Radiology, Endodontology*, no. 11, pp. 1251–1260.

Zubov, A.A. (1968), *Odontologiya (metodika antropologicheskikh issledovanii)* [Odontology. Methodology of anthropological research], Nauka, Moscow, USSR.

Yules, M. and Hollo, I. (1976), *Diagnostika i patofiziologicheskie osnovy neiroendokrinnykh zabolеваний* [Diagnostics and pathophysiological bases of neuroendocrine diseases], Akademiya nauk Vengrii, Budapest, Hungary.

Информация об авторе

Anaum IO. Худавердян, кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии НАН, Ереван, Республика Армения; 0025, Республика Армения, Ереван, ул. Чаренца, д. 15; akhudaverdyan@mail.ru.

ORCID ID: 0000-0002-1458-783X

Information about the author

Anahit Yu. Khudaverdyan, Cand. of Sci. (History), Institute of Archaeology and Ethnography, Erevan, Republic of Armenia; 15, Charents St., Erevan, Republic of Armenia, 0025; akhudaverdyan@mail.ru.

ORCID ID: 0000-0002-1458-783X

УДК 339(47+5)
DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-42-63

Микромир российско-азиатской караванной торговли
второй трети XIX в.
в трудах Ч.Ч. Валиханова

Константин А. Абдрахманов

*Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия, kostya.abdrakhmanov@mail.ru*

Сергей В. Любичанковский

*Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия, svlubich@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются материалы кашгарской экспедиции Ч.Ч. Валиханова 1858–1859 гг. в повседневно-антропологическом контексте. Целью работы является реконструкция сюжетов дорожно-караванной жизни купечества на основе материала путевых дневников прямого участника делового процесса. Анализ российско-азиатских экономических связей первой половины – середины XIX в. с позиций субъекта делового процесса, помещенного в пространство трудовой повседневности, дает возможность осознать роль личности в истории транс-азиатской торговли, рассмотреть условия, в которых протекала профессиональная деятельность купцов-международников, и определить их ментально-физиологические характеристики. Поддержание легенды торговца через «копирование» трудовых функций купца-караванщика позволило Ч.Ч. Валиханову передать объективную картину дорожного быта участников караванной торговли. Его дневники позволяют детально рассмотреть проблемы финансирования внешнеторгового предприятия, социальную структуру торгового каравана, увидеть реакцию людей на дорожные эксцессы и понять механизм адаптации индивидов к экстремальным условиям. Новизна исследования заключается в том, что эгонаследие Ч.Ч. Валиханова еще не подвергалось анализу в антропологическом аспекте с позиций микроистории и истории повседневности. Архитектоника текста статьи позволяет читателю рассмотреть микроклимат караванного хода, начиная с момента формирования торговой процессии, далее увидеть рабочие будни путешественников и завершить знакомство с темой исследования на гастрономической культуре и досуговых практиках караванщиков. В завершение исследования сделан

© Абдрахманов К.А., Любичанковский С.В., 2025

вывод о том, что автор дорожных заметок и непосредственный участник караванного перехода достаточно четко детализировал микромир российско-азиатской караванной торговли первой половины – середины XIX в., описав основные проблемы организации этого экономического и транспортно-логистического феномена.

Ключевые слова: Ч.Ч. Валиханов, караванная торговля, купечество, дневники, эгодокументы, дорожная повседневность

Статья поступила в редакцию 10 апреля 2025 г.;
принята к публикации 30 июня 2025 г.

Для цитирования: Абдрахманов К.А., Любичанковский С.В. Микромир российско-азиатской караванной торговли второй трети XIX в. в трудах Ч.Ч. Валиханова // История и архивы. 2025. Т. 7. № 4. С. 42–63. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-42-63

The microcosm of the Russian-Asian caravan trade
in the second third of the 19th century
in the works of Ch.Ch. Valikhanov

Konstantin A. Abdrakhmanov

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia,
kostya.abdrakhmanov@mail.ru

Sergey V. Lyubichankovskiy

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia,
svlubich@yandex.ru

Abstract. The article considers the materials from the Kashgar expedition of Chokan Valikhanov in 1858–1859 in the context of anthropology and the history of everyday life. Based on the travel diaries of a direct participant in the business process, the authors aim to reconstruct the road-bound caravan life of the merchants. The analysis of the economic relations between Russia and Asia during the first half and the middle of the 19th century is carried out from the perspective of a business process subject placed in the space of everyday work; such a research allows us to understand the role of an individual in the history of the trans-Asian trade, to consider the conditions of professional activities of the merchants engaged in international trade, and to determine the mental and physiological characteristics of those merchants. Maintaining the identity of a trader by “copying” the labor functions of a merchant travelling with a caravan allowed Chokan Valikhanov to convey an objective picture of the everyday life of caravan trade participants. His diaries provide a detailed look at the challenges of financing a foreign trade enterprise, the social structure of a trade

caravan, to see the people's reactions to road incidents and to understand the mechanism of individuals' adaptation to extreme conditions. The novelty of the research lies in the fact that the ego-legacy of Chokan Valikhanov has not yet been analyzed in an anthropological format from the standpoint of micro history and the history of everyday life. The architectonics of article's text allows the reader to explore the microclimate of the caravan procession starting with the formation of a trading caravan, through the daily work of travelers, and ending with an overview of the culinary culture and the leisure activities of the caravan members. The conclusion of the study is that the author of the travel notes, who was a direct participant in the caravan passage, has quite clearly detailed the microcosm of the Russian-Asian caravan trade in the first half and the middle of the 19th century, describing the main challenges of the organization of that economic, logistic and transportation phenomenon.

Keywords: Chokan Valikhanov, caravan trade, merchants, diaries, ego-documents, everyday life on the road

The article was submitted for publication 10.04.2025;
accepted for publication 30.06.2025.

For citation: Abdrakhmanov, K.A. and Lyubichankovskiy, S.V. (2025), "The microcosm of the Russian-Asian caravan trade in the second third of the 19th century in the works of Ch.Ch. Valikhanov", *History and Archives*, vol. 7, no. 4, pp. 42–63, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-42-63

Введение

Имя ученого, путешественника и офицера-разведчика Чокана Чингисовича Валиханова (1835–1865) широко известно в научных кругах России и Казахстана. Материалы о Центральной Азии, собранные им во время торгово-дипломатической миссии 1858–1859 гг. и историко-этнографических экспедиций, нашли отражение в путевых дневниках, наблюдениях, научных заметках, этнографических и географических очерках [Серубаева и др. 2024, с. 908]. Обширное научное наследие, оставленное Ч.Ч. Валихановым, является уникальным и не до конца изученным источником информации, что позволяет ученым раз за разом обращаться к анализу его трудов и выявлять ранее нераскрытые аспекты российско-азиатских контактов середины XIX в. Разносторонние интересы Ч.Ч. Валиханова, его высокая работоспособность в плане письменной фиксации полученных сведений, а также глубокие познания в области исторического, культурного, политического, экономического развития народов Центральной Азии позволили современным ученым детально рассматривать труды автора, акцентируя внимание на отдельных сюжетах его научного творчества.

Для современных работ в области «шокановедения» [Серубаева и др. 2024, с. 908] характерно тематическое деление, подразумевающее изучение вклада Ч.Ч. Валиханова в освещение достаточно узких историко-культурных аспектов. Наибольшее внимание личности и творчеству Ч.Ч. Валиханова уделяют ученые из Республики Казахстан. О важности научной работы Ч.Ч. Валиханова в полевых условиях сообщает статья С.А. Абдрахмановой и К.Г. Жапаровой [Абдрахманова, Жапарова 2020]. Авторы подчеркивают, что «экспедиционная деятельность Ч. Валиханова и его исследования как ученого в области географии заслуживают особого внимания» [Абдрахманова, Жапарова 2020, с. 21]. Анализу поездки Ч.Ч. Валиханова в Восточный Туркестан посвящена статья Е. А. Курманбаева [Курманбаев 2008]. Проблемы секретности при отправке торгово-разведывательной миссии Ч.Ч. Валиханова в Кашгар и вопросы финансирования этой поездки рассмотрел Ж.А. Ермекбай [Ермекбай 2016]. Автор обратил внимание на вклад отдельных купцов в обеспечение успеха экспедиции [Ермекбай 2013, с. 102]. Новейшая коллективная статья казахстанских ученых анализирует достижения Ч.Ч. Валиханова в области изучения кочевой культуры Казахской степи и тем самым выбивается из популярного цикла работ, посвященных рискованным поездкам российского офицера-разведчика [Серубаева и др. 2024, с. 908].

Наряду с казахстанскими коллегами наследие Ч.Ч. Валиханова изучают и российские авторы. Так, проблему религиозности кочевников в трудах Ч.Ч. Валиханова подняла Ю.А. Лысенко [Лысенко 2007]. Р.Ю. Почекаев проанализировал его успехи в плане поиска и систематизации сведений о политико-правовой культуре ханств Средней Азии [Почекаев 2013; Почекаев 2018]. Рассуждая о тематической широте работ Ч.Ч. Валиханова, Р.Ю. Почекаев отметил, что «наибольший интерес вызывают труды Валиханова по результатам его разведывательной миссии в Восточный Туркестан (Кашгарию) в 1858–1859 гг.» [Почекаев 2018, с. 12].

Исходя из этого, в контексте предлагаемого нами исследования, дневники кашгарской разведывательной экспедиции являются основным источником информации. Уникальность материала заключается в том, что описание поездки в Кашгар – это один из немногих известных научному сообществу на сегодняшний день эгоисточников, детально воспроизводящих микромир караванной торговли. В настоящее время в научный оборот введено всего несколько релевантных эготекстов, составленных непосредственными участниками внешнеторговых операций, позволяющих с позиции микроистории и истории повседневности рассмотреть специфику караванного хода. Подобный дефицит материалов личного свойства объясняется отсутствием в культуре купечества XIX в.

таких интеллектуальных практик, как стихосложение, написание мемуаров или ведение дневников. Ростовский купец Евграф Кайдалов, отправившийся осенью 1824 г. в Бухару в качестве начальника каравана, объяснил, что в торговой среде деловой интерес всегда превалировал над желанием культурного саморазвития и тягой к эрудиции. «Коммерческому человеку беспрестанные по его званию занятия весьма мало уделяют досугов украсить свой ум, обработать свой слог и усовершить литературные познания...» – сетовал предприниматель¹. Доступное для изучения крайне незначительное количество подобных произведений было составлено как самими предпринимателями, так и их приказчиками. Собственно к купеческим произведениям относятся дневник поездки в Хиву в 1753 г. самарского купца Д. Рукавкина², «караван-записки» уже упомянутого коммерсанта Е. Кайдалова³ и рассказ торговца Абросимова⁴, посетившего Хиву в начале 60-х гг. XIX в. Аналогичного содержания сочинения приказчиков принадлежат Н. Уралову⁵ и некоему татарину Ахметжанову⁶.

Таким образом, обращаясь к материалам поездки в Кашгар Ч.Ч. Валиханова, мы стремимся подвергнуть анализу не систему экономических связей России с Центральной Азией через ее производные (объем товарооборота, нормативно-правовую базу, межправительственные договоренности о торговле и т. д.), а детально рассмотреть тонкости организации караванного хода через эмоционально-предметный мир субъектов деловой активности. Осмысление глобальной проблемы, например торговых связей России с государствами Азии в XIX в., через микросюжеты делает, казалось бы, незначительных персонажей важными участниками исторического процесса. Материал кашгарской миссии вполне репрезентативен для реконструкции караванной повседневности купечества,

¹ Кайдалов Е. Караван-записки во время похода в Бухарию российского каравана под воинским прикрытием в 1824 и 1825 годах, веденные начальником оного каравана над купечеством Евграфом Кайдаловым: В 3 ч. М.: Университетская тип., 1827. С. 3–4.

² Руссов С.В. Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина, в 1753 году, с приобщением разных известий о Хиве с отдаленных времен доныне. СПб.: Тип. Мин-ва внутренних дел, 1840. 56 с.

³ Кайдалов Е. Указ. соч.

⁴ Рассказ торговца Абросимова о поездке его в Хиву // Туркестанские ведомости. 1871. № 43. 22 нояб.

⁵ Уралов Н. На верблюдах: воспоминания из жизни в Средней Азии. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1897. 188 с.

⁶ Ахметжанов. Две поездки в Кашгар с караваном купца Кузнецова // Туркестанские ведомости. 1872. № 30. 1 авг.

участвовавшего в российско-азиатской торговле XIX в. Несмотря на то что торговый успех этой поездки был явно вторичен для российского офицера по отношению к сбору разведданных, имитация роли торговца обязывала Ч.Ч. Валиханова выполнять общие с профессиональным купечеством трудовые функции и действовать в идентичном рабочем пространстве.

Вопросы организации каравана

Обращаясь к тексту воспоминаний о поездке в Кашгар, мы видим деление повествования на тематические блоки. Неизвестно, осознанно ли Ч.Ч. Валиханов применил методический прием логического построения текста или сделал это интуитивно, но структура и содержание дневника максимально точно отражают организационные проблемы внешнеторгового предприятия на азиатском направлении и ярко демонстрируют порядок формирования каравана. Вводная часть отражает весьма низкий уровень политических связей России с азиатскими странами в первой половине – середине XIX в. В этот период азиатские власти признавали легитимным присутствие на своей территории только тех иностранцев, в том числе россиян, чей визит был обусловлен деловым интересом. О риске быть уличенным в какой-либо запрещенной деятельности и возможности подвергнуться за это наказанию Ч.Ч. Валиханов сообщал: «Предпринимать какую-либо поездку по среднеазиатским владениям без опасения возбудить подозрение местных властей невозможно иначе, как под видом торговца, и то не иначе, как при каком-нибудь караване и с собственным товаром, хоть не на большую сумму»⁷. Это объяснение внешнеполитических реалий времени говорит о бдительности азиатских правителей и чиновников, отвечавших за погранично-пропускной режим. Пересекавшим азиатскую границу иностранцам для подтверждения статуса коммерсанта необходимо было не просто словесно обозначить характер занятий, но и предъявить в достаточном количестве соответствующую атрибутику: товары, деньги, выочных животных.

Во вступительной части дневника автор указал на распространенную в XVIII – начале 70-х годов XIX в. практику привлечения российского купечества к выполнению правительственные поручений разведывательного характера [Абдрахманов 2023а; Султангалиева, Суйнова 2022, с. 76]. Оказать помощь Ч.Ч. Валиханову

⁷ Валиханов Ч.Ч. Записки об организации поездки в Кашгар // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 8.

в дальней поездке был готов некий Мамед-Якуб Янкулов, «бывший несколько раз в Кашгаре, хорошо знакомый со всеми местными условиями...»⁸. Знания опытного купца о географии караванных маршрутов в российско-центральноазиатской торговле, специфике заключения деловых соглашений, психологии и культуре местного населения и в целом полное понимание им алгоритма сбора торгового каравана были крайне необходимы Ч.Ч. Валиханову. Смущало российского дипломата-разведчика только то, что купец Янкулов к моменту подготовки экспедиции находился на грани полного разорения, а следовательно, не имел никакой возможности самостоятельно «снаряdzić самый ничтожный караван»⁹. В такой ситуации имитация Ч.Ч. Валихановым образа торгового человека, включавшая покупку или аренду вьючных и верховых животных, приобретение различных товаров, а также наем работников, должна была финансироваться государством.

Информация об отсутствии у купца Янкулова возможности собрать даже незначительный караван подтверждает факт высокой стоимости организации в этот период внешнеторговых операций с государствами Азии. В первой половине – середине XIX в. реализация деловых операций с азиатскими странами не только приносила владельцам товаров солидную прибыль, но и требовала немалых вложений, поэтому далеко не каждый предприниматель мог стать членом элитного «клуба» купцов-международников. Что касается размера каравана, то он не был строго регламентирован, а поэтому в путь отправлялись как огромные процесии в несколько сот или даже тысяч вьючных животных, так и небольшие группы, включавшие не более пяти верблюдов. То есть размер каравана и ценность товаров в нем были прямо пропорциональны финансовым возможностям коммерсанта. В качестве примера колоссальных затрат на подготовку делового предприятия можно привести организационные расходы московского купца 1-й гильдии А.С. Кайдалова, отправившего караван из Оренбурга в Бухару осенью 1824 г.

Транспортные расходы Кайдалова на дорогу от Троицка до Бухары через Оренбург включали такую позицию, как выплата жалованья своим служащим: «главному приказчику и четырем его помощникам 8000 руб., трем из татар работникам 600 руб.»¹⁰. Для путешествия своих сотрудников и перевозки их личных вещей купцом были закуплены 7 верховых лошадей и несколько верблюдов

⁸ Там же. С. 7.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГА ЧО). Ф. И-28. Оп. 1. Д. 103. Л. 6.

за 1610 рублей. На продукты питания для служащих и корм для лошадей ушло еще 734 руб. 50 коп.¹¹ Не считая закупки товаров, предназначенных для сбыта в городах Средней Азии, самым затратным пунктом организации каравана являлось приобретение или аренда вьючных животных. Купец А. Кайдалов нанял возчиков с их верблюдами в разных городах Оренбургской губернии. В Троицке им было арендовано 66 верблюдов по 80 руб. за каждого, общей стоимостью 5280 руб.¹² Из Орской крепости в Оренбург отправились 50 верблюдов, плата за которых составила 100 руб. за голову¹³. Нанятые в самом Оренбурге 195 верблюдов стоили уже 110 руб. за животное, поэтому обошлись коммерсанту в 21 450 руб.¹⁴ За все три партии верблюдов купцу пришлось заплатить 31 730 руб. Всего А. Кайдалов отправил в Бухару товаров из Троицка, Орска и Оренбурга на сумму 244 405 руб. 30 коп., а общие расходы на подготовку поездки составили огромную для того времени сумму – 311 677 руб.¹⁵ Стоимость собственных товаров Ч.Ч. Валиханова достигала 1500–2000 руб. серебром¹⁶, а весь коммерческий груз объединенного каравана оценивался в 19 тыс. руб. серебром¹⁷. Финансовые показатели ставили этот караван в категорию среднеразмерных, однако расходы на организацию все же были достаточно велики. «Немаловажный расход для каравана составило содержание прислуги и вьючного скота», – раскрыл одну из самых затратных статей источник¹⁸. На одежду, питание и выплату жалованья работников было потрачено 1036 руб.¹⁹, т. е. около 5,4% от общей стоимости отправленных в дорогу товаров.

Социально-профессиональная структура торгового каравана

Приступая к реконструкции алгоритма караванного хода на основе кашгарских дневников Ч.Ч. Валиханова, рассмотрим

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 6 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 13.

¹⁶ Валиханов Ч.Ч. Записки об организации поездки в Кашгар // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Т. 3. С. 8.

¹⁷ Валиханов Ч.Ч. Описание пути в Кашгар и обратно в Алатавский округ // Там же. С. 83.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

организационную структуру торгового каравана²⁰. Крайне редко торговые караваны, собранные на средства одного коммерсанта, отправлялись в опасный путь автономно. Даже если размер процесии колебался от среднего (100–300 верблюдов) до большого (от 300 верблюдов), купцы предпочитали объединять свои караваны для большей уверенности в успехе предприятия. Совместное путешествие предоставляло купцам определенные преимущества: во-первых, появлялись определенные гарантии безопасности, так как присутствие в караване значительного числа людей давало больше шансов на отражение атаки налетчиков или вообще могло отпугнуть грабителей в случае их малочисленности; во-вторых, благодаря консолидации усилий людей, занятых общим делом, аккумулировались знания, опыт и навыки погонщиков, проводников, приказчиков, начальников каравана, что обеспечивало более эффективное решение возникавших во время движения проблем; в-третьих, трудная поездка, наполненная испытаниями для морально-психологических и интеллектуально-физических возможностей человека, позволяла купцам оценивать друг друга и находить либо надежных партнеров, либо лиц, с которыми лучше не иметь дела; в-четвертых, при исчерпании продовольствия, падеже верблюдов, нехватке средств на выплату официальных пошлин и нелегальных притупительных сборов коммерсанты могли просить друг друга о поддержке.

Если крупные караваны самых состоятельных коммерсантов имели все шансы самостоятельно преодолеть опасный маршрут, то для малых караванов небогатых торговцев было жизненно важной задачей найти попутчиков. Караван семипалатинских купцов, в котором в июне 1858 г. отправился в путь Ч.Ч. Валиханов, также был составным и «принадлежал семи лицам»²¹. Социально-профессиональная конфигурация включала 1 начальника – караван-бashi, 7 приказчиков и 34 работника²². Для передвижения личного состава каравана предназначались 65 лошадей, товары общей стоимостью 18 545 руб. серебром размещались на 101 верблюде. Для отдыха караванщиков предназначались 6 походных юрт. Социальная принадлежность участников караванного хода показала, что сами владельцы товара решили отказаться от путешествия, что являлось в то время весьма распространенной практикой. Для реализации в Кашгаре и других местах на маршруте следования каравана предназначались ситец различных российских фабрик, сукно, коленкор

²⁰ Там же. С. 53.

²¹ Там же.

²² Там же.

и различная бытовая утварь: зеркала, подносы, подсвечники, медные тазы, перочинные ножи²³.

Начальник каравана

Путевые дневники Ч.Ч. Валиханова предлагают сведения о повседневных трудовых функциях караван-бashi – важнейшего лица в торгово-караванном движении. Функционал и полномочия начальника каравана рассмотрены как в дореволюционных²⁴, так и в современных исследованиях [Абдрахманов 2023б], однако Ч.Ч. Валиханов зафиксировал непосредственное выполнение караван-бashi своих должностных обязанностей. В обязанности главы каравана входил поиск оптимального маршрута до заданной точки, расчет длительности дневных переходов, выбор мест для ночлега, контроль продолжительности ночевок. Во время движения предводитель принимал решение о внеплановых остановках для отдыха людей и животных, ориентируясь на их состояние. «...Он хозяин на походе, и весь караван у него в безусловном повиновении», – писал В.И. Даль²⁵. Ч.Ч. Валиханов так описал стандартное завершение ночного отдыха: «утро было чрезвычайно холодное», <...> «завернувшись в шубу, я расположился около огня и начал пить чай», как вдруг «раздается повелительный голос караван-бashi: снять коши и вынуть верблюдов»²⁶. Интересен процесс, инициированный распоряжением начальника каравана: «Кругом начинается шумное движение: крик верблюдов, брань, проклятия, благочестивые призывы к аллаху, пророку и святым оглашают узкое ущелье. Едва успеваю кончить чай, как караван вступает в путь»²⁷.

Достигнув долины возле реки Нарын, караван-бashi получил от одного из наиболее опытных караванщиков по имени Мамедджан, информацию о риске подвергнуться нападению разбойников.

²³ Валиханов Ч.Ч. Кашгарский дневник II // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Т. 3. С. 38.

²⁴ Небольсин П.И. Очерки торговли России со Средней Азией // Записки Императорского русского географического общества. Кн. 10. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1855. 445 с.; Костенко Л.Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1870. 358 с.

²⁵ Даль В.И. Бикей и Мауляна // Оренбургский край в художественных произведениях писателя. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 2001. С. 219.

²⁶ Валиханов Ч.Ч. Кашгарский дневник I: Вершина Заукинского прохода // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Т. 3. С. 17.

²⁷ Там же.

Мамедджан объяснил, почему так опасен этот участок пути: «все барантачи проходят по ней, а потому я прошу Вас принять осторожность, зарядить ружья и не отходить далеко от верблюдов»²⁸. Доверяя опыту человека, побывавшего «несколько раз уже в Кашгаре», глава «останавливает караван и группирует людей»²⁹.

Экстремальные будни караванщиков

Огнестрельное оружие, которым личный состав каравана обладал в достаточно большом количестве, было необходимо для охоты на степных обитателей с целью пополнить запасы провизии или защититься от хищников, представлявших угрозу как для выочных животных, так и для самих караванщиков. Часто приходилось применять ружья и против разбойников, собиравшихся в достаточно большие отряды и промышлявших грабежом на караванных путях. В трудах историков неоднократно подчеркивалось умение купцов, их работников и прочих категорий участников экстремальной российско-азиатской караванной торговли XVIII – середины XIX в. умело применять в бою холодное и огнестрельное оружие [Рожкова 1963, с. 217; Бурлуцкая, Абдрахманов 2020, с. 551–552]. Сюжеты перестрелок и рукопашных схваток с участием караванщиков, записанные Ч.Ч. Валихановым, в очередной раз подтверждают правильность сделанных ранее выводов о незаурядных интеллектуально-физических и морально-волевых качествах субъектов российско-азиатской торговли. Этот материал показывает, что уже известные ранее примеры проявления купцами или другими участниками караванного хода храбрости и специфических навыков, казалось бы, несвойственных людям мирной профессии, не были уникальными единичными событиями, а носили в торгово-караванной среде вполне массовый характер.

Прямые атаки степных разбойников на караван были чрезвычайно опасным, но весьма прозаическим для российско-азиатской торговли XVIII – середины XIX в. явлением. Постоянно ожидая налета грабителей, личный состав каравана, особенно в случае своей большой численности, обычно был готов к отражению угрозы. Гораздо труднее было нейтрализовать неявный источник опасности. В своей монографии М.К. Рожкова сообщала об угрозе перехода на сторону налетчиков караванных возчиков из казахов, желавших, по-видимому, сохранить себе жизнь, став соучастниками преступления, а по возможности еще и присвоить часть

²⁸ Там же. С. 18.

²⁹ Там же.

имущества нанимателей [Рожкова 1963, с. 77]. Перемещавшиеся по малонаселенным и безводным степям и пустыням караваны периодически останавливались возле казахских аулов, чтобы закупить провиант, приобрести верховых и вьючных животных вместо больных или павших и узнать новости про обстановку на маршруте следования. В такие моменты купцы и приказчики, пользуясь слуха, сбывали кочевникам часть своего товара. Пример подобного взаимодействия содержат дорожные воспоминания ростовского купца Е. Кайдалова, относящиеся к 1824–1825 гг. Торговля с кочевниками внепланово началась, когда следовавший в Бухару караван совершил остановку возле аулов, для того чтобы проводники-казахи могли обменять уставших верблюдов на новых. «Между тем съехались в караван для торговли с разных мест киргизы. Они променивали нам вещи, лошадей, верблюдов и баранов, променивали различные свои изделия, как-то: кошмы или войлоки, армячины³⁰, тулуны, ергаки³¹, арканы или волосяные веревки, ремни, шкуры разных животных...» – перечислял номенклатуру степных товаров ростовский купец³².

В начале июля 1858 г. караван, в котором путешествовал Ч.Ч. Валиханов, вышел на аулы биев Самсалы и Джанета, который «был известен за батыра и пользовался большой разбойническою славой»³³. Взаимодействие торговцев и степняков было вполне мирным, Джанет приезжал в расположение каравана, но не требовал дани за проезд через его территорию, не угрожал, и вообще не проявлял никакой агрессии. Но в ночь на 9 июля несколько казахов, среди которых был брат Джанета, украли караванную лошадь. Джанет заверил владельцев лошади, что он не имеет никакого отношения к данному инциденту, и пообещал в скором времени вернуть животное. «Он показал вид, что сильно огорчен легкомысленным поступком брата, поехал в свой аул с обещанием немедленно привести украденную лошадь...» – описывал ситуацию источник³⁴. Джанет отсутствовал целых два дня, и причина этой задержки обещала караванщикам серьезные неприятности. Вместо поиска виновных в угоне лошади и возвращения ее законному владельцу Джанет собирал верных людей, готовых рискнуть жизнью и напасть

³⁰ Верхняя теплая долгополая одежда из грубой шерстяной ткани (изначально из верблюжьей шерсти).

³¹ Тулуп или халат из жеребячих, пыжиковых, сурочьих и иных короткошерстных шкур, сшитых мехом наружу.

³² Кайдалов Е. Указ. соч. С. 93–94.

³³ Валиханов Ч.Ч. Описание пути в Кашгар и обратно в Алатавский округ... С. 59.

³⁴ Там же.

на хорошо вооруженный многочисленный караван. Место для засады было выбрано грамотно, и кочевники численностью около 70 человек напали на караван в узком горном проходе. Огнестрельное оружие и значительный эскорт, предоставленный бием Борсуком, помогли торговцам отбить нападение без серьезных потерь. Скоротечная битва завершилась без человеческих жертв с обеих сторон: трое людей Джанета, один из которых оказался знатным батыром, были захвачены в плен, кочевникам удалось захватить двух татар и несильно ранить еще двух работников. Противостояние завершилось «разменом людей»³⁵.

Ч.Ч. Валиханов не записал размышления о том, почему Джанет резко поменял свое отношение к караванщикам от вполне дружелюбного до конкретно агрессивного. Возможно, при попытке схватить похитителей лошади караванщики причинили физический вред его брату, и бий решил отомстить им за это, а может, Джанет изначально планировал нечто подобное и приезжал в караван, чтобы понять, насколько сильна его охрана, ценен коммерческий груз, и усыпить бдительность путешественников. Вполне удовлетворительный финал стал возможен благодаря значительной численности караванщиков, их хорошему вооружению и дополнительной охране из людей бия Борсуга. Если бы не эти условия, то неожиданный налет, совершенный человеком, который несколько дней путешествовал вместе с караваном и не проявлял никаких враждебных намерений, был бы для торговцев гораздо трагичнее. В этой ситуации интерес представляет реакция бия Борсуга, который со своими людьми сопровождал караван. Как выяснилось, представитель степной элиты относился с особым пietетом к взятым на себя обязательствам. Борсук посчитал, что не смог обеспечить безопасность каравана должным образом, так как налет, пусть и неудачный, все же произошел, поэтому он не имеет права претендовать на оплату услуг. Ч.Ч. Валиханов посчитал достойным упомянуть благородство кочевника: «Бий Борсук, взятый нами для охранения каравана, был этим происшествием так сконфужен, что уехал, не прося даже подарков, которые мы ему обещали...»³⁶. Можно с уверенностью утверждать, что отказ Борсуга от награды не являлся позорством, а действительно отражал характер этого гиперответственного человека. Борсук посчитал, что поступок соотечественника нанес ущерб его репутации надежного сопровождающего, и, желая «сatisfакции», организовал со своими людьми набег на аулы Джанета.

Еще один неприятный дорожный инцидент показал, что купцы и их люди были сильны не только с огнестрельным оружием

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

в руках. В условно густонаселенных районах Центральной Азии, например возле крупного города или в местах кочевания многочисленного племени номадов, могли встретиться несколько торговых миссий, двигавшихся в одном направлении, и сформировать один очень большой караван. Так, в землях бугинского кыргызского рода к каравану Ч.Ч. Валиханова присоединилась группа кашгарских купцов. В это время в аулах находился кокандский чиновник-военачальник юзбashi, присланный туда для сбора закята. «Узнавши о сборе большого каравана»³⁷ в пределах его фискальной ответственности, кокандец решил взять налог и с купцов.

Ч.Ч. Валиханов, его работники и многие другие участники каравана согласились преподнести юзбashi подарки, но примкнувшие к ним купцы из Кашгара проигнорировали это требование и ответили кокандцу «насмешками и бранью»³⁸. Оскорбленный чиновник велел своим людям силой взыскать с кашгарцев налог в любой форме. Выполняя приказ, кокандские солдаты «напали на караванные стада и отбили 300 баранов»³⁹. Кашгарские коммерсанты не стали пассивно наблюдать за подобным самоуправством, а бросились в драку, вооружившись кольями от своих шатров, и «очень скоро обратили в бегство кокандцев»⁴⁰. Этот эпизод демонстрирует два очень интересных момента реальности российско-азиатской караванной торговли XVIII – 60-х годов XIX в. Во-первых, физическая сила и споровка позволяли купцам применять любое оружие, при необходимости превращая в него даже предметы походного быта. Во-вторых, в определенных ситуациях даже имеющие в своем арсенале огнестрельное оружие коммерсанты предпочитали его не использовать, чтобы избежать более серьезных последствий.

Все участники рукопашной схватки отделались колото-резаными ранами и ушибами: «между кашгарцами было много раненных сабельными ударами, а кокандцы, не исключая и юзбashi, были жестоко избиты...»⁴¹. К удовлетворению обеих сторон, никто из участников не был забит насмерть, поэтому конфликт завершился переговорами о выплате компенсаций. Нам неизвестно, имелись ли у купцов из Кашгара ружья и пистолеты, применив которые они смогли бы рассеять противников без серьезного ущерба для себя. Однако в случае убийства кокандских солдат или чиновников успех кашгарцев оказался бы кратковременным. Кокандцы, привзвав подкрепление, в качестве мести за смерть соотечественников

³⁷ Там же. С. 58.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

могли полностью разграбить караван. При таком очень вероятном исходе, несмотря на свое мужество, каршгарцы все равно оказались бы проигравшей стороной, потеряв деньги, имущество, а возможно и жизни.

Востоковед, этнограф и лингвист второй половины XIX – начала XX в. Н.Ф. Катанов, упоминая о торговле российских купцов вдоль китайской границы, рассказал о примере самоограничения при выборе средств обороны. Торговавшие в этой местности российские коммерсанты контактировали с народом сойотов, в культуре которого особое место получила девиантная, в понимании носителей европейско-христианских ценностей, практика кражи лошадей у приезжих. «У Сойотов (по словам русских купцов) воровство считается удастью и возведено в систему; плох тот Сойот, которому не удалось в жизни украсть незаметно у Русского хоть одну лошадь», – сообщал о нравах коренного народа Н.Ф. Катанов⁴². Получается, что криминальный интерес сойотов не являлся экзистенциальной угрозой для торгового предприятия россиян, так как они не посягали на товары, деньги и другое имущество коммерсантов, не пытались убить их самих или сделать рабами, т. е. по сравнению с налетами на торговые караваны в Казахской степи проделки сойотов больше напоминали вредительство, а не разбойную акцию, следовательно, копирование данной угрозы также должно было носить соответствующий нелетальный характер. Стремящихся показать свою удачу сойотов купцы отгоняли «палками и кулаками», без применения стрелкового вооружения. Если же самообладание отказывало коммерсанту и он, взявшись за ружье, все-таки убивал сойота, то он тем самым провоцировал соплеменников погибшего на возмездие. «Если Русский убьет Сойота, то Сойоты собираются большими толпами, нападают и колотят убийцу до полусмерти», – сказано о трагических последствиях для купцов в случае превышения необходимой самообороны⁴³.

Должностные обязанности работников и организация дорожного быта

Интересные сведения привел Ч.Ч. Валиханов и о разнообразии трудовых функций наемных работников. Помимо стандартных для

⁴² Катанов Н.Ф. Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. Читано в заседании Историко-Филологического Отделения 9 января 1890 г.: Приложение к 73-му тому записок Императорской Академии наук. № 8. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1893. С. 3.

⁴³ Там же.

торгово-караванного хода задач, связанных с разгрузкой-погрузкой товара, заботой о ездовых и выючных животных, поиском дров и воды, присмотром за хозяйственным добром и т. д., некоторые работники обслуживали биологические потребности своих нанимателей. Коммерсанты, как правило, не принимали участие в приготовлении пищи, возлагая эту обязанность на кого-нибудь из работников, или специально нанимали для этого отдельного человека. Фиксируя минуты отдыха, Ч.Ч. Валиханов писал: «Кашевар мой Кочкар готовит ужин и возится с чайником»⁴⁴. Стоит сказать, что отказ Ч.Ч. Валиханова от участия в процессе готовки не являлся исключительно прихотью офицера, возможно, привыкшего к подобному ритму жизни, а был характерен и для представителей собственно торговой среды. Например, купец Абросимов, отправившись из Астрахани в Хиву в начале 60-х годов XIX в., нанял для дела нескольких рабочих-казахов, двое из которых «занимались поставлением кибиток близ самих тюков и приготовлением ужина»⁴⁵. Причем для хозяина и начальника возчиков «постоянно приготавливались чай и баранина»⁴⁶, а простые работники могли позволить себе только «одно кожу», которое приготавляется весьма просто: в горячей воде разбалтывается ржаная мука, и для вкуса в нее прибавляется немного бараньего сала»⁴⁷.

Нанятый Ч.Ч. Валихановым Кочкар, кроме работы по кухне, раскладывал и убирал хозяйственную постель⁴⁸. Один ташкентский купец из каравана Ч. Ч. Валиханова возил с собой железную кровать, которую ставил в своей юрте, а для нагрева воды использовал самовар⁴⁹. Отсюда можно сделать вывод, что, даже находясь в расположении каравана и передвигаясь по незнакомой опасной местности, коммерсанты пытались насытить пространство дорожной повседневности привычными для себя элементами домашней обстановки.

⁴⁴ Валиханов Ч.Ч. Кашгарский дневник I: Вершина Заукинского прохода... С. 14.

⁴⁵ Рассказ торговца Абросимова о поездке его в Хиву... С. 171.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Валиханов Ч.Ч. Кашгарский дневник I: Вершина Заукинского прохода... С. 16.

⁴⁹ Валиханов Ч.Ч. Описание пути в Кашгар и обратно в Алатавский округ... С. 55.

Места отдыха караванщиков

Изучая дневники Ч.Ч. Валиханова, можно оценить характерные элементы дорожной инфраструктуры восточно-мусульманского мира, предназначенные для отдыха путешественников. Сделав очередную остановку, российский офицер и его спутники разместились в комплексе Ташрабат⁵⁰, который являлся упрощенным аналогом караван-сарай. Основным отличием дорожных версий сооружений типа «рабат» от караван-сараев – самых известных мест размещения путников, являлся весьма низкий уровень комфорта и полное отсутствие какой-либо администрации. То есть, в отличие от управлявшегося конкретным содержателем, обладавшего штатом прислуги и охраняемого караван-сарай, Ташрабат пустовал большую часть времени и был доступен для всех категорий путников от нищих странников и разбойников до богатых торговцев. Конечно, караван-сарай, расположенные вне городской черты, также не соответствовали пониманию наиболее взыскательных путников об удобстве. К примеру, российский приказчик Н. Уралов эту категорию караван-сараев воспринимал как «степные гостиницы самого примитивного устройства»⁵¹. Однако Ташрабат, в котором разместился Ч.Ч. Валиханов, вообще не имел помещений для отдыха, где люди могли бы разместиться хоть с минимальным удобством. Здание из глинистого сланца имело 12 саженей (25,6 м) в длину и 4 сажени (8,5 м) в ширину⁵². Комплекс насчитывал 41 комнату квадратной и прямоугольной формы не более 2 аршин в длину (примерно 1,4 м) с очень низким входом⁵³. Столь небольшие помещения предназначались исключительно для складирования товаров, тогда как их владельцы были вынуждены соседствовать друг с другом в крытом общем зале длиной 5 аршин (10,67 м). Получается, что этот дорожный рабат был скорее логистическим пунктом, чем гостиницей, пусть и самого низкого уровня. Так как за состоянием Ташрабата никто не следил, караванщикам, заехавшим туда после окончания зимы, приходилось тратить силы и время на уборку помещений. Подобное неудобство было связано с тем, что кочевники в холодный сезон использовали строение как загон для скота⁵⁴. Этот рассказ Ч.Ч. Валиханова позволяет увидеть, что расположенные вдоль

⁵⁰ Валиханов Ч.Ч. Кашгарский дневник I: Вершина Заукинского прохода... С. 27.

⁵¹ Уралов Н. Указ. соч. С. 26.

⁵² Валиханов Ч.Ч. Кашгарский дневник I. Вершина Заукинского прохода... С. 27.

⁵³ Там же. С. 28.

⁵⁴ Там же.

караванных маршрутов стационарные пункты отдыха существенно различались в плане удобства размещения изнуренных дорогой путников.

Неформальная коммуникация и отдых в дороге

Ч.Ч. Валиханов зафиксировал досуговую составляющую караванного перехода. Во время стоянок весь личный состав каравана решал хозяйственно-бытовые задачи. Погонщики верблюдов и другие работники разгружали вьючных животных, чтобы отправить их на выпас, занимались поиском дров, готовили пищу, ставили шатры и юрты, охрана обезжалла окрестности лагеря, купцы наблюдали за разгрузкой товаров и оценивали их сохранность. Обязательные во время стоянок работы по обустройству лагеря не оставляли времени на какие-либо развлечения, поэтому в культуре караванщиков не сформировались характерные исключительно для людей этой профессии формы досуга. Отдыхом в прямом смысле слова, исключая, конечно же, сон, можно считать посиделки у костра с разговором во время приема пищи. «Кругом слышно блеяние овец и говор работников, сидящих вокруг огней, в ожидании ужина», – сообщал о нерабочем времяпрепровождении караванщиков Ч.Ч. Валиханов⁵⁵. Из дневников кашгарской поездки и других эгоисточников можно понять, что общение в пути было не просто средством разнообразить свободное время, которого, как мы видим, было немного, но являлось своего рода ритуалом, позволявшим представителям разных народов выстроить доверительные отношения и повысить эффективность совместных трудовых действий. Предприниматель Е.С. Кайдалов писал о важности общения с казахами-возчиками: «Знание их языка было в сем случае для нас весьма полезно, ибо оно, содействуя к ближайшему с ними обращению, знакомило нас короче и доставляло нам приязнь людей полутих»⁵⁶.

Воспоминания Ч.Ч. Валиханова и Е.С. Кайдалова особо подчеркивали словоохотливость сопровождавших караваны казахов. Ч.Ч. Валиханов написал про спешившего к костру караванного «краснобая», желавшего «продолжать разговор, до которого киргизы большие охотники»⁵⁷, а Е.С. Кайдалов упомянул разговор «с киргизцами, которые охотно рассказывали нам различные свои

⁵⁵ Там же. С. 14.

⁵⁶ Кайдалов Е. Указ. соч. С. 74–75.

⁵⁷ Валиханов Ч.Ч. Кашгарский дневник I: Вершина Заукинского прохода... С. 14.

события...»⁵⁸. Что касается содержания этих бесед, то караванные возчики и приказчики, многие из которых «всю жизнь свою служат при караванах»⁵⁹, между собой общались в основном на профессиональные темы. Они обсуждали трудности пересечения определенных участков пути, погодные условия, существенно осложнявшие движение каравана, опасные ситуации, грозившие гибелью выючных животных, и все, что касалось их трудовой повседневности и занимало большую часть жизни. С российскими торговцами казахи-сопровождающие делились сюжетами своей мифологии, наполненной «чародейством, чудными подвигами богатырей, обратнями...»⁶⁰.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что автор путевых дневников и непосредственный участник караванного перехода четко детализировал этапы подготовки и передвижения торгового каравана. Материал кашгарской поездки показал, что обязательными элементами повседневности участников караванного хода являлись организационно-финансовая сторона (все расходы, связанные с подготовкой торговой миссии, и коммерческая деятельность), коммуникационная составляющая (взаимодействие с работниками, компаньонами, азиатскими чиновниками, представителями кочевой элиты), бытовая часть (организация питания и отдыха, забота о выючных животных, работы по обустройству лагеря), оборонительный компонент (отражение нападений разбойников и хищных животных). В своих дневниках Ч.Ч. Валиханов убедительно продемонстрировал, что механизм караванного перехода – это многоступенчатый алгоритм, трудоемкий как в плане решения организационных задач, так и в плане морально-психологических, интеллектуальных и физических издержек субъектов караванной торговли.

Литература

Абдрахманов 2023а – Абдрахманов К.А. «С крайним старанием и без всякой оплошности...»: вклад российского купечества в социокультурное и хозяйственно-политическое освоение Центральной Азии в первой половине

⁵⁸ Кайдалов Е. Указ. соч. С. 74.

⁵⁹ Валиханов Ч.Ч. Кашгарский дневник I: Вершина Заукинского прохода... С. 14.

⁶⁰ Кайдалов Е. Указ. соч. С. 74.

XIX в. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1123–1137. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-4-1123-1137

Абдрахманов 20236 – Абдрахманов К.А. Начальники среднеазиатских торговых караванов в первой половине XIX в.: социально-трудовой аспект // Журнал фронтирных исследований. 2023. Т. 8. № 3. С. 35–47. DOI: 10.46539/jfs.v8i3.531

Абдрахманова, Жапарова 2020 – Абдрахманова С.А., Жапарова К.Г. Великий сын Казахской степи // Евразийский союз ученых. 2020. № 11-4 (80). С. 20–23.

Бурлуцкая, Абдрахманов 2020 – Бурлуцкая Е.В., Абдрахманов К.А. Специфика трудовой повседневности купцов, ведущих торговлю с Азией в XIX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 544–562. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-3-544-562

Ермекбай 2013 – Ермекбай Ж.А. Поездка Ч.Ч. Валиханова в Восточный Туркестан (к 155-летию Кашгарской экспедиции Чокана Чингисовича Валиханова) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 101–105.

Ермекбай 2016 – Ермекбай Ж.А. Русский офицер в Восточном Туркестане // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2016. Т. 15. С. 137–145.

Курманбаев 2008 – Курманбаев Е.А. Маршруты Чокана // Современные проблемы сервиса и туризма. 2008. № 4. С. 27–35.

Лысенко 2007 – Лысенко Ю.А. Ч.Ч. Валиханов о религиозности казахского общества первой половины XIX в. // Сибирь и Центральная Азия: проблемы этнографии, истории и международных отношений: Третья научные чтения памяти Е.М. Залкинда: Материалы международной научной конференции. Барнаул: Аз Бука, 2007. С. 424–432.

Почекаев 2013 – Почекаев Р.Ю. Ч.Ч. Валиханов и правовые преобразования в Казахстане в середине XIX в. // Страны и народы Востока. 2013. Вып. 34. С. 333–342.

Почекаев 2018 – Почекаев Р.Ю. Ч.Ч. Валиханов о политическом и правовом развитии среднеазиатских ханств в первой половине XIX в. // Восточный архив. 2018. № 2 (38). С. 12–17.

Рожкова 1963 – Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией: 40–60-е годы XIX в. М.: АН СССР, 1963. 236 с.

Серубаева и др. 2024 – Серубаева А.Т., Мырзахмет Г.К., Данабекова Д.И., Абдурахманова К.Р. Атрибуты степной цивилизации в творческом наследии Шокана Уалиханова // Былые годы. 2024. № 19 (2). С. 908–917. DOI: 10.13187/bg.2024.2.908

Султангалиева, Суйнова 2022 – Султангалиева Г., Суйнова А. «О киргиз-кайсацких и других заграничных обстоятельствах видел и слышал»: информаторы Российской империи в Казахской степи (вторая половина XVIII – 60-е годы XIX в.) // Ab Imperio. 2022. № 3. С. 69–102. DOI: 10.1353/imp.2022.0061

References

Abdrakhmanov, K.A. (2023), "With utmost diligence and without misstep...". Contribution of Russian merchanty to the socio-cultural, economic, and political development of Central Asia in the first half of the 19th century", *Herald of an Archivist*, no. 4, pp. 1123–1137, DOI: 10.28995/2073-0101-2023-4-1123-1137

Abdrakhmanov, K.A. (2023), "Central Asian trade caravan masters in the first half of the 19th century. Social and labor aspect", *Journal of Frontier Studies*, vol. 8, no. 3, pp. 35–47, DOI: 10.46539/jfs.v8i3.531

Abdrakhmanova, S.A. and Japarova, K.G. (2020), "Great son of the Kazakh steppe", *Eurasian Union of Scientists*, vol. 80, no. 11-4, pp. 20–23.

Burlutskaya, E.V. and Abdrakhmanov, K.A. (2020), "The daily business activities of Orenburg merchants trading with Asia in the 19th century", *RUDN Journal of Russian History*, vol. 19, no.3, pp. 544–562, DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-3-544-562

Ermekbay, Zh.A. (2013), "The trip of Chokan Valikhanov to East Turkestan (devoted to the 155th anniversary of the Kashgar expedition of Chokan Valikhanov)", *Tomsk State University Journal*, no. 372, pp. 101–105.

Ermekbay, Zh.A. (2016), "Russian officer in the East Turkestan", *The Bulletin of Irkutsk State University. Series "History"*, vol. 15, pp. 137–145.

Kurmanbaev, E.A. (2008), "Chokan's routes", *Service and Tourism: Current Challenges*, no. 4, pp. 27–35.

Lysenko, Yu.A. (2007), "Ch.Ch. Valikhanov on the religiosity of Kazakh society in the first half of the 19th century", in *Sibir' i Tsentral'naya Aziya: problemy etnografii, istorii i mezdunarodnykh otnoshenii: Tret'i nauchnye chteniya pamyati E.M. Zalkinda: Materialy mezdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Siberia and Central Asia. Issues of ethnography, history and international relations. 3rd Scientific Conference in Memory of E.M. Zalkind. Proceedings of the International Scientific Conference], Az Buka, Barnaul, Russia, pp. 424–432.

Pochekaev, R.Yu. (2013), "Chokan Valikhanov and the legal reforms in Kazakhstan in the mid-19th century", in *Strany i narody Vostoka* [The countries and peoples of the East], iss. 34, pp. 333–342.

Pochekaev, R.Yu. (2018), "Chokan Valikhanov on the political and legal development of the Central Asia khanates at the first half of 19th century", *Vostochnyi arkhiv*, vol. 38, no. 2, pp. 12–17.

Rozhkova, M.K. (1963), *Ekonomicheskie svyazi Rossii so Srednei Aziei: 40–60-e gody XIX v.* [Economic ties between Russia and Central Asia, 1840s – 1860s], AN SSSR, Moscow, USSR.

Serubayeva, A.T., Myrzakhmet, G.K., Danabekova, D.I. and Abdurahmanova, K.R. (2024), "Attributes of the steppe civilization in the scientific legacy of Chokan Valikhanov", *Bylye Gody*, vol. 19, no. 2, pp. 908–917, DOI: 10.13187/bg.2024.2.908

Sultangalieva, G. and Suinova, A. (2022), "I have seen and heard what pertains to the Kirghiz-Kaisak and to other foreign circumstances'. The Russian Empire's informants in the Kazakh steppe (the 2nd half of the 18th century – the 1860s)", *Ab Imperio*, no. 3, pp. 69–102, DOI: 10.1353/imp.2022.0061

Информация об авторах

Константин А. Абдрахманов, кандидат исторических наук, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия; 460014, Россия, Оренбург, Советская, д. 19; kostya.abdrakhmanov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-9469-7694

Сергей В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия; 460014, Россия, Оренбург, Советская, д. 19; svlubich@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-8349-1359

Information about the authors

Konstantin A. Abdrakhmanov, Cand. of Sci. (History), Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia; 19, Sovetskaya St., Orenburg, Russia, 460014; kostya.abdrakhmanov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9469-7694

Sergey V. Lyubichankovskiy, Dr. of Sci. (History), professor, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia; 19, Sovetskaya St., Orenburg, Russia, 460014; svlubich@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-8349-1359

Бюллетени
Полномочного представительства СССР в Монголии:
по материалам РГАСПИ

Кеемя В. Орлова

*Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия, orlovnk@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются документы из Российского государственного архива социально-политической истории – Бюллетени полномочного представительства СССР в Монголии, а также деятельность полномочного представителя А.Н. Васильева в 1923–1925 гг., возглавлявшего в этот период советское полпредство. Васильев старался проводить взвешенную и прагматичную политику, направленную на укрепление советского влияния в Монголии и защиту интересов СССР. Его деятельность оставила заметный след в истории советско-монгольских отношений и стала важным этапом в формировании советской стратегии в регионе. Он демонстрировал гибкость и умение адаптироваться к быстро меняющимся обстоятельствам, что позволяло ему успешно решать поставленные задачи. Это был сложный период, когда фактически происходило формирование монгольского государства. Временное Народное правительство, созданное в результате национально-демократической революции 1921 г., столкнулось с необходимостью проведения широкого спектра реформ, направленных на модернизацию экономики, развитие образования и укрепление национальной независимости. Нужно также учесть неоднородность состава вновь сформированного правительства, куда вошли теократический монарх Богдо-гэгэн, представители буддийского духовенства, князья, члены народной партии. Сосуществование теократической власти в лице Богдо-гэгэна и представителей народной партии отражало компромисс, необходимый для стабилизации политической обстановки и объединения различных социальных сил. Политическое развитие Монголии в рассматриваемый период характеризовалось острой борьбой за власть между различными политическими группировками внутри правящей партии. Основными причинами этой нестабильности являлись недостаточная политическая зрелость монгольских лидеров, догматизм и идеологическая ограниченность как самих монгольских руководителей, так и функционеров ИККИ и Восточного секретариата. Отличия в подходах

к проблемам Монголии, порой и бескомпромиссность в решении внутренних вопросов приводили к обострению конфликтов. Несмотря на схожие цели по укреплению государственности и преодолению отсталости, различные группировки предлагали несхожие подходы к их достижению. Часть из них придерживалась позиции осторожности и постепенности реформ, делая ставку на расширение международных связей. Другие же выступали за проведение коренных преобразований в стране, их усиление и полную ориентацию на СССР и Коминтерн.

Бюллетени Полномочного представительства СССР в Монголии содержали оперативную информацию о политической, экономической и культурной жизни Монголии, отражали настроения в монгольском обществе, позиции различных политических сил и ход реализации советской политики в стране. Анализ этих материалов позволяет реконструировать картину Монголии 1920-х гг., понять особенности советско-монгольских отношений и роль Васильева в их развитии.

Ключевые слова: Монголия, Полномочное представительство, РГАСПИ, А.Н. Васильев, СССР, Урга

Статья поступила в редакцию 17 марта 2025 г.;
принята к публикации 1 сентября 2025 г.

Для цитирования: Орлова К.В. Бюллетени Полномочного представительства СССР в Монголии: по материалам РГАСПИ // История и архивы. 2025. Т. 7. № 4. С. 64–79. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-64-79

Bulletins
of the USSR Plenipotentiary representative office in Mongolia.
Based on the materials
of the Russian State Archives of Socio-Political History

Keemya V. Orlova

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, orlovnk@mail.ru*

Abstract. The article analyses the documents from the Russian State Archives of Socio-Political History – the Bulletins of the USSR Plenipotentiary Mission in Mongolia; the paper also considers the activities in 1923–1925 of the plenipotentiary representative A.N. Vasilyev, who headed the Soviet mission during that period. Vasilyev tried to pursue a balanced and pragmatic policy aimed at strengthening Soviet influence in Mongolia and protecting the interests of the USSR. His work left a significant mark in the history of the Soviet-Mongolian relations and became an important stage

in shaping the Soviet strategy in the region. He demonstrated flexibility and the ability to adapt to rapidly changing circumstances, which allowed him to successfully solve his tasks. It was a difficult period when the formation of the Mongolian state actually took place. The Provisional People's Government, created as a result of the National Democratic revolution of 1921, faced the need to carry out a wide range of reforms aimed at modernizing the economy, developing education and strengthening national independence. It is also necessary to take into account the heterogeneity in the composition of the newly formed government, which included the theocratic monarch Bogd-Gegen, the representatives of the Buddhist clergy, the princes, and the members of the People's Party. The coexistence of theocratic authority in the person of the Bogd-Gegen and representatives of the people's party reflected the compromise necessary to stabilize the political situation and unite various social forces. Mongolia's political development during the period under review was characterized by an acute struggle for power between various political factions within the ruling party. The main reasons for that instability were the following: the Mongolian leaders' insufficient political maturity, the dogmatism and ideological limitations of both the Mongolian leaders themselves and the functionaries of the ICCI and the Eastern Secretariat. The differences in approaches of the actors to Mongolia's issues, sometimes their uncompromising position in solving the internal issues, led to the escalation of conflicts. Despite their similar goals to strengthen statehood and overcome backwardness, different groups proposed different approaches to achieve those goals. Some of the factions adhered to the position of caution and gradual reforms, relying on the expansion of international relations. Others advocated fundamental transformations in the country, their strengthening and full orientation towards the USSR and the Comintern. The Bulletins of the USSR Plenipotentiary Mission in Mongolia contained the up-to-date information about the political, economic and cultural life of Mongolia, reflected the mood in the Mongolian society, the positions of various political forces and the course of implementation of Soviet policy in the country. The analysis of those materials makes it possible to reconstruct the picture of Mongolia in 1920ies, to understand the features of the Soviet-Mongolian relations and Vasilyev's role in their development.

Keywords: Mongolia, Plenipotentiary Mission, RGASPI, A.N. Vasilyev, USSR, Urga

The article was submitted for publication 17.03.2025;
accepted for publication 01.09.2025.

For citations: Orlova, K.V. (2025), "Bulletins of the USSR Plenipotentiary representative office in Mongolia. Based on the materials of the Russian State Archives of Socio-Political History", *History and Archives*, vol. 7, no. 4, pp. 64–79, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-64-79

Введение

В 1921 г. в результате национально-демократической революции в Монголии было образовано Временное Народное правительство. Прежнее правительство было распущено, в состав вновь сформированного правительства вошли глава буддийской церкви Богдо-гэгэн Джебдзун Дамба-хутухта (годы жизни 1870–1924, годы правления 1911–1924), представители буддийского духовенства, князья, члены народной партии во главе с одним из его видных деятелей, Д. Бодоо¹.

Этот период ознаменовался сложным переплетением традиционных устоев и революционных преобразований. Существование теократической власти в лице Богдо-гэгэна и представителей народной партии отражало компромисс, необходимый для стабилизации политической обстановки и объединения различных социальных сил. Народное правительство столкнулось с необходимостью проведения широкого спектра реформ, направленных на модернизацию экономики, развитие образования и укрепление национальной независимости. Политическое развитие Монголии в рассматриваемый период характеризовалось острой борьбой за власть между различными политическими группировками внутри правящей партии. Основными причинами этой нестабильности являлись недостаточная политическая зрелость монгольских лидеров, догматизм и идеологическая ограниченность как самих монгольских руководителей, так и функционеров ИККИ и Восточного секретариата. Отличия в подходах к проблемам Монголии, порой и бескомпромиссность в решении внутренних вопросов, приводили к обострению конфликтов. Несмотря на схожие цели по укреплению государственности и преодолению отсталости, различные группировки предлагали несхожие подходы к их достижению. Часть из них придерживалась позиции осторожности и постепенности реформ, делая ставку на

¹ Бодоо Догсомын (1885–1922), образование получил в буддийском монастыре, владел тибетским, маньчжурским языками и старомонгольской письменностью. Преподаватель монгольского языка в школе переводчиков при российском консульстве, редактор в русско-монгольской типографии, в 1921 г. избран министром иностранных дел Временного Народного правительства Монголии, затем премьером до января 1922 г. Активно содействовал многим важным мероприятиям Временного правительства – созыву Временного государственного хурала, ограничению прав и привилегий высших слоев монгольского общества, прекращению выплат долгов иностранным компаниям, созданию потребительской кооперации и др. С его именем связано создание дипломатической службы в стране. В августе 1922 г. был арестован, в августе того же года расстрелян.

расширение международных связей. Другие же выступали за проведение коренных преобразований в стране, их усиление и полную ориентацию на СССР и Коминтерн [Рощин 1999, с. 55–60]. Вектор Монгольского Народного правительства и партии на сближение с Советской Россией вызывал неоднозначную реакцию в монгольском обществе. Часть населения, приверженная традиционным ценностям, испытывала опасения по поводу усиления советского влияния. Тем не менее внешнеполитический курс Народного правительства и Монгольской народно-революционной партии был направлен на установление дружественных отношений с Советской Россией. Это решение было обусловлено необходимостью политической и экономической поддержки, которую СССР оказывал Монголии. Данное сотрудничество сыграло решающую роль в укреплении суверенитета Монголии и противодействии внешней интервенции.

Первоочередной задачей стала борьба с феодальными пережитками и за ограничение власти высших слоев монгольского общества. Параллельно велась работа по созданию новой правовой базы, отвечающей интересам широких слоев населения. Особое внимание уделялось развитию народного образования и распространению грамотности, что рассматривалось как ключевой фактор повышения политической сознательности и участия населения в управлении страной.

5 ноября 1921 г. в Москве состоялось подписание «Соглашения между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией», согласно которому в пункте 4 указано: «Правительство РСФСР посыпает полномочного представителя в столицу Монголии и консулов в города Кобдо, Улясутай и Алтан-Булак по соглашению с правительством Монголии», в статье 5 данного Соглашения: «Народное правительство Монголии посыпает своего полномочного представителя в столицу РСФСР, а также своих консулов в приграничные округа России по соглашению с правительством РСФСР»². Первым полномочным представителем Монголии в РСФСР (июнь 1922 – октябрь 1924) был назначен Жамсрангийн Даваа³, первым полномочным представителем России

² Советско-монгольские отношения: 1921–1974. Т. 1: 1921–1940 / отв. ред. Ф.И. Долгих (советская часть), Г. Цэрэндорж (монгольская часть). М.: Международные отношения; Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1975. С. 59.

³ Даваа Жамсрангийн (1873–1942), с ранних лет изучил старую монгольскую письменность, маньчжурский и тибетский языки, в 20 лет работал писарем, чиновником в МИД Монголии. 28 мая 1922 г. прибыл

в Монголии (июль 1922 – июль 1923) – Николай Маркович Любарский⁴. Установление дипломатических отношений с РСФСР стало для Монголии важным шагом на пути к укреплению независимости и фундаментом для дальнейшего развития советско-монгольских отношений. В последующие годы между двумя странами были заключены многочисленные договоры и соглашения в различных областях, включая торговлю, экономику, культуру и образование. Советский Союз оказывал Монголии значительную экономическую помощь, содействуя развитию промышленности, сельского хозяйства и инфраструктуры.

Полномочный представитель А.Н. Васильев

В РГАСПИ за 1924 г. отложилось несколько папок (четыре папки) бюллетеиней Полпредства (Полномочное представительство) СССР в Монголии. В этот период полпредом (1923–1925) был Алексей Николаевич Васильев⁵, сменивший на этом посту Любарского. Деятельность Васильева в Монголии была многосторонней⁶. Он активно участвовал в политической жизни страны, стремясь укрепить советско-монгольские отношения, и способствовал развитию Монголии по социалистическому пути. Особое внимание уделялось экономической помощи, развитию торговли и

в Москву, 11 ноября вручил верительную грамоту председателю ВЦИК СССР М.И. Калинину, см.: Советско-монгольские отношения: 1921–1974. Т. 1. С. 89.

С 1924 по 1928 г. – управляющий отделом в МИД Монголии, с 1929 по 1934 г. находился на родине в аймаке Дорнод (Восточный), с 1936 г. возглавлял канцелярию в МИД.

⁴ Любарский Николай Маркович (1887–1938), полпред РСФСР в Монголии (1922–1923), сотрудник Центросоюза (1923–1929), заведующий редакционно-издательским отделом международного аграрного института при Исполкоме Коминтерна (1929–1936). Арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности (1937), расстрелян (1938).

⁵ Васильев Алексей Николаевич (1880–1941) – советский дипломат, на дипломатической работе с 1923 г. Полпред СССР в Монголии (1923–1925), генеральный консул СССР в Мукдене (1925–1926), сотрудник Восточного отдела Исполкома Коминтерна (1926–1927), управляющий делами АН СССР (1929–1930), директор Музея изобразительных искусств в Москве (с 1935).

⁶ Монгольская миссия полпреда А.Н. Васильева (1923–1925): историко-биографический очерк / авт.-сост. А.В. Козлов, И.И. Савёлов, А.Ш. Салихов. М.: Российское об-во друзей Монголии, 2021. 56 с.

промышленности, а также подготовке национальных кадров. Полпредство оказывало поддержку монгольскому правительству в решении внутренних проблем, в том числе в борьбе с контрреволюцией и укреплении государственной власти.

3 января 1923 г. на вручении верительной грамоты председателю Народного правительства Б. Цэрэндоржу⁷ [Болдбаатар 2004, с. 299–301] Васильев заверил монгольское правительство «в неизменной дружбе трудящихся России к трудящимся Монголии». Особенno полпреда тронула амнистия осужденных российских граждан: «мне как юристу всегда были близки вопросы преступления и наказания, амнистия осужденного человека всегда производила на меня большое впечатление. И тот факт, что эту милость вы приурочили к приезду иностранного представителя, до того нов и необычен, что он смело может быть занесен в историю международного права. ...Будучи представителями Советской России, мы в то же время будем защитниками Монголии перед той же Советской Россией... ни один шаг Советской России в монгольском вопросе не будет сделан без ведома и согласия монгольского правительства»⁸. По прибытии в Ургу Васильев дал интервью монгольской газете «Ургинские новости». О себе он сообщил следующее: «коренной москвич, родился, учился и даже в тюрьме сидел в Москве. Окончил гимназию, поступил в ун^{иверсите}т на мед^{ицинский} фак^{ультет}, потом перешел на юридический. Участвуя в студенческих беспорядках 1899 г., подвергся репрессиям, исключен из ун^{иверсите}та и выслан за границу, продолжил образование в Берлине, где два года учился на философском (точнее – юридическом) фак^{ульте}те. В 1902 г. вернулся в Россию, был арестован царскими жандармами и в качестве политически неблагонадежного сослан в Саратовскую губернию. Откуда вернулся все в ту же

⁷ Цэрэндорж Балингийн (1868–1928) – переводчик, учитель в школе переводчиков при русском консульстве в Урге (1895–1911). Участвовал в национально-освободительной революции 1911 г., в 1911–1919 гг. работал в МИД (чиновник, замминистра, министр – с 1915 г.), в 1913 г. входил в состав монгольской делегации, выезжавшей в Петербург, участник трехсторонних русско-китайско-монгольских переговоров в Кяхте в 1915 г. С января 1922 г. – министр иностранных дел, заместитель премьер-министра, премьер-министр (с 1923), член и председатель Малого государственного хурала (1923–1928), член МНП и президиума ЦК МНП (с 1921). Возглавлял Комиссию по подготовке первой Конституции Монголии, которая принесена на I Великом Народном Хурале 26 ноября 1924 г. См.: Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. 1: 1919–1929 / науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 468; и др.

⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 29. Л. 7.

Москву, сдал госэкзамен при ун^{иверсите}те и вступил в “сословие” присяжных поверенных. Его соц^{циалистические} убеждения влекли его туда, где жил и страдал пролетарий, где революционер вел борьбу с самодержавием. Был активным членом “адвокатского бюро при профессиональных союзах”, куда входили молодые адвокаты, неразрывно связавшие свою жизнь с движением рабочего класса и социал-демократической партией... В 1904 г. вступил в РСДРП, примкнув сразу к большевистскому течению. В тюрьме просидел в общей сложности два года и столько же пробыл в ссылке в Саратовской и Тверской губерниях. В 1905 г. состоял членом московского большевистского комитета и ответственным военным организатором во времена памятных “декабрьских” дней, когда впервые в истории России улицы Москвы украсились баррикадами. Первое, революционным путем открытое собрание Московского гарнизона в декабре 1905 г. происходило под его председательством. После Октябрьской революции занимал ответственный пост комиссара Московского военокруга, затем работал на правах члена коллегии в Народном комиссариате труда, состоял членом Верховного трибунала РСФСР, часто выполняя обязанности председательствующего. В последнее время был фактическим народным комиссаром юстиции в Туркестанской республике. После трехмесячного отпуска был командирован в качестве полпреда и торгпреда в Монголию⁹. В этом же интервью полпред кратко остановился на вопросе о взаимоотношениях между Россией, Китаем и Монголией.

Накануне приезда в Монголию Васильева из Полпредства СССР на имя А.П. Спундэ¹⁰ поступили «беглые впечатления» Бузулаева¹¹, вероятно, сотрудника полпредства, в котором описана обстановка как в самой Монголии, так и в советском Полномочном представительстве¹². Бузулаев, в частности, сообщает: «Посиживаю в Урге, ожидаю приезда Васильева, что буду делать дальше, сказать затруднительно. Впечатление от Урги самое отвратительное. С внешней стороны поражает грязь, такой нечистоплотности, какая есть в Урге, не сыщешь, пожалуй, ни в одном городе мира. Собаки буквально кишат, много их дохлых валяется по улицам... Торговлишки разных полно, преимущественно китайские торговлишки. Цены на продукты дороже читинских, мануфактура немного дешевле. Значительно дешевле читинские цены на шелковые изделия. Мясо сейчас 13 коп. золотом, но скоро поднимется или совсем не будет его

⁹ Там же. Л. 18, 19, 21.

¹⁰ Спундэ Александр Петрович (1892–1962), член Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) (1924–1925).

¹¹ Идентифицировать Бузулаева не удалось.

¹² Письмо приводится в авторской орфографии.

в продаже, так как в связи со смертью Богдо хутухты (умер 19/V вечером) запрещает убийство скота. Этот запрет будет длиться 49 дней. Таковы пока мои беглые впечатления от Урги»¹³. Письмо Бузулаева раскрывает грустную картину монгольской столицы. Ц.-Д. Номинханов, который в 1921 г. находился в Урге в составе калмыков-инструкторов Монгольской Народно-Революционной армии, описывает такую же удручающую картину: «Урга выглядела голой и неустроенной, на улицах совершенно не было деревьев, городской транспорт отсутствовал, ...по площади бродили сотни бездомных собак, множество нищих тут же сидели, лежали на земле и просили подаяния... все было захламлено мусором»¹⁴.

Васильеву пришлось сразу же окунуться в монгольские реалии, внутренняя обстановка в стране оставляла желать лучшего. Яростная и жесткая борьба шла между Т.Р. Рыскуловым¹⁵ и Э.-Д. Ринчино¹⁶. Основные разногласия, омрачавшие политический горизонт, коренились в вопросах партийной работы и государственного строительства¹⁷. В этой непростой ситуации полпред Васильев безоговорочно встал на сторону Ринчино, видя в нем не просто соратника, а «нужного и подходящего человека». По его мнению, Ринчино был ключом к успеху: «мы можем проводить что хотим, нужно лишь иметь человека, который мог бы ладить с монголами». Таким образом, с точки зрения полпредства, Ринчино являлся тем самым незаменимым исполнителем, который «проводил мероприятия, которые входили в задачи полпредства», умело лавируя в бурных водах монгольской политики¹⁸. Однако поддержка Ринчино не была безусловной. Москва внимательно следила за развитием событий и, хотя и одобряла прагматичный подход Васильева, опасалась чрезмерного усиления одной из сторон конфликта. В донесениях

¹³ ГА РФ. Ф. 9665. Оп. 1. Д. 234. Л. 1.

¹⁴ Номинханов Ц.-Д. В едином строю // С интернациональной миссией: Воспоминания участников Монгольской народной революции. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1970. С. 66–93.

¹⁵ Рыскулов Тураг Рыскулович (1894–1938), замнаркома по делам национальностей РСФСР (1921–1922), уполномоченный ИККИ в МНР, замглаввedomого Восточным отделом ИККИ (1924–1925). Репрессирован (1938), реабилитирован (1956).

¹⁶ Ринчино Эльбек-Доржи (Ринчинов Эльбекдорж (1888–1937), заведующий монголо-тибетской секцией Дальневосточной секции ИККИ (1921), председатель Реввоенсовета Монголии (1921–1925), один из авторов первой Конституции Монголии (1924). Репрессирован (1937), реабилитирован (1957).

¹⁷ Подробнее см.: Рощин С.К. Указ. соч. С. 64, 125–131.

¹⁸ Монголия в документах Коминтерна... Ч. 1. С. 150.

в Центр полпред подчеркивал необходимость сохранения баланса сил и недопущения дестабилизации обстановки, что могло негативно сказаться на советских интересах в регионе. Влияние Васильева простиравлось и на другие сферы, он активно лоббировал проекты, направленные на укрепление советско-монгольского сотрудничества. Особое внимание уделялось развитию транспортной инфраструктуры, в частности строительству железных дорог, что должно было облегчить торговлю и укрепить связь между двумя странами.

Несмотря на сложную политическую обстановку и внутренние противоречия, Васильев старался проводить взвешенную и прагматичную политику, направленную на укрепление советского влияния в Монголии и защиту интересов СССР. Его деятельность в качестве полпреда оставила заметный след в истории советско-монгольских отношений и стала важным этапом в формировании советской стратегии в регионе. Он демонстрировал гибкость и умение адаптироваться к быстро меняющимся обстоятельствам, что позволяло ему успешно решать поставленные задачи, несмотря на многочисленные препятствия.

Бюллетени Полномочного представительства СССР в Монголии (1924 г.)

Бюллетени Полпредства содержали оперативную информацию о политической, экономической и культурной жизни Монголии, а также о деятельности иностранных представительств. Они отражали настроения в монгольском обществе, позиции различных политических сил и ход реализации советской политики в стране. Анализ этих материалов позволяет реконструировать картину Монголии 1924 г., понять особенности советско-монгольских отношений и роль Васильева в их развитии.

За 1924 г. выявлено четыре Бюллетея – 15 февраля, 18 марта, 5 апреля и 5 июля. Бюллетени вел заведующий информационным отделом полпредства В.Г. Дадиани (И.И. Генкин)¹⁹ [Батболд 2024, с. 50]. Каждый Бюллетень снабжался подробным оглавлением, что свидетельствует о полной заинтересованности и погружении сотрудников в монгольскую действительность. Полпредство интерес-

¹⁹ Дадиани Виктор Георгиевич (Генкин Иосиф Исаевич / Шаевич), 1884–1938), в 1922–1925 гг. работал в пресс-службе полпредства, одновременно ответственным секретарем газеты «Монгольское телеграфное агентство» (МОНТА), с 1957 г. – МОНЦАМЭ (МОНголын ЦАхилгаа МЭдээ). Репрессирован, обвинен в антисоветской агитации, реабилитирован (1955).

совали разные стороны жизни Урги²⁰ и аймаков Монголии. Например, к приезду нового полпреда: а) вручение верительной грамоты, б) банкет монгольского правительства, в) интервью с представителями печати; заявление т. Каракана по монгольскому вопросу; монгольский кооператив; русские в Монголии: а) взаимоотношения с монголами, б) выдача виз на въезд в РСФСР, в) земельный вопрос, г) монгольские пропуска; траур в Монголии (к кончине В.И. Ленина); вопросы медицинского обслуживания в Улан-Баторе и аймаках; районирования страны, их переименования [Орлова 2023, с. 166–167]²¹; статистические сведения о численности населения страны, количестве скота, даже такая проблема – сколько выпивают в Урге, и многие другие вопросы жизни Монголии и ее жителей²². Заслуживают внимания данные о паспортах и пропусках: «все иностранцы (подчеркнуто автором. – К. О.) в Монголии обязаны иметь монгольские паспорта с фотографическими карточками... всякий переезжающий из одного места в другое на какой бы то ни было срок, должен иметь при себе пропуск стоимостью в один рубль. Установление института пропусков для передвижения иностранцев вызвано исключительно желанием увеличить местные доходы и является мерой новой и недавно проведенной. Раньше только для проезда в Ургу или через границу требовался такой пропуск.

Охрану границ и путей, ведущих в разные поселки, а также караульную службу между отдельными поселками несут монгольские солдаты-церики²³. Часто происходят недоразумения на почве того, что большинство из них совершенно неграмотны и не понимают своих обязанностей. Не понимая того, что написано в пропуске, церики, руководствуясь указаниями, что нужно следить за сроком пропуска, отбирают пропуска с действующим сроком и часто арестовывают русских граждан без всякой вины. Нами зафиксирован целый ряд таких случаев. Абсолютно недисциплинированные церики обращаются весьма грубо в отношении проходящих или пересезжающих границу, в чем находят поддержку со стороны монголчиновников, особенно бурят, находящихся на службе у монголов. Неоднократно задерживались на посту и получали оскорблений не только частные граждане, но и сотрудники консульства, причем монголуправление не обращало на это никакого внимания. Мы не без основания полагаем, что все издевательства в отношении рус-

²⁰ Урга – столица Монголии, в 1924 г. переименована в Улан-Батор.

²¹ Этими вопросами впоследствии занимались советские представители – Е.А. Стулов как член Экономического совета МНР, сотрудники Ученого комитета МНР – А.Д. Симуков и С.А. Кондратьев.

²² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 1–35, 37, 38, 40, 41–43, 93.

²³ Цирик, церик (монг. цэрэг) – военнослужащий, солдат, рядовой.

ских граждан происходят с поощрения монголуправления, так как последние своими действиями санкционируют незаконные поступки дезорганизованной массой цериков и чиновников. Так, кроме полнейшего игнорирования наших заявлений на незаконные действия и недружелюбное отношение монголчиновников на местах, само управление занимается беспричинными арестами и издевательствами над русскими, обращающимися в управление. Так были арестованы без всякого основания и подвергались оскорблению целый ряд лиц, явившихся за пропусками. По объяснению монголвластей, система выдачи пропусков между отдельными районами является мерой для борьбы с контрабандой, усиливающейся день ото дня, и жалобы населения...»²⁴.

Судя по документам Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), регулярно проводились заседания профсоюза советских учреждений, находившихся в Урге²⁵. В архиве отложились протоколы заседаний (с мая по ноябрь 1924 г.), на которых решались вопросы «об отпуске в кредит всем членам профсоюза медикаментов по рецептам», «отчисления 1% однодневного заработка в качестве помощи голодающему монгольскому населению», «оказания помощи детскому дому им. Н.К. Крупской в Урге» и др.²⁶ 31 мая 1924 г. состоялось объединенное собрание месткома советских служащих в Урге, на котором присутствовали сотрудники Полномочного представительства – 10 чел., торгпредства – 10 чел., Сибкрайсоюза – 8, Дальгосторга – 1, Доброфлота – 3, Ургинской станции Читинской железной дороги – 2²⁷. Из протокола от 31 мая 1924 г. следует, что в профсоюзе всех советских учреждений состоял 61 человек. На данном собрании обсуждался вопрос о «присоединении к общеургинскому интернациональному профсоюзному объединению рабочих и служащих Урги», было принято решение о внесении «50% членских взносов в кассу интернационального профсоюза»²⁸.

О ситуации, царившей в полпредстве, можно судить из тех же «беглых впечатлений» Бузулаева: «...с нашей публикой (имеются в виду сотрудники полпредства. – К. О.) не знакомился, да и не тянет. Уж очень большое барство развито среди них. Живут широко, по-полпредовски. В частности, полпредство здесь имеет штат 7–8 человек, для этого штата имеется 5 автомашин. Служащие полпредства и их прислуга иных средств передвижения как автомобиль

²⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 29. Л. 44.

²⁵ ГА РФ. Ф. 5468. Оп. 7. Д. 382.

²⁶ Там же. Л. 1–4, 11.

²⁷ Там же. Л. 15.

²⁸ Там же. Л. 17.

не знают. Урга город маленький по сравнению, конечно, с городами европейской России, но полпредовский автомобиль ухитряется ежедневно делать пробегу до 100 км и более. Такие громадные расходы на средства передвижения и вообще на широкий образ жизни оправдывают необходимостью полпредовского положения. Интересно – существует ли над подобными представителями какой-либо контроль»²⁹.

Молодому государству необходимо было готовить собственные кадры для экономического развития. В одном из разделов Бюллетея о культурном строительстве прямо говорится о подготовке национальных кадров как внутри страны, так и в СССР и других странах. И этот вопрос решался через полпредство. Так, в 1931 г. в учебные заведения СССР было отправлено 36 чел., из них 30 – в технические, остальные 6 – не указаны. В Сборнике документов «Монголия из архивов ФСБ РФ (1922–1936)» приводится краткий обзор по монгольскому студенчеству в Москве и Ленинграде: 49 человек в возрасте от 20 до 30 лет, все из араторов-скотоводов, первоначальное образование получали в партийной школе и имели небольшой опыт партийной работы, все – члены народной партии и революционного союза молодежи. Как считало монгольское руководство, «необходимо было создать из них (обучающейся молодежи) в будущем молодые кадры революционно настроенных работников»³⁰. В 1926 г. член правительства Э. Батухан по поручению правительства выехал в Германию для организации обучения 40 монгольских студентов в немецких и французских школах, подготовки специалистов по текстильному, кожевенному, горно-механическому делу [История Монголии 2007, с. 119].

В Бюллетеене представительства особое внимание уделяется вопросам здравоохранения в Монголии. Отмечается, что развитие европейской медицины в стране началось в 1926 г. с созданием Управления здравоохранения при Министерстве внутренних дел, организованного советской миссией. Благодаря советскому полпредству впоследствии были предприняты первые шаги по созданию широкой сети здравоохранения в стране. В 1929 г. стартовали масштабные программы по улучшению состояния здоровья монгольского населения. Тибетская медицина была исключена из государственного финансирования. К январю 1937 г. в Улан-Баторе функционировали три стационара: гражданская больница, клиника ЦК МНРП и психиатрическая больница, а также 19 стационаров в хуудонах (сельской местности). В этот период на территории Монголии работали 8 врачей, 9 фельдшеров

²⁹ Там же. Л. 1–4, 11.

³⁰ Монголия в документах Коминтерна... Ч. 1. С. 138.

и 2 медсестры³¹. С 1926 по 1930 г. в Монголию были направлены три медико-санитарные экспедиции с целью изучения санитарного состояния страны и разработки плана организации национальной системы здравоохранения. Экспедиции также занимались лечением местного населения. Советский Союз полностью обеспечивал экспедиции медицинским оборудованием, инструментами, медикаментами и финансированием. В результате работы экспедиций была разработана стратегия развития здравоохранения в Монголии. В Улан-Баторе впервые был внедрен патронаж беременных женщин и новорожденных. Советские врачи провели большую работу по изучению санитарно-демографического состояния населения и оказали содействие в разработке ключевых вопросов становления и развития народного здравоохранения и медицины, в том числе в сельской местности³².

Интересным представляется еще один документ из Бюллетеня от 18 марта 1924 г. «Сколько выпивают в Урге»: «По данным министерства финансов, за первые шесть месяцев ввезено в Ургу: спирту – 1087 ведер на 30 753 долл., китайской ханжи³³, гаоляна³⁴ – 66 370 чжинов³⁵ на 77 717 долл.; кит. вин 1530 чжинов (примерно 500 г) – 4500 долл.; европейских вин 672 бут. – 2204 долл. Мы получим приличную цифру в 224 тысячи долларов в год. Если даже не весь алкоголь выпивается в самой Урге, то сумма получается все же не малая»³⁶. К сожалению, численность населения монгольской столицы ни в одной из публикаций не приводится, данные даются в целом по Монголии³⁷.

Таким образом, Бюллетени, которые составлялись полпредством СССР в Монголии, могут дать богатый материал для изучения Монголии в 1920–1930-е гг.

³¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 154. Л. 17–20.

³² Там же. Л. 17, 20, 22.

³³ Традиционный крепкий алкогольный напиток.

³⁴ Злаковое растение.

³⁵ Китайская единица измерения веса.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 29. Л. 92, 93.

³⁷ Е.А. Стулов в журнале «Хозяйство Монголии» приводит данные по численности населения за этот период: 1925 г. – 651 700 человек, 1926 г. – 681 000 чел., 1927 г. – 699 000 чел., 1928 г. – 710 500, 1929 г. – 728 500, 1934 г. – 704 054 (см.: Стулов Е.А. Краткие итоги переписи населения и скота МНР в 1925–1929 гг. // Хозяйство Монголии. 1931. № 2 (26). Март – май. С. 5–17).

Заключение

Материалы РГАСПИ представляют собой неоценимый ресурс для изучения ключевого этапа в истории Монголии и советско-монгольских отношений. Особую роль играло Полномочное представительство СССР в Монголии. Сотрудники уделяли пристальное внимание как значительным, так и, казалось бы, незначительным деталям политической, экономической и культурной жизни Монголии. Тщательное изучение монгольского общества позволило полномочному представителю и сотрудникам полпредства получить глубокое понимание реалий повседневной жизни в Монголии и принимать обоснованные решения.

Литература

Батболд 2024 – *Батболд Ш. Вклад российских специалистов в становление информационного агентства МОНЦАМЭ* // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2024. № 2 (54). С. 47–52.

Болдбаатар 2004 – *Болдбаатар Ч. ХХ зууны Монголын улс төрийн зүтгэлнүүд [Политические деятели Монголии в XX в.]*. Улаанбаатар: Монгол улсын боловсролын их сургууль, 2004. 370 с.

История Монголии 2007 – История Монголии: XX век / под ред. Г.С. Яскиной. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

Орлова 2023 – *Орлова К.В. Е.А. Стулов в Монголии и для Монголии* // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 2. С. 166–177.

Рощин 1999 – *Рощин С.К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.)*. М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.

References

Batbold, Sh. (2024), “The contribution of Russian specialists to the formation of the information agency MONTSAME”, *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otsteleniya Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 54, no. 2, pp. 47–52.

Bolbaatar, Ch. (2004), *XX zuuny Mongolyn uls tөriin zytgelnүүд* [Political figures of Mongolia in the 20th century], Mongolian National University of Education, Ulan-Bator, Mongolia.

Yaskina, G.S., ed. (2007), *Istoriya Mongolii: XX vek* [The history of Mongolia. 20th century], IV RAN, Moscow, Russia.

Orlova, K.V. (2023), “E.A. Stulov in Mongolia and for Mongolia”, *Mongolian Studies*, vol. 15, no. 2, pp. 166–177.

Roshchin, S.K. (1999), *Politicheskaya istoriya Mongolii (1921–1940 gg.)* [The political history of Mongolia (1921–1940)], IV RAN, Moscow, Russia.

Информация об авторе:

Кеемя В. Орлова, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12; orlovnk@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4951-0063

Information about the author

Keemya V. Orlova, Dr. of Sci. (History), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 12, Rozdestvenka St., Moscow, Russia, 107031; orlovnk@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4951-0063

История советского высшего образования на страницах журнала «Вестник архивиста»

Эльмира Ф. Абубикерова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, abubikerova.e@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается история советского высшего образования в первые десятилетия после революции 1917 г. Особое внимание уделяется влиянию политических и социальных изменений в государстве и обществе на содержание высшего образования. Актуальность статьи обусловлена тем, что советская система высшего образования, во многом отрицавшая дореволюционную методику обучения, прежде всего для гуманитарных и общественно-политических специальностей, легла в основу подготовки специалистов, продолжающих свою профессиональную деятельность и влияющих на развитие экономики, науки и культуры в наши дни. Журнал «Вестник архивиста» служит важным источником для изучения методологических подходов к обучению, позволяет сделать выводы об особенностях подготовки научно-педагогических кадров, характере их взаимоотношений со студенчеством, региональных особенностях высшего образования в Советской России и СССР в указанный период. Проводится сравнительный анализ до- и послереволюционного вектора развития в высшем образовании. На основе анализа нарративных материалов, рецензий и исследований, опубликованных в «Вестнике архивиста», автор делает вывод о значимости данного журнала как источника для понимания эволюции советского высшего образования и его места в общественной жизни. Таким образом, данная статья способствует более глубокому осмыслению наследия советской образовательной системы, а дуализм ценностей и задач, лежащих в основе системы, обусловил амбивалентное отношение государственной власти к нарождающейся советской интеллигенции.

Ключевые слова: история, высшее образование, история образования, СССР, советское образование, эволюция образования

Статья поступила в редакцию 18 июня 2025 г.;
принята к публикации 1 сентября 2025 г.

© Абубикерова Э.Ф., 2025

Для цитирования: Абубикерова Э.Ф. История советского высшего образования на страницах журнала «Вестник архивиста» // История и архивы. 2025. Т. 7. № 4. С. 80–91. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-80-91

The history of Soviet higher education
on the pages of the magazine
“Vestnik arkhivista / Herald of an Archivist”

Elmira F. Abubikerova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, abubikerova.e@rggu.ru*

Abstract. This article considers the history of Soviet higher education in the first decades after the 1917 revolution. Special attention is paid to the impact on the content of higher education – of political and social changes in the state and society. The relevance of the article stems from the fact that the Soviet system of higher education, which largely denied (primarily for the Humanities and the socio-political sciences) the pre-revolutionary teaching methodology, formed the basis for the training of specialists who continue even now their professional activities and influence the development of economy, science and culture. The “Vestnik arkhivista / Herald of an Archivist” journal serves as an important source for the study of methodological approaches to teaching, allows us to draw conclusions about the specifics in training the scientific and pedagogical personnel, the nature of their relationship with students, and the regional features of higher education in Soviet Russia and the USSR during that period. A comparative analysis of the pre- and post-revolutionary vector of higher education development is carried out. Based on the analysis of the narrative materials, reviews, and the research published in the “Vestnik arkhivista / Herald of an Archivist”, the author concludes on the significance of that journal as a source for understanding the evolution of Soviet higher education and for evaluating its place in public life. Thus, the present paper contributes to a deeper comprehension of the legacy of the Soviet education system, whereas the dualism of values and objectives underlying the system led to the ambivalent attitude of the state authorities towards the emerging Soviet intelligentsia.

Keywords: history, higher education, history of education, USSR, Soviet education, evolution of education

The article was submitted for publication 18.06.2025;
accepted for publication 01.09.2025.

For citation: Abubikerova, E.F. (2025), "The history of Soviet higher education on the pages of the magazine 'Vestnik arkhivista / Herald of an Archivist", *History and Archives*, vol. 7, no. 4, pp. 80–91, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-80-91

Введение

Предпринимая попытки объяснить/проанализировать эволюцию исторических процессов, мы имеем дело, прежде всего, с комплексом исторических источников и исследований. Несмотря на то что Советский Союз – относительно недавнее прошлое, мы, прежде всего, затрагиваем аспекты беспрецедентного в своем роде явления – культурного феномена ретроспективной памяти. Историческая память отражает представления сменяющих друг друга поколений о процессах, оставивших след в истории и повлиявших на реалии современности.

Историческая память – не только представления о собственном прошлом, но и важнейшая составляющая национального самосознания, так же как память человека – основа его личностной самоидентификации.

Проанализируем, как представлена эволюция советского высшего образования на страницах журнала «Вестник архивиста»¹. Наиболее интересные публикации, изданные в течение последних 10–11 лет, стали для автора источниковой базой, представляющей довольно богатый материал для анализа.

Итак, проблема, поднимаемая автором настоящей публикации, заключается в противоречивости тенденций развития отечественного высшего образования на разных этапах существования Советского Союза. В статье также рассматриваются последствия влияния политической идеологии на образовательный процесс.

Актуальность исследуемой проблемы обоснована влиянием, которое оказала советская модель образования на умонастроения граждан современной России. Выросшее и получившее образование в СССР поколение россиян является носителем ценностей, которые были заложены в отечественную образовательную систему. Сформированное в советскую пору поколение влияет на общий ментальный фон российского общества сегодня. Образование, воспитание, отношение к политике и власти, жизненная позиция и прочие социальные явления считаются продуктом в том числе советского образования.

¹ Интернет-ресурсы: <https://www.vestarchive.ru/> <https://www.herald-of-an-archivist.com/> <https://www.herald-of-an-archivist.com/open-access-journal.html> (дата обращения: 17.06.2025).

Так, цель работы – рассмотреть эволюцию советской модели высшего образования на основе анализа статей, опубликованных в журнале «Вестник архивиста» за период 2013–2024 гг. и сформировать представление о том, какими достоинствами и недостатками она обладала и в какой мере продолжает оказывать влияние на подходы и методики, активно применяемые при подготовке студентов современных российских высших учебных заведений.

Задачи, стоящие перед автором, можно разделить на следующие смысловые блоки: проанализировать выводы авторов исследуемых публикаций в журнале «Вестник архивиста» о советской системе высшего образования; провести компартиативный анализ научных статей, посвященных исследованию системы советского высшего образования, которые публиковались в журнале с 2018 по 2023 г.; сформировать представление о том, что можно отнести к сильным и слабым сторонам советской системы подготовки в высшей школе в первые десятилетия после прихода к власти большевиков.

Историография становления и развития советского высшего образования в 1920–1930-е гг.

Начнем с ранних работ, вышедших в интересующем нас временном диапазоне, а именно коллективную статью Е.И. Демидовой, А.В. Захарова, Е.А. Ефимовой «Институциализация советской высшей школы в России в 1920-е гг.» [Демидова, Захаров, Ефимова 2018], где рассматривается процесс становления ранних моделей советского высшего образования в постреволюционную эпоху, причины и последствия влияния на нее новых социально-политических реалий, в том числе идеологического фактора. Ученые пред следуют цель оценить степень воздействия идеологии советского руководства на воспитание и образование студенчества. Исследователи обращают внимание не только на особенности формирования системы высшего образования, но и на возникающие противоречия данного процесса, которые обусловлены поддержкой партии и силовых структур, с одной стороны, и отсутствием базовой подготовки методического и педагогического характера кадрового состава, осуществляющего реформирование системы образования нового государства, – с другой.

Авторский коллектив приходит к мысли, что социальный эксперимент, предпринятый большевиками, носил крайне противоречивый характер, где новаторство и смелые замыслы вступали в антагонистическое противостояние с инертностью системы, еще не обладавшей достаточным для гарантированного успеха

социально-культурным, научно-педагогическим и методологическим опытом.

Согласно заключению исследователей, ведущей целью развития и функционирования высшего образования в СССР в 1920-х гг. стало желание повлиять на умонастроения советского гражданина, т. е. советские власти стремились воспитать и вырастить человека, «верящего в светлое коммунистическое будущее» [Демидова, Захаров, Ефимова 2018, с. 1123]. В результате к концу 1920-х гг. старая модель образования полностью уступила место новой. Последняя, несмотря на благие цели, имела множество недостатков. Так, для конца 1920-х были характерны низкий уровень подготовки абитуриентов, нехватка высококвалифицированных педагогических кадров, настороженность партийной верхушки перед перспективой формирования новых слоев интеллигенции из-за опасения получить оппозицию в ее лице.

Любопытно отметить, что, помимо обозначенного выше научного коллектива, среди исследователей аналогичную проблему поднимала Э.Ф. Абубикерова в работе «Повседневность высшей школы в 20–30-е годы ХХ в. (исторический аспект)» [Абубикерова 2023]. Автор обращает внимание на несоответствие между амбициозными планами партийной верхушки и реальным состоянием материально-технической базы, плохой оснащенности учебных заведений, которая в 1920-е гг. серьезно затрудняла образовательный процесс.

Таким образом, Е.И. Демидова, А.В. Захаров и Е.А. Ефимова рассматривают реформирование системы образования как попытку поставить основную массу населения под свой контроль, формируя среди советских граждан умонастроения, направленные на формирование в Советском Союзе «нового человека».

Далее обратим внимание на публикацию того же коллектива саратовских исследователей, увидевшую свет в 2019 г. [Демидова, Захаров, Ефимова 2019]. Ученые делают акцент на такой стороне образовательного процесса в высшей школе, как воспитание советского человека в духе ценностей, коррелирующих с идеалами марксизма-ленинизма. Формирование «советского человеческого капитала» стало, по мнению исследователей, основной задачей при обучении студентов советских вузов. Ставка партийного руководства на колlettivizm, приобщение к ценностям новой культуры, активная работа с молодежью – основа советского подхода к формированию института высшего образования в стране.

Годом позднее, в 2020 г. та же группа исследователей выпустила в «Вестнике архивиста» статью [Демидова, Захаров, Ефимова 2020], являющуюся прямым продолжением предыдущей, где ученые рассмотрели процессы воспитания «нового человека» в советских вузах в 1930-е гг. Сравнивая тенденции в образовании

с особенностями предшествующего десятилетия, авторы приходят к заключению, что наблюдался фрагментарный возврат к традиционным, классическим моделям образовательного и воспитательного процесса, но с поправкой на социалистическую парадигму. Среди общих черт первых двух десятилетий в сфере высшего образования авторы подмечают реформизм, пропаганду высшего образования, здорового образа жизни, спорта, что можно считать позитивными сдвигами в духовной жизни советских граждан.

Проанализируем вышедшую в «Вестнике архивиста» в один год с предыдущей статью современных исследователей О.А. Шашковой и М.А. Шпаковской «Коммунистический университет трудящихся Востока: создание и этапы становления в системе Коминтерна в 1920–1930-е гг.» [Шашкова, Шпаковская 2018]. Авторы рассматривают проблему становления методик преподавания в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), его влияние на формирование политической повестки. Преследуя цель экспансии социализма в направлении восточных стран, где шли процессы формирования национальных государств, Советское государство (СССР будет образован годом позже КУТВ, в 1922 г.) стремилось заручиться лояльностью населения.

Таким образом, авторы рассматривают советское высшее образование на ранних этапах и политическую повестку как неотделимые друг от друга части единого целого. Формирование комплиментарного отношения к Советам, по мнению авторов, было отправной точкой для становления методической базы при подготовке специалистов созданного под эгидой Коминтерна КУТВ.

Далее обратимся к работе А.А. Непомнящего [Непомнящий 2020]. В качестве источников автором были использованы документы ГА РФ. Предметом исследования А.А. Непомнящего является опыт подготовки научно-педагогических кадров и государственных служащих (чиновников) на базе Крымского университета им. М.В. Фрунзе, а также причины неудачи создания на базе восточного факультета научно-исследовательской среды. Так, А.А. Непомнящий акцентирует внимание, что свою заинтересованность в процветании восточного факультета проявлял лично М.В. Фрунзе, который, как доподлинно известно, даже обращался с письмом лично к наркому просвещения А.В. Луначарскому. Подобное неравнодущие к судьбе образовательного учреждения со стороны военного и политического деятеля объяснялось стремлением сформировать научный центр, работа которого была бы направлена на изучение как представителей местных народностей, так и народов Закавказья и восточных. Данное направление отвечало интересам советской власти, а потому имело перспективы на успех. Тем не менее автор вынужден констатировать, что ориентальный центр в Крыму

не получил дальнейшего развития и его деятельность со временем угасла, сведясь к тому, что в 1925 г. произошла реорганизация, после которой восточное отделение было переименовано в факультет татарского языка и литературы, где велась подготовка школьных учителей вплоть до лета 1941 г.

Теперь обратимся к более свежим публикациям, автором одной из которых выступает исследователь из СПбГУ А.В. Морозова [Морозова 2021], поднимающая проблему особенностей и тенденций домашнего воспитания в России на переломном рубеже истории, а именно в 1910–1920-х гг. Материалами, используемыми автором в качестве источниковой базы, стали преимущественно мемуары, позволяющие глубже погрузиться в атмосферу эпохи. На основе воспоминаний Т.П. Знамеровской, доктора искусствоведения и доцента Ленинградского университета, А.В. Морозова пытается проследить тенденции в домашнем образовании представителей русской интеллигенции в исследуемый исторический период. Так, из дневника Т.П. Знамеровской следует, что большое внимание уделялось гуманитарным дисциплинам, среди которых на особом счету были история, литература, география, а также иностранным языкам, музыке и искусству.

Таким образом, статья А.В. Морозовой хоть и не затрагивает напрямую проблему высшего образования в Советской России, но дает возможность произвести сравнительный анализ. Морозова отмечает, что сильно различались цели, стоящие перед институтом образования в до- и постреволюционной России, показывает, как постепенно менялись тенденции.

Ценность гуманитарного образования была утрачена, основным стал запрос на подготовку специалистов в области технических наук и сельского хозяйства. Это можно объяснить тем, что господствовавшая тогда марксистско-ленинская доктрина расценивала экономику как базис, а труд – как ведущий фактор производства.

Автором следующей статьи, которую предстоит проанализировать, является Е. А. Долгова [Долгова 2021], рассмотревшая научное наследие историка С. В. Бахрушина. Прочитанные им лекции в Институте Красной профессуры весной 1936 г., в сталинский период, внесли вклад в изучение социально-политического и экономического уклада народов Сибири. В рамках нашей темы интерес представляет, как причудливо инкорпорировался марксизм в традиционную концепцию освоения русскими Сибири начиная с XVII в., преподававшуюся в отечественных учебных заведениях на протяжении предыдущих десятилетий и даже столетий.

Ревизия устоявшейся методологической парадигмы и попытки «мягко» синтезировать марксизм и классические концепции преподавания отечественной истории являются любопытным примером

изменения вектора высшего образования в советские годы. Таким образом, Е.А. Долгова, приводя фрагменты и выдержки из лекций С.В. Бахрушина, демонстрирует влияние политики на образование, что можно рассматривать как одну из неотъемлемых черт эпохи раннего СССР. Указанная характерная особенность стала прослеживаться с приходом к власти большевиков в 1920-е гг., о чем упоминает исследователь Э. Ф. Абубикерова [Абубикерова 2019].

Отражение в историографии влияния политики «Большого террора» на высшую школу

В одной из публикаций «Вестника архивиста» авторства казанского исследователя А.Т. Галимзяновой [Галимзянова 2023] поднимается проблема влияния политики «Большого террора» 1930-х гг. на научно-педагогические практики на примере обстановки в Казанском государственном педагогическом институте (КГПИ). Автор исследует поднятую проблему, анализируя источники эпистолярного жанра, а именно два сохранившихся письма старшего научного сотрудника АН РАН Х. Гимади, адресованные ЦК ВКП(б) и партийной организации в 1938 г. Татарский историк в письмах живо обрисовывал сложившуюся в научно-педагогической среде обстановку, прося парткома института провести расследование и снять с него предъявленные студентами обвинения в троцкизме и национализме. Обстоятельно описывая реальные жизненные ситуации, Х. Гимади пишет о доносительстве в студенческой среде, об атмосфере всеобщего недоверия, жалуется на несправедливые обвинения в связях с «вражеским блоком». Случаи доносительства стали фиксироваться начиная с середины 1920-х гг. на профессоров старой школы, как отмечает Э.Ф. Абубикерова [Абубикерова 2013]. Исследователь на примере атмосферы в Саратовском государственном университете в 1930-е гг. показывает, что студенты злоупотребляли своим правом свободно высказывать свое мнение. Данное право на свободу слова обернулось массовым доносительством на «неугодных» педагогов, что является крайне негативной тенденцией в развитии и институализации высшего образования в первые десятилетия существования советской России.

На тему воспитания и образования молодежи в годы «Большого террора» в журнале «Вестник архивиста» опубликовали работу также историки А.Ю. Вязинкин и К.А. Якимов [Вязинкин, Якимов 2022], которые исследовали отношение советской молодежи к троцкизму, формировавшееся в результате пропаганды. Авторы вынесли вердикт, что набиравший обороты в период апогея сталинских репрессий контроль со стороны партии и комсомола

за умонастроениями молодежи не достиг своей главной цели: не смог превратить поголовно молодое поколение советских граждан в монолитную и полностью лояльную по отношению к власти социальную группу.

В диссертации Э.Ф. Абубикеровой, посвященной анализу принципов формирования научно-педагогических работников в 1920-х гг., автор приходит к заключению, что изменения, затронувшие сферу образования, оказали крайне пагубное влияние на систему образования в целом, поскольку «независимая мысль вступила в открытое противоречие с партийной диктатурой» [Абубикерова 2013].

В еще в одной статье Э.Ф. Абубикерова подчеркивает, что, несмотря на трудности в обеспечении университетов необходимой материальной базой, советская власть включала в свои планы, получившие названия «пятилетки», задачу по улучшению социально-экономических условий труда научно-педагогических работников и удовлетворение кадровых запросов со стороны промышленности и сельского хозяйства [Абубикерова 2022].

Заключение

На основе проанализированных данных удалось рассмотреть взгляды современных исследователей на проблему зарождения, формирования, становления и последующего развития высшего образования под эгидой марксистско-ленинской идеологии. Так, мы увидели, насколько широк спектр тех аспектов, на основании анализа которых разные ученые делали свои выводы: они изучали материально-техническую оснащенность вузов, принципы подготовки научно-педагогических работников для высшей школы, атмосферу в рядах студенчества, направления и приоритеты внеаудиторной работы с учащимися, идеологическую составляющую лекционных материалов, читаемых с университетских кафедр, и многое другое. Это свидетельствует о том, что проблематика высшего образования в СССР представляет собой широкое поле для исследований в заданном направлении.

Также удалось сравнить отношение ряда исследователей к тому, что из себя представляло советское высшее образование в первые десятилетия после революции 1917 г. В целом все исследователи сходятся во мнении относительно сильного влияния советской идеологии на преподавание в учебных заведениях, что отражалось на содержании лекционных материалов, содержащих пропаганду идеологии утвердившейся у власти коммунистической партии.

За короткий период были сделаны значительные шаги в направлении всеобщего образования и ликвидации неграмотности. Это легло в основу дальнейших образовательных реформ. В свою очередь, усиление политической направленности привело к некоторой деформации педагогических процессов.

Низкий уровень технической оснащенности, отсутствие высококвалифицированных научно-педагогических кадров, единых государственных стандартов преподавания, а также опыта в реформировании столь громоздкой системы, слабый уровень методической подготовки, отсутствие базовой подготовки абитуриентов затрудняли процесс институализации высшего образования в Советском Союзе. Перечисленные проблемы приводили к тому, что советское высшее образование долгое время оставалось требующей повышенного внимания сферой со стороны партийного руководства и значительных финансовых вливаний, поскольку являлось ключевым звеном на пути формирования нового типа «советского человека».

В заключение следует сказать, что проанализированные статьи были выбраны, основываясь на принципе репрезентативности, поскольку написаны профессиональными учеными-историками, по совместительству педагогами, которым хорошо знакома область описываемой деятельности. Таким образом, поднятая автором проблема далеко не исчерпана и имеет широкие перспективы для дальнейших исследований с целью достижения более глубокого понимания феномена института советского высшего образования, лежащего в основе научно-педагогического и методологического потенциала, которым на сегодняшний день обладает наше государство.

Литература

Абубикерова 2013 – *Абубикерова Э.Ф.* Принципы формирования научно-педагогических кадров в 1920-е гг. (на примере вузов Саратова): дис. ... канд. ист. наук. Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2013. 268 с.

Абубикерова 2019 – *Абубикерова Э.Ф.* Взаимоотношения советских органов государственной власти и науки в 1920-х гг. // Власть. 2019. Т. 27. № 5. С. 212–215.

Абубикерова 2022 – *Абубикерова Э.Ф.* Социально-экономические условия работы научно-педагогических работников Саратова в 1920-е гг. // Власть. 2022. Т. 30. № 3. С. 228–232.

Абубикерова 2023 – *Абубикерова Э.Ф.* Повседневность высшей школы в 20–30-е годы XX в. (исторический аспект) // Власть. 2023. Т. 31. № 4. С. 231–236.

Вязинкин, Якимов 2022 – *Вязинкин А.Ю., Якимов К.А.* Советская молодежь и троцкизм в годы «Большого террора» 1930-х гг. в СССР: по архивным источникам // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1185–1197.

Галимзянова 2023 – *Галимзянова А.Т.* Казанский педагогический институт в годы «Большого террора»: по письмам Х. Гимади в ЦК ВКП(б) и парторганизацию 1938 г. // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 849–860.

Демидова, Захаров, Ефимова 2018 – *Демидова Е.И., Захаров А.В., Ефимова Е.А.* Институциализация советской высшей школы в России в 1920-е гг. // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1115–1127.

Демидова, Захаров, Ефимова 2019 – *Демидова Е.И., Захаров А.В., Ефимова Е.А.* Формирование «советского человеческого капитала» в высшей школе в 1920-е гг. // Вестник архивиста. 2019. № 4. С. 1074–1088.

Демидова, Захаров, Ефимова 2020 – *Демидова Е.И., Захаров А.В., Ефимова Е.А.* Формирование «советского человеческого капитала» в высшей школе в 1930-е гг. // Вестник архивиста. 2020. № 3. С. 796–809.

Долгова 2021 – *Долгова Е.А.* С.В. Бахрушин в Институте Красной профессуры: Лекции по истории народов Сибири, 1936 г. // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 275–288.

Морозова 2021 – *Морозова А.В.* Домашнее воспитание и обучение в России 1910–1920-х гг.: по воспоминаниям Т.П. Знамеровской, хранящимся в Российской национальной библиотеке // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 301–312.

Непомнящий 2020 – *Непомнящий А.А.* «Лучший рассадник высшей школы»: Организация подготовки национальных кадров в Крымской АССР в 1920-е гг.: по документам Государственного архива Российской Федерации // Вестник архивиста. 2020. № 4. С. 1083–1094.

Шашкова, Шпаковская 2018 – *Шашкова О.А., Шпаковская М.А.* Коммунистический университет трудящихся Востока: создание и этапы становления в системе Коминтерна в 1920–1930-е гг. // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 704–716.

References

Abubikerova, E.F. (2013), *Printsipy formirovaniya nauchno-pedagogicheskikh kadrov v 1920-e gg.* [Principles of formation of scientific and pedagogical personnel in the 1920s (on the example of Saratov universities)], Ph.D. Thesis (History), Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russia.

Abubikerova, E.F. (2019), “The relationship between the Soviet state authorities and science in the 1920s”, *Vlast'*, vol. 27, no. 5, pp. 212–215.

Abubikerova, E.F. (2022), “Socio-economic working conditions of scientific and pedagogical staff of Saratov in the 1920s”, *Vlast'*, vol. 30, no. 3, pp. 228–232.

Abubikerova, E.F. (2023), “Everyday life of higher education in the 20 30s of the 20th century (historical aspect)”, *Vlast'*, vol. 31, no. 4, pp. 231–236.

Demidova, E.I., Zakharov, A.V. and Efimova, E.A. (2018), “Institutionalization of Soviet higher education in Russia in the 1920s”, *Herald of an Archivist*, no. 4, pp. 1115–1127.

Demidova, E.I., Zakharov, A.V. and Efimova, E.A. (2019), “Formation of the ‘Soviet human capital’ in higher education in the 1920s”, *Herald of an Archivist*, no. 4, pp. 1074–1088.

Demidova, E.I., Zakharov, A.V. and Efimova, E.A. (2020), “Formation of the ‘Soviet human capital’ in higher education in the 1930s”, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 796–809.

Dolgova, E.A. (2021), “Bakhrushin at the Institute of Red Professors: Lectures on the history of the peoples of Siberia. 1936”, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 275–288.

Galimzyanova, A.T. (2023), “Kazan Pedagogical Institute during the years of the ‘Great Terror’. According to the letters from H. Gimadi to the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the party organization in 1938”, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 849–860.

Morozova, A.V. (2021), “Home upbringing and education in Russia in the 1910–1920s. Based on the memoirs of T.P. Znamerovskaya, kept in the Russian National Library”, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 301–312.

Nepomnyashchii, A.A. (2020), “‘The best breeding ground for higher education’. Organization of national personnel training in the Crimean ASSR in the 1920s. Based on the documents from the State Archives of the Russian Federation”, *Herald of an Archivist*, no. 4, pp. 1083–1094.

Shashkova, O.A. and Shpakovskaya, M.A. (2018), “The Communist University of the Toilers of the East (KUTV). Its establishment and the stages of development in the Comintern system in the 1920s–1930s”, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 704–716.

Vyazinkin, A.Yu. and Yakimov, K.A. (2022), “Soviet youth and Trotskyism in the days of the Great Terror of the 1930s in the USSR. Based on archival sources”, *Herald of an Archivist*, no. 4, pp. 1185–1197.

Информация об авторе

Эльмира Ф. Абубикерова, кандидат исторических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; abubikerova.e@rggu.ru
ORCID ID: 0000-0002-3507-3619

Information about the author

Elmira F. Abubikerova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; abubikerova.e@rggu.ru

ORCID ID: 0000-0002-3507-3619

УДК 378(470)+930
DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-92-104

Развитие исторического образования
в современной России:
по материалам Национального форума
преподавателей истории

Елена В. Барышева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, barysheva.ev@gmail.com*

Ирина П. Азерникова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, azernikova.i@rggu.ru*

Татьяна Ю. Болибок

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lutsina.tu@rggu.ru*

Аннотация. Актуальные вопросы развития исторического образования неизменно привлекают внимание широкой общественности и профессионального сообщества. Национальный форум преподавателей истории с 2022 г. является местом встречи представителей органов государственной власти, общественных организаций, научных учреждений, вузов, школ, издательств и всех заинтересованных лиц для обсуждения волнующих профессиональное сообщество практических вопросов преподавания истории в высшей школе. Цель статьи состоит в том, чтобы показать роль форума в создании условий для обмена опытом, повышения оперативности обмена информации, поиска дополнительных ресурсов для решения проблем, выработки решений, учитывающих современные вызовы, стоящие перед историческим образованием в России. На основе анализа трех форумов, проведенных в 2022–2024 гг., показываются форматы работы, которые доказали свою эффективность: расширенное заседание Экспертного совета по развитию исторического образования как часть форумной программы, соучастие Российского исторического общества, актуальная тематика секций, вовлечение молодых историков, создание ТГ-канала для коммуникации участников и т. д. Осмысление опыта организации и проведения Национальных форумов преподавателей истории предпри-

© Барышева Е.В., Азерникова И.П., Болибок Т.Ю., 2025

нимается впервые, что позволило дать оценку проведенной работы и определить ближайшие перспективы форума.

Ключевые слова: историческое образование в России, Национальный форум преподавателей истории, Экспертный совет по развитию исторического образования, Российское историческое общество, высшая школа, профессиональное сообщество историков

Статья поступила в редакцию 3 июля 2025 г.;
принята к публикации 1 сентября 2025 г.

Для цитирования: Барышева Е.В., Азерникова И.П., Болибок Т.Ю. Развитие исторического образования в современной России: по материалам Национального форума преподавателей истории // История и архивы. 2025. Т. 7. № 4. С. 92–104. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-92-104

Development of historical education
in contemporary Russia.
Based on the materials of the National Forum
for History Teachers

Elena V. Barysheva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, barysheva.ev@gmail.com*

Irina P. Azernikova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, azernikova.i@rggu.ru*

Tatiana Yu. Bolibok

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, lutsina.tu@rggu.ru*

Abstract. The current issues of the development of historical education have consistently attracted the attention of the public and the professional community. Since 2022, the National Forum for History Teachers has served as a meeting place for the representatives of government agencies, NCOs, scientific institutions, universities, schools, publishing houses, and all interested parties to discuss the practical issues of concern to the professional community regarding teaching history in higher education. The purpose of the article is to highlight the role of the Forum in creating an environment for sharing experience, improving the efficiency of information exchange, and finding additional resources to address the challenges facing historical education

in Russia. Having analyzed the three Forums held in 2022–2024, the authors show the formats of the work that have proven to be effective: an expanded meeting of the Expert Council for the Development of Historical Education as part of the Forum program, participation of the Russian Historical Society, the relevant topics of the sections, the involvement of young historians, the creation of a Telegram channel for communication among the participants, etc. For the first time, an analysis of the experience in organizing and conducting National Forums for History Teachers is done, allowing for an assessment of the work carried out and the identification of the immediate prospects of the Forum.

Keywords: historical education in Russia, National Forum for History Teachers, Expert Council for the Development of Historical Education, Russian Historical Society, higher education, Professional Community of Historians

The article was submitted for publication 03.07.2025;
accepted for publication 01.09.2025.

For citation: Barysheva, E.V., Azernikova, I.P. and Bolibok, T.Yu. (2025), "Development of historical education in contemporary Russia. Based on the materials of the National Forum for History Teachers", *History and Archives*, vol. 7, no. 4, pp. 92–104, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-92-104

Введение

Развитие исторического образования признается российским обществом и государством одной из важнейших задач формирования гражданской идентичности, воспитания будущего поколения, обеспечения национальной безопасности страны. Объединение усилий профессионального сообщества историков и заинтересованных общественных организаций и государственных структур является необходимым фактором решения данной задачи.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать роль форума в создании условий для обмена опытом, повышения оперативности обмена информации, поиска дополнительных ресурсов для решения проблем, выработки решений, учитывающих современные вызовы, стоящие перед историческим образованием в России.

Результаты исследования

Важным шагом к консолидации профессионального исторического сообщества стало создание Экспертного совета по развитию исторического образования (далее – Экспертный совет). Он был организован в начале 2022 г. по инициативе министра науки и высшего образования Российской Федерации В.Н. Фалькова

«в целях популяризации исторического знания, противодействия попыткам фальсификации российской истории и формирования единых подходов к трактовке исторических событий»¹. Экспертный совет включает 22 эксперта из числа представителей органов исполнительной и законодательной власти, руководителей высших учебных заведений, институтов, общественных организаций².

С учетом четырех рабочих групп при Экспертном совете его общая организационная структура объединила более 155 экспертов [Фризен, Цахилова 2025].

Инициатива Минобрнауки России была поддержана одной из крупнейших отечественных общественных организаций – Российским историческим обществом. На первом заседании Экспертного совета 16 марта 2022 г. Председатель Российского исторического общества С.Е. Нарышкин, дав оценку современной ситуации в стране, отметил: «Огромное значение в эти дни приобретает гуманитарная, образовательная повестка, поэтому, конечно же, приветствую Ваше решение, Валерий Николаевич, сформировать Экспертный совет по развитию исторического образования при Министерстве науки России»³.

Актуальные вопросы развития исторического образования, повышение уровня исторической грамотности молодого поколения требовали широкого вовлечения историков – преподавателей, работающих со студентами не только профильной – исторической направленности, но и технических, медицинских, аграрных, педагогических, социогуманитарных специальностей и направлений подготовки. Назрела необходимость создания специальной

¹ Приказ Минобрнауки России № 34 от 17.01.2022 г. «Об Экспертном совете по развитию исторического образования» // Официальный сайт Минобрнауки России. URL: https://www.opivr.ru/gallery/01_Приказ%20№%2034_Экспертный%20совет.pdf (дата обращения: 03.07.2025).

² Приказ Минобрнауки России № 39 от 20.01.2022 г. «Об утверждении состава Экспертного совета по развитию исторического образования» // Официальный сайт Минобрнауки России. URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/history_expert/files/Приказ_Минобрнауки_России_от_20_января_2022_г_№_39_«Об_утверждении.pdf (дата обращения: 03.07.2025).

³ С. Нарышкин: огромное значение в эти дни приобретает образовательная повестка // Выступления и деятельность председателя РИО Сергея Нарышкина. Сайт РИО. URL: <https://historyrussia.org/sergey-naryshkin/vystupleniya-s-e-naryshkina/s-naryshkin-ogromnoe-znachenie-v-eti-dni-priobretetaet-obrazovatelnaya-povestka.html> (дата обращения: 03.07.2025).

регулярной площадки для обсуждения волнующих профессиональное сообщество практических вопросов преподавания истории в высшей школе. Такой площадкой стал Национальный форум преподавателей истории.

Первый и второй национальные форумы преподавателей истории, включавшие расширенные заседания Экспертного совета по развитию исторического образования, были проведены в г. Тобольске 7 октября 2022 г. и 20 октября 2023 г. соответственно. В 2024 г. Третий форум состоялся 4–5 октября в г. Тюмени. Председатель Правления РИО Руслан Гагкуев в приветственном обращении к участникам Форума отметил: «несмотря на смену традиционного места съезда преподавателей – город Тобольск, принципы форума остались прежними: предметные дискуссии и выработка новых идей» [Димитриева 2024, с. 167].

Организаторами мероприятия традиционно выступают Минобрнауки России, Российское историческое общество, Российский государственный гуманитарный университет, Тюменский государственный университет.

Целевая аудитория форумов охватывает представителей ведущих вузов и академических институтов, молодых ученых со всей страны, что придает мероприятию действительно национальный масштаб. Первые два форума объединили ученых и преподавателей из таких городов, как: Белгород, Великий Новгород, Владивосток, Екатеринбург, Ижевск, Калининград, Пермь, Санкт-Петербург, Саранск, Саратов, Севастополь, Сыктывкар, Улан-Удэ, Хабаровск и мн. др. За два года число участников увеличилось со 100 до 140. Перенос места проведения форума в Тюмень позволил учесть пожелания участников форума посетить все секции и привлечь к обсуждению не только профессорско-преподавательский состав высшей школы, но и школьных учителей.

Предметом обсуждения на форумах выступали актуальные вопросы исторического образования: проект Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки; результаты профессиональной экспертизы учеников для высшей школы; методическое обеспечение преподавания истории в высшей школе; создание национальной ЭБС по истории; деятельность докторантских советов по историческим специальностям и перспективам развития исторической науки; поддержка молодых исследователей.

Третий национальный форум преподавателей истории объединил уже более 160 участников очно и онлайн – представителей научного и образовательного сообществ, а также государственных и общественных организаций. География участников форума также значительно расширилась и стала охватывать многие города

и регионы страны, например Архангельск, Астрахань, Белгород, Брянск, Волгоград, Грозный, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Калининград, Красноярск, Курск, Магадан, Марийполль, Мелитополь, Нижний Новгород, Омск, Псков, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Сургут, Сыктывкар, Тамбов, Ульяновск, Ханты-Мансийск, Челябинск и др.

В 2024 г. секционные заседания охватили темы: дискуссионные вопросы и перспективы развития российской исторической науки; рейтингование научных периодических изданий по истории; итоги первого года применения в учебном процессе Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации; цифровые технологии преподавания истории в университетах; деятельность докторантских советов по историческим специальностям; участие молодых ученых, преподавателей и обучающихся в проектах популяризации истории.

Программа двухдневного форума включала в себя обширную деловую часть, представленную шестью тематическими секциями.

Первая секция «Итоги первого года применения в учебном процессе Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации» проходила в рамках расширенного заседания рабочей группы по подготовке Концепции преподавания истории России и экспертизе учебников и учебных пособий для высшей школы. В ходе работы были представлены промежуточные итоги внедрения Концепции, а также освещена продолжающаяся работа по модернизации учебно-методического комплекса дисциплины «История России» для неисторических специальностей.

Ключевой темой секции «Историческая наука и дискуссионные вопросы российской историографии» стало обсуждение 20-томного издания «История России». В ходе выступлений было отмечено, что данная публикация станет хорошим барьером для различных фальсификаций.

Работа секции «Научные периодические издания по истории: современное состояние и перспективы развития» акцентировала внимание на обсуждении состояния и перспективах развития исторических журналов, роли научных публикаций в академической среде и их продвижении. Участниками были подняты вопросы, связанные с ролью базы данных «Российские научные журналы» в системе оценивания научной периодики в России, а также сюжеты, связанные с проблемами цитирования.

Участники секции «О деятельности диссертационных советов по историческим специальностям и перспективах развития исторической науки» подчеркнули ключевую роль, которую играют диссертационные советы в развитии научных исследований в области истории и подготовке высококвалифицированных кадров в сфере исторического образования. Была отмечена необходимость поддержания высокого уровня научных работ при сохранении особого внимания к соблюдению академической этики, которая является основой качественного исследования.

Сложные и важные вопросы цифровой трансформации обучения обсуждались в рамках секции «Цифровые технологии в преподавании истории в вузе», где эксперты поделились своими взгляда-ми и опытом на трансформацию способов потребления, восприятия и подачи информации в преподавании исторических дисциплин в образовательных организациях высшего образования. В рамках работы секции были представлены актуальные разработки, связанные с цифровыми технологиями и методиками преподавания дисциплин «История России» и «Основы российской государственности». Обсуждались перспективы создания научно-образовательных порталов по различным направлениям исторической науки с возможностями интерактивного взаимодействия для студентов и преподавателей.

Работа Молодежной секции, проводившейся в рамках расширенного заседания Молодежного клуба Российского исторического общества, продемонстрировала значимость взаимодействия молодых ученых, образовательных учреждений и государственных структур в развитии исторической науки, внедрении новых методов обучения и поддержке молодых специалистов.

Ключевым событием Третьего форума стало пленарное заседание и расширенное заседание Экспертного совета по развитию исторического образования. В рамках пленарного заседания были рассмотрены наиболее значимые вопросы форума как с академической, так и с профессиональной и социальной точек зрения.

В приветственном слове министр науки и высшего образования Российской Федерации В.Н. Фальков подчеркнул, что одной из приоритетных задач министерства является создание единого гуманитарного ядра, которое улучшит национальную систему высшего образования. Министр выразил надежду, что завершившийся форум поможет продвинуться в решении этой задачи.

Президент федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования», академик РАО О.Ю. Васильева в приветствии на пленарном заседании Экспертного совета, проходившем в рамках форума, отметила важность

усовершенствования методики преподавания истории России в образовательных организациях высшего образования.

В своем выступлении «Развитие исторического образования в высшей школе» заместитель министра науки и высшего образования Российской Федерации К.И. Могилевский подчеркнул важные трансформационные процессы, происходящие в историческом образовании, отметив тенденции к росту числа бюджетных мест, выделяемых по историческим специальностям.

Исходя из запросов профессионального сообщества формируется программа форумов. За прошедшие три года стало очевидно, что основные темы сосредоточены на внедрении новой концепции преподавания истории, противодействии фальсификации исторических событий, адаптации современных образовательных методик к учебному процессу и кооперации научного сообщества.

Таким образом, форум позволяет развивать дискуссии по наиболее значимым вопросам в сфере исторического образования как с академической, так и с профессиональной и социальной точек зрения. С академической стороны эти вопросы способствуют развитию исторической науки, модернизации образовательных программ и укреплению методологической базы. С профессиональной точки зрения участники форума обсудили пути повышения качества преподавания истории, интеграции цифровых технологий и создания новых образовательных стандартов, что критически важно для подготовки специалистов нового поколения. Социальная значимость связана с необходимостью противодействия фальсификации исторических фактов и поддержания исторической памяти как важного элемента формирования национальной идентичности.

Одним из итогов форумов стало живое общение историков после завершения мероприятия в официальном Телеграм-канале, который стал активной площадкой для анонсирования новых мероприятий и проектов для научного и научно-практического сотрудничества преподавателей высшей школы.

Работа форумов высоко оценивается участниками из года в год. Заместитель министра культуры Омской области и руководитель исторического парка «Россия – моя история» О.А. Безродная и заведующий кафедрой отечественной истории, социологии и политологии Омского государственного университета М.А. Мамонтова выразили обеспокоенность подготовкой выпускников по укрупненной группе специальностей и направлений «История и археология», поскольку именно эти студенты «участвуют в формировании исторической памяти, популяризации исторических знаний и проведении разного рода экспертиз» [Безродная, Мамонтова 2023], и отметили, что важно «сохранить практику организации дискуссионных площадок в формате Национального форума преподавателей

истории... <форум> внес существенный вклад в обсуждение концепции преподавания исторических дисциплин на неисторических специальностях» [Безродная, Мамонтова 2023]. Профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова В.И. Голдин в своей статье «Национальный форум историков: состояние, актуальные проблемы и перспективы исторического образования и науки в России» отмечает атмосферу форума: «...попадая сюда, вы оказываетесь в исторической ауре, центром которой выступает фантастически красивый Тобольский кремль, где и проходил форум» [Голдин 2023]. Профессор Вологодского государственного университета В.А. Саблин так отзывается об итогах работы на форуме: «Подводя общие итоги, следует признать, что Второй национальный форум преподавателей истории прошел на высоком уровне. В связи с этим хочется выразить благодарность его организаторам, надеясь на новую плодотворную встречу в Тобольске в 2024 г.» [Голдин, Саблин 2024].

Масштаб события подтверждается широким освещением в различных СМИ. С 2022 по 2025 г. деятельность национальных форумов широко освещалась в федеральных и региональных средствах массовой информации. Вышедшие статьи и посты в социальных сетях крайне положительно оценивают работу форумов, а весь комплекс источников СМИ можно разделить на три категории: федеральные, региональные и официальные порталы вузов.

Новостные сайты вузов делают основной акцент на участии в форуме своих преподавателей, также уделяя внимание перспективам внедрения новых методик и представленным на форуме разработкам в области стандартов и единых подходов к образованию.

Региональные новости отмечают значимость проведения подобных мероприятий вне столиц и Центрального федерального округа, а также на вкладе региона и губернатора (в данном случае, Тюменской области) в организацию форумов. Также привлекает внимание тема развития местного образования и образовательных организаций.

Повестка федеральных СМИ сильно отличается из года в год. В 2022 г. внимание было сосредоточено на новых стандартах преподавания истории и важности формирования мировоззрения через историческое образование. В 2023 г. фокус был смешен на темы государственной важности исторического образования, единые стандарты преподавания и новые учебники по истории. В 2024 г. особое внимание было уделено новым инициативам в сфере исторического образования и их влиянию на систему высшего образования в целом. Не осталась в стороне и тематика международного сотрудничества – перевод концептуальных документов по истории и работе с иностранными студентами.

С 2022 по 2024 г. заметно фиксируется количественный и качественный рост упоминаний форума в СМИ и блогосфере. Так, к концу 2024 г. сильно заметны увеличение числа новостных источников и существенное расширение географии публикаций, а также рост числа упоминаний в социальных сетях. В рассматриваемых публикациях доля экспертного анализа и появление профессиональных оценок деятельности форума за упомянутый период также существенно выросла.

В 2024 г. появляются новые форматы подачи информации, в частности появление и развитие мультимедийного контента, который зачастую сгенерирован самими участниками форума.

Таким образом, охват и качество освещения форумов демонстрируют устойчивую положительную динамику, что свидетельствует о растущей значимости мероприятия для профессионального сообщества и общества в целом.

На момент публикации ведется активная подготовка к проведению четвертого национального форума преподавателей истории 9–10 октября 2025 г. в г. Тюмени на базе Тюменского государственного университета.

На четвертом форуме планируется обсуждение следующих актуальных тем:

- вопросы совершенствования исторического образования в высшей школе;
- историческое просвещение в высшей школе;
- бесшовное историческое образование: лучшие практики;
- этические, нормативные и образовательные стороны использования ИИ в учебном процессе;
- подготовка научных кадров высшей квалификации и деятельность диссертационных советов по историческим специальностям.

В рамках форума предполагается работа молодежной секции; презентация успешных проектов в области исторического образования и просвещения; дискуссии о современных тенденциях преподавания истории, что традиционно будет способствовать эффективному взаимодействию в преподавательском и научном сообществе.

Важно отметить, что форум продолжает быть открытой площадкой для обмена опытом, поэтому возможность участия предоставляется широкому кругу вузов и профессиональных организаций. Ожидается, что в форуме примут участие представители научных и образовательных организаций из разных регионов России, органов власти, молодые ученые и учителя истории.

Заключение

Научное историческое знание и образование – важная составляющая гражданско-патриотического воспитания молодежи, необходимое условие гармоничного развития многонационального народа России.

Вопросы исторического образования всегда являлись предметом обсуждения профессионального сообщества историков, усилия которых объединило Российское историческое общество.

Деятельность Экспертного совета по развитию исторического образования позволила поднять тему совершенствования преподавания отечественной истории на новый уровень.

Национальный форум преподавателей истории стал местом живого общения, объединившего представителей органов государственной власти и исторического сообщества для выработки мер по повышению качества преподавания истории в высшей школе, обмена опытом и налаживания профессиональных связей.

События Национального форума преподавателей истории освещаются в федеральных и региональных СМИ, обсуждаются и после его проведения в интернет-сообществах.

В целом выбранный формат форума и заседания Экспертного совета позволил создать эффективную коммуникативную площадку для исторического сообщества и решения задач, стоящих перед отечественным историческим образованием.

Литература

Безродная, Мамонтова 2023 – *Безродная О.А., Мамонтова М.А.* Итоги заседания Совета отделения Российского исторического общества в Омской области // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10. № 4 (40). С. 190–195.

Голдин 2023 – *Голдин В.И.* Национальный форум историков: Состояние, актуальные проблемы и перспективы исторического образования и науки в России // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23. № 6. С. 125–129.

Голдин, Саблин 2024 – *Голдин В.И., Саблин В.А.* Национальный форум преподавателей истории высшей школы: Актуальные проблемы исторического образования и науки в России // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2024. № 1 (32). С. 113–116.

Димитриева 2024 – *Димитриева А.Ю.* Обзор третьего Национального форума преподавателей истории (по материалам сайта Российского исторического общества) // Пространство науки. 2024. Т. 1. № 1. С. 167–170.

Фризен, Цахилова 2025 – *Фризен А.А., Цахилова Л.М. Деятельность Экспертного совета по развитию исторического образования по сохранению исторической правды и борьбе с фальсификацией истории // Обзор. НЦПТИ. 2025. № 1 (40). С. 6–11.*

References

Bezrodnaya, O.A. and Mamontova, M.A. (2023), “Results of the Council meeting of the Russian Historical Society Branch in the Omsk Region”, *Herald of Omsk University. Historical Studies*, vol. 10, no. 4 (40), pp. 190–195.

Goldin, V.I. (2023), “National Forum of Russian Historians. Current state, topical issues and prospects of historical education and science in Russia”, *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. vol. 23, no. 6, pp. 125–129.

Goldin, V.I. and Sablin, V.A. (2024), “National Forum of the higher school history teachers. Topical issues of historical education and science in Russia”, *Vestnik Vologda State University. History and Philology*, vol. 32, no. 1, pp. 113–116.

Dimitrieva, A.Yu. (2024), “Review of the 3^d National Forum for History Teachers (based on the website of the Russian Historical Society)”, *Science Space*, vol. 1, no. 1, pp. 167–170.

Frisen, A.A. and Tsakhilova, L.M. (2025,) “Activities of the Expert Council for the Development of Historical Education in preserving historical truth and combating history falsification”, *Obzor. NTsPTI*, vol. 40, no. 1, pp. 6–11.

Информация об авторах

Елена В. Барышева, доктор исторических наук, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; barysheva.ev@gmail.com

ORCID ID: 0009-0007-5853-6456

Ирина П. Азерникова, кандидат исторических наук, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; azernikova.i@rggu.ru

ORCID ID: 0009-0007-0791-8438

Татьяна Ю. Болибок, кандидат исторических наук, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; lutsina.tu@rggu.ru

ORCID ID: 0009-0008-5316-1787

Information about the authors

Elena V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; barysheva.ev@gmail.com

ORCID ID: 0009-0007-5853-6456

Irina P. Azernikova, Cand of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; azernikova.i@rggu.ru

ORCID ID: 0009-0007-0791-8438

Tatiana Yu. Bolibok, Cand of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; lutsina.tu@rggu.ru

ORCID ID: 0009-0008-5316-1787

История культуры в документальном наследии

УДК 070:06(470)

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-105-122

Астраханское отделение Союза писателей РСФСР и редакции областных газет на исходе «оттепели»: Расхождение во взглядах на «коммунистическое воспитание народа» *Часть первая*

Сергей В. Карпенко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, skarpenk@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие Астраханского отделения Союза писателей РСФСР с редакциями двух областных газет Астрахани – «Волга» и «Комсомолец Каспия» – в 1963–1965 гг. Основное внимание уделяется как «служебным», так и личным взаимоотношениям между писателями и журналистами двух редакций. Архивные документы свидетельствуют о том, что во время перехода от хрущевской «оттепели» к брежневским «морозам» в Астрахани шло нарастание взаимного «недопонимания» между писателями и журналистами. Главной причиной этого «недопонимания» стала разница в их взглядах на публикацию произведений писателей в газетах. Редакции газет рассчитывали получать от писателей яркие, интересные для читателей публицистические очерки о «коммунистическом строительстве» и «людях труда», которые необходимо было печатать с целью активизации идеологической работы среди населения. Журналисты, как «бойцы идеологического фронта», считали, что «идеология» на газетных полосах важнее «литературы». Но писатели, со своей стороны, настаивали на публикации в газетах их поэтических и прозаических произведений, считая, что художественная литература не менее важна для «коммунистического воспитания», чем публицистика.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Советского Союза, Союз писателей СССР, газета, редакция, идеология, пропаганда, писатель, литературная деятельность

Статья поступила в редакцию 15 апреля 2025 г.;
принята к публикации 30 июня 2025 г.

© Карпенко С.В., 2025

Для цитирования: Карпенко С.В. Астраханское отделение Союза писателей РСФСР и редакции областных газет на исходе «оттепели»: Расхождение во взглядах на «коммунистическое воспитание народа». Ч. 1 // История и архивы. 2025. Т. 7. № 4. С. 105–122. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-105-122

The Astrakhan Section of the RSFSR Union of Writers
and the editorial boards of regional newspapers
at the “Thaw” termination period.
A divergence of views
on the “Communist education of people”.
Part first

Sergei V. Karpenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, skarpenk@mail.ru*

Abstract. The article considers the interaction of the Astrakhan Section of the RSFSR Union of Writers with the editorial boards of the two Astrakhan regional newspapers, the “Volga” and the “Komsomolets Kaspiya”, in 1963–1965. The research focuses on the “official” as well as on the personal relationships between the writers and journalists of the two editorial boards. The archival documents reveal that during the transition from the “Khrushchev Thaw” to the “Brezhnev Frosts” in Astrakhan, there was an increase in mutual “misunderstanding” between writers and journalists. The main cause of that “misunderstanding” became a disagreement over the publication of the writers’ literary works in the two newspapers. The editorial boards expected the writers to supply vivid, interesting journalistic essays about the “communist construction” and the “people of labor”, which needed to be printed to activate ideological work among the population. The journalists, as the “fighters of the ideological front”, believed that “ideology” was more important than “literature” on the pages of newspapers. But the writers, for their part, insisted on publishing their poetry and prose in the newspapers, believing that fiction was no less important for “communist education” than journalism.

Keywords: Communist Party of the Soviet Union, USSR Union of Writers, newspaper, editorial board, ideology, propaganda, writer, literary activity

The article was submitted for publication 15.04.2025;
accepted for publication 30.06.2025.

For citation: Karpenko, S.V. (2025), “The Astrakhan Section of the RSFSR Union of Writers and the editorial boards of regional newspapers at the ‘Thaw’

termination period. A divergence of views on the ‘Communist education of people’. Part 1”, *History and Archives*, vol. 7, no. 4, pp. 105–122, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-105-122

Введение

В первое десятилетие советской государственности редакции большевистских газет и сам их «редакционный быт» стали, если использовать определения Б.М. Эйхенбаума, значимым «историко-литературным фактом», фактом «литературно-бытового ряда» [Эйхенбаум 1987, с. 430, 433, 434].

Во-первых, стараниями агитационно-пропагандистского аппарата ВКП(б) писателям щедро предоставлялись газетные полосы для публикации малоформатных произведений (очерков и фельетонов), наполненных «пафосом социалистического строительства». Во-вторых, при редакциях создавались литературные объединения, в которых основам литературного мастерства обучались начинающие авторы, выходившие из среды рабочих и сельских корреспондентов этих газет и считавшие своим долгом стать «солдатами партии». В-третьих, местные организации Российской ассоциации пролетарских писателей и созданного вместо нее в 1934 г. Союза советских писателей СССР черпали «творческие кадры» из редакций партийно-советских газет [Юркина 2023, с. 160–169] и действующих при них литературных объединений. Все это продолжалось и в послевоенное время.

В настоящей статье рассматриваются взаимоотношения Астраханского отделения Союза писателей РСФСР с редакциями двух областных газет – «Волга» и «Комсомолец Каспия» – в период с октября 1963 г., когда оно было организовано, до мая 1965 г., дней празднования 20-летия Победы СССР в Великой Отечественной войне. Источниками послужили архивные документы Астраханской областной писательской организации и редакций «Волги» и «Комсомольца Каспия», а также статьи, опубликованные на их полосах. Теоретическая база исследования – концепция «литературного быта» Б.М. Эйхенбаума [Карпенко 2025, с. 8–18].

Создание Астраханского отделения Союза писателей РСФСР в освещении областных газет

Организационное собрание Астраханского отделения Союза писателей РСФСР состоялось в субботу 26 октября 1963 г.

В номере, выпущенном на следующий день, газета «Волга», «орган Астраханского областного и городского комитетов Коммунистической партии Советского Союза, областного и городского Советов депутатов трудящихся», поместила в центре четвертой, последней, полосы маленькую – три столбца по 10–11 строк – заметку об этом собрании. Заголовок ей дали, мало соответствующий смыслу и значимости события, – сухой, формальный, малопонятный: «Отделение Союза писателей РСФСР в Астрахани». Столь же сухим получился текст, явившийся из-под пера неведомого литературного сотрудника редакции:

Вчера в зале заседаний областного комитета КПСС состоялось организационное собрание, посвященное созданию в Астрахани отделения Союза писателей РСФСР.

Решение правления Союза писателей РСФСР о создании в нашем городе отделения зачитал представитель правления Г.А. Ладонников. С приветствиями выступили секретарь обкома КПСС А.В. Соколов, секретарь отделения Союза художников В.С. Жарков-Волжский, начальник областного управления культуры В.Г. Корженко, старый большевик тов. Соломеный, директор издательства Б.М. Пантелеимонов.

Тов. Ладонников сообщил о том, что в Союз писателей принят В. Карпенко, автор романа «Отава». Приветствие астраханцам прислали писатели города-героя Волгограда.

Избрано бюро отделения: секретарь – Н. Поливин, заместитель – Ф. Субботин, уполномоченный литфонда – А. Гаркуша¹.

В отличие от «Волги», «Комсомолец Каспия», орган Астраханского обкома ВЛКСМ, оказался куда щедрее и на объем статьи, и на ее ранг, и на подробности организационного собрания, и на радостные чувства, и на добрые пожелания.

Долгожданному «знаточному событию» посвятили редакционную статью «В большое плавание, писатели Астрахани!», отведя ей левую нижнюю часть первой полосы, в половину ее высоты и в треть ее ширины. Торжественное начало статьи легко перешло в деловое продолжение, которое переполняла воодушевляющая уверенность в новых литературных достижениях Астрахани в самом недалеком будущем:

С каждым годом набирает силу наша областная литература, растет интерес астраханцев к произведениям писателей-земляков. Только

¹ Отделение Союза писателей РСФСР в Астрахани // Волга. 1963. 27 окт.

за последнее время в местном издательстве «Волга» выпустили свои книги Федор Субботин и Владимир Карпенко, Борис Жилин и Николай Поливин. Готовятся к печати произведения других местных литераторов. А не пора ли организационно оформить эти растущие творческие силы нашей области с тем, чтобы они могли еще лучше воспеть тружеников Астраханского края? Сейчас появилась возможность создать в нашем городе отделение Союза советских писателей. Открывая собрание, посвященное этому событию, секретарь обкома КПСС А.В. Соколов сказал, что теперь наши местные писатели, драматурги, поэты получили возможность работать более творчески, создавать глубокие, волнующие произведения, отображающие борьбу астраханских тружеников за победу коммунизма. Жизнь наших чабанов и овощеводов, птицеводов и доярок, рабочих промышленных предприятий, интеллигенции и молодежи должна быть темой для яркого, интересного творчества...²

По-комсомольски задорный, но несколько самоуверенный стиль немного подвел и автора, и выпускающего редактора: в отличие от «Волги», Союз писателей СССР четырежды (!) ошибочно величается своим старым, сталинско-ждановским, наименованием «Союз советских писателей», уже девять лет как отправленным на «свалку истории» Вторым всесоюзным съездом писателей.

...С теплыми словами привета обратился к своим собратьям по перу представитель писателей Российской Федерации Г.А. Ладонников. Он сообщил, что полку астраханских литераторов прибыло: Владимир Карпенко, автор первой части книги «Отава», принят членом в Союз советских писателей. Он выразил надежду, что литература в Астрахани будет теперь смелее, чем раньше, выходить на всесоюзную дорогу, а также горячо поздравил своих астраханских товарищей. Впрочем, местные литераторы получили в этот день немало и других поздравлений в связи со знаменательным событием. Свою радость по поводу открытия в Астрахани отделения Союза советских писателей выразили в телеграмме и их волгоградские коллеги. Больших побед в творчестве пожелали им председатель областного отделения Союза советских художников СССР В.С. Жарков-Волжский, начальник областного управления культуры Г.В. Корженко и другие...

Не без некоторого вызова комсомольско-молодежная газета спровадила непременного для торжественных мероприятий «старого большевика» в «и другие». И сразу перешла к вопросу первостепенной важности – организационному:

² В большое плавание, писатели Астрахани! // Комсомолец Каспия. 1963. 27 окт.

...Избрано бюро Астраханского отделения Союза советских писателей в составе тт. Поливина, Гаркуши (Грекова) и Субботина. Ответственным секретарем отделения избран Н.Г. Поливин, его заместителем – Ф.Е. Субботин...

В этом моменте «Комсомолец Каспия», наоборот, оказался точнее «Волги»: в бюрократическом аппарате и документах правления Союза писателей СССР название руководящей выборной должности в областном отделении «секретарь» к 1963 г. преобразилось в «ответственный секретарь»³.

Следующий, предпоследний, абзац редакционной статьи нес в себе, возможно, самое важное для областной комсомольско-молодежной газеты:

Члены областного литературного объединения также избрали себе новое руководство. В бюро литобъединения вошли молодые местные литераторы: Игорь Бодров, Михаил Кравчик и Лина Казакова. И это неслучайно, что в момент создания организации писателей-астраханцев избиралось и руководство литобъединением. Ведь в первую очередь из числа участников литературного объединения в местное отделение Союза советских писателей будут приходить новые члены, зазвучат в нем новые творческие имена...⁴

Областное литературное объединение, которым почти десять лет руководил Субботин, а затем, с 1962 г., вернувшийся в Астрахань Поливин, работало при редакции «Волги». В одном из помещений редакции проводились «творческие семинары» по прозе и поэзии с начинающими литераторами, где обсуждались их произведения. Теперь же, с избранием Поливина ответственным секретарем писательского отделения, его возможности и дальше проводить семинары с «молодыми», как он сам любил величать их [Карпенко 2021, с. 139], резко сузились. Поэтому Идеологический отдел обкома партии принял решение создать орган «коллективного руководства» областным литературным объединением. И первым в составе вновь избранного бюро, то есть фактическим председателем литобъединения, в статье назван Игорь Бодров – литературный сотрудник Отдела информации редакции газеты «Волга»⁵.

29-летний Игорь Бодров посещал занятия в литературном объединении с конца 1950-х гг., когда работал литературным сотруд-

³ Государственный архив Астраханской области (ГА АО). Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 5. Л. 47–48.

⁴ В большое плавание, писатели Астрахани!..

⁵ ГА АО. Ф. П-325. Оп. 11. Д. 720. Л. 8.

ником Отдела комсомольской жизни редакции «Комсомольца Каспия». Он сразу проявил не только склонность к литературному творчеству, но и растущее литературное дарование⁶. Поливин привлек его к «пропаганде новых книг местных авторов»: в составе «бригад писателей» он ездил по колхозам и совхозам, промышленным предприятиям и учебным заведениям, где участвовал во встречах с читателями, рассказывал о себе и своих произведениях⁷.

Скорее всего, именно Бодров написал эту редакционную статью для «Комсомольца Каспия»: он и в последующие годы иногда именовал Союз писателей СССР его старым названием – «Союз советских писателей»⁸.

Зарождение разногласий между писателями и журналистами внутри редакции «Волги»

20 марта 1963 г., когда Астраханский обком КПСС уже взялся за создание писательского отделения, собрание первичной партийной организации редакции газеты «Волга» обсуждало вопрос «О развитии общественных начал в работе отделов редакции».

Бодров, выступивший в прениях, посетовал на то, что «редакция мало привлекает к работе» молодых литераторов, участвующих в занятиях литературного объединения. И заявил, что оно «может взять шефство над литературной страницей «Волги»». С учетом того, что литературная страница почти перестала выпускаться, Бодров, по сути, предложил возобновить ее регулярный выпуск силами начинающих литераторов. Ни редактор газеты М.Г. Южаков, ни другие коммунисты на его предложение не отреагировали⁹.

На следующем собрании, 24 апреля, когда коммунисты редакции «Волги» обсуждали вопрос «О партийности в работе отделов редакции», Южаков констатировал: «Мы ослабили критику в газете. Не случайно поэтому наша газета стала задерживаться в торговой сети. Меньше стали заботиться о качестве материалов, о том, чтобы они были живыми, интересными»¹⁰.

По-своему поставил вопрос о критике заместитель редактора В.А. Алексеев: «У нас порой зря обижаются на критику некоторые товарищи». И среди тех, кто, по его оценке, «болезненно относится

⁶ В литературном объединении // Волга. 1958. 28 сент.

⁷ ГА АО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

⁸ Бодров И. История не умалчивает: Размышления о литературной Астрахани // Комсомолец Каспия. 1987. 18 июля. С. 7.

⁹ ГА АО. Ф. П-1668. Оп. 1. Д. 50. Л. 3–5.

¹⁰ Там же. Л. 7.

к замечаниям», назвал Субботина. И в доказательство привел случай с автором, который «написал плохо, его статью раскритиковали, а товарищ Субботин стал возражать в резкой форме»¹¹.

Федор Субботин, заведующий Отделом советской работы и быта, работал в редакции «Волги» с 1946 г. В издательстве газеты уже были изданы один сборник его стихов, три сборника его повестей, рассказов и очерков, а в 1962 г. – его первый роман «Любовь зовет»¹². И как раз в это время он начал собирал документы, необходимые для приема в Союз писателей СССР. Похоже, на этом партийном собрании Субботин по какой-то уважительной причине отсутствовал: иначе он ответил бы Алексееву в той самой «резкой форме».

И в отсутствие Субботина нашелся тот, кто высказался о «товарищеской» обстановке в редакции со всей откровенностью, причем обошелся без резкости, – литературный сотрудник Горюнов: «Коллектив у нас был дружный. Теперь некоторые товарищи не помогают друг другу, а бегают и жалуются друг на друга»¹³.

В постановлении, принятом собранием, было отмечено, что «некоторые журналисты не выступают на партийные темы. В результате в феврале–апреле на страницах газеты значительно сократилась партийная тематика. Мало в газете материалов, освещающих идеологическую работу парторганизаций»¹⁴.

22 мая первичная партийная организация редакции «Волги» провела свое очередное отчетно-выборное собрание. После завершения доклада секретаря партбюро В.Г. Гущина, литературного сотрудника Отдела промышленного производства и партийной работы¹⁵, перешли к прениям. Высказывались коммунисты о положении дел в редакции вполне откровенно, критиковали друг друга резко и нелицеприятно, в духе партийных установок на «послесовместное развитие критики» как движущей силы развития советского общества.

Литературный сотрудник А.Г. Блохина раскритиковала заведующего Отделом информации Ю.В. Галишникова за то, что он «не принимает активного участия в работе парторганизации»: «Галишников иногда ставит себя вне коллектива, смотрит на коллектив как бы со стороны... Об этом говорили не раз, но Юрий Васильевич выводов не делает»¹⁶.

¹¹ Там же. Л. 8.

¹² Там же. Ф. П-325. Оп. 11. Д. Р-834; Оп. 1. Д. 23. Л. 1 об., 3; Д. 24. Л. 2 об., 6.

¹³ Там же. Ф. П-1668. Оп. 1. Д. 50. Л. 7.

¹⁴ Там же. Л. 8.

¹⁵ Там же. Ф. П-325. Оп. 11. Д. 1639. Л. 10.

¹⁶ Там же. Ф. П-1668. Оп. 1. Д. 50. Л. 9.

Галишников – на взгляд и Поливина, и Субботина – был самым талантливым из числа «молодых». Его рассказы уже печатались в московских литературных газетах и журналах под псевдонимом «Селенский». За четыре дня до собрания в издательстве газеты «Волга» был сдан в набор его первый сборник «Если погаснет костер...».

Редактор «Волги» Южаков, отчасти согласившись с Блохиной, поставил Галишникова и Субботина рядом: «Да, Галишников способный человек, но он не дает газете того, что может дать. Товарищу Субботину тоже надо ровнее, активнее работать»¹⁷. Судя по этим аккуратным словам, Южаков высоко ценил литературное дарование и старого партийного журналиста Субботина и молодого воспитанника «Волги» Галишникова. Но с его редакторской колокольни ценность их литературного дарования определялась не их художественными произведениями, а яркими и легкочитаемыми очерками, публикуемыми в главной партийной газете области.

Субботин, попросив слова, от «резкой формы» удержался:

Я над книгой не работаю полтора года, лодырем никогда не был... Вот говорили о Галишникове, бьем его как в турецкий барабан. Галишникова признает большая печать, он получает премии, потому что он талантлив. А таланты надо не только бить, но и беречь. Это государственное достояние¹⁸.

Так Субботин не без вызова противопоставил себя и Галишникова как «литературные таланты» остальным журналистам «Волги». Никто на его слова не ответил, но все их, несомненно, запомнили.

Объединение писателей-коммунистов в партийной организации редакции газеты «Волга»

В январе 1964 г. в составе Идеологического отдела Астраханского обкома КПСС (как и во всех идеологических отделах партийных комитетов от районных и выше) был создан Сектор печати. 28 января его заведующим обком утвердил инструктора отдела писателя В.В. Карпенко¹⁹. Одновременно в освободившейся должности инструктора был утвержден заведующий Отделом комсомольской жизни редакции «Комсомольца Каспия» В.Г. Фомин²⁰.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Ф. П-325. Оп. 11. Д. 2731. Л. 17.

²⁰ Там же. Д. 6701. Л. 17.

Один из вопросов, которые следовало решить заведующему Сектором печати, был особенно важен: где должны стоять на партийном учете профессиональные писатели, поставленные на «писательский учет» в отделении Союза писателей РСФСР? Отделение уже работало в составе шести писателей, из которых пятеро были членами КПСС, а создание первичной партийной организации даже не планировалось.

Сам Карпенко стоял на партучете в «первичке» обкома КПСС. Борис Жилин, живший в райцентре Енотаевск, и не помышлявший о переезде в Астрахань, стоял на партучете в «первичке» Енотаевской районной санитарно-эпидемиологической станции, где он занимал высокую, районного масштаба, должность главного врача²¹.

Остальных трех писателей-членов КПСС – Субботина, Поливина и Гаркушу – было решено объединить в «первичке» редакции «Волги», где уже стоял на партучете Субботин.

Поливин, назначенный обкомом партии после возвращения в Астрахань на должность редактора книжной редакции издательства газеты «Волга» в феврале 1962 г., был поставлен на партучет в первичной партийной организации издательства и типографии газеты «Волга»²². В январе 1964 г. он уволился из издательства и занял штатную должность ответственного секретаря отделения Союза писателей РСФСР²³, после чего Сектор учета Кировского райкома КПСС поставил его на партучет в «первичку» редакции «Волги».

Гаркуша в декабре 1963 г. был назначен заместителем редактора книжной редакции издательства газеты «Волга»²⁴, но на партучет Сектор учета Кировского райкома КПСС поставил его не в «первичку» издательства и типографии, а в «первичку» редакции. В итоге в первичной партийной организации редакции газеты «Волга» оказались все три члена бюро писательского отделения, включая ответственного секретаря. Видимо, секретарь обкома КПСС по идеологической работе Соколов посчитал такой шаг правильным и предусмотрительным: вся «головка» писательского отделения оказалась «под присмотром» редактора «Волги» Южакова, члена бюро обкома партии.

На деле же Поливин и Гаркуша, являясь на партийные собрания редакции «Волги», оказывались в тяжелой обстановке «товарищеской критики», в которой громко и нервно заявляли о себе взаимные претензии и обиды, указания на чужие «промахи

²¹ Там же. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

²² Там же. Ф. П-4629. Оп. 1. Д. 9. Л. 41.

²³ Там же. Ф. П-325. Оп. 11. Д. 5049. Л. 3 об. – 4.

²⁴ Там же. Д. 1295. Л. 4.

в работе» и «неправильное поведение», сведение счетов и склоки между редакционными сотрудниками.

3 июня 1964 г. в ходе очередного отчетно-выборного собрания заведующая Отделом писем Л.И. Ромашкова по-своему противопоставила Субботина и Галишникова редакционному коллективу: «Наш коллектив дружный. Взаимоотношения в общем хорошие. Одно плохо: наши «именитые» журналисты, как Субботин, Галишников, мало пишут в газету на оперативные темы, темы сегодняшнего дня»²⁵.

На партийном собрании, проведенном 28 сентября 1964 г., Поливин и Гаркуша впервые подали голос. Обсуждались задачи журналистов на новый учебный год в системе партийного просвещения. Неожиданно для всех А.Л. Кравец, заместитель редактора по промышленности, предложил: «Давайте, товарищи, договоримся насчет изучения вопросов эстетики. Так же, как и вопросов конкретной экономики. Они заслуживают изучения...». На это предложение живо отреагировал Гаркуша: «Марксистско-ленинская эстетика – это очень серьезная тема, для каждого журналиста необходима». Его солидно и опять же не без вызова поддержал Поливин: «Нам, как литераторам, вопросы эстетики изучать необходимо, и я буду изучать ее»²⁶.

Так Поливин, подобно Субботину, еще разче противопоставил «их, как литераторов» журналистам «Волгии». И не просто противопоставил, а поставил выше. Молчаливым, но выразительным ответом задетых такой заносчивостью редакционных работников стало полное умолчание об изучении марксистско-ленинской эстетики в постановлении собрания²⁷.

Освещение областными газетами «Недели астраханской литературы» в Калмыкии

В сентябре 1964 г. на плечи Поливина и Гаркуши впервые легли самые большие, но и самые приятные организационно-бюрократические хлопоты – неведомые прежде в Астрахани приемы делегаций из Союзов писателей автономных и даже союзных республик, а также ответных или предшествующих визитов в эти республики. Приезды национальных делегаций писателей обычно оформлялись как «Неделя <такой-то> литературы» или «Дни <такой-то> литературы» – конкретной национальной литературы в зависимости

²⁵ Там же. Ф. П-1668. Оп. 1. Д. 52. Л. 13.

²⁶ Там же. Л. 24.

²⁷ Там же. Л. 24–25.

от того, из какой автономной или союзной республики прибыли дорогие во всех смыслах гости.

Решения об этих взаимных писательских визитах, о «неделях» и «днях» национальной литературы принимались на уровне Правления Союза писателей СССР и Правления Союза писателей РСФСР. В их организации на местах непременно участвовали руководящие партийные органы. В Астрахани – обком КПСС, его Идеологический отдел.

Первый обмен «неделями литературы» у астраханских писателей произошел с ближайшими соседями – писателями Калмыкии. Несомненно, правление Союза писателей РСФСР, принимая решение о проведении этого обмена «неделями литературы», исходило не только из географической близости Астрахани и Элиста, но и из очевидного подъема калмыцкой литературы и роста всесоюзной известности калмыцких писателей [Ханинова 2019, с. 194–206].

На своем заседании, состоявшемся 5 сентября 1964 г., бюро Астраханского отделения Союза писателей РСФСР заслушало ответственного секретаря Поливина о «намечающейся поездке астраханских писателей в братскую Калмыкию». В ходе поездки планировались «встреча с трудящимися республики», «знакомство с бытом и трудовыми успехами» калмыков, «обмен» с калмыцкими писателями «литературными произведениями и творческими планами». Бюро приняло решение «направить в Калмыкию бригаду астраханских писателей» в составе семи человек «не позднее 20 сентября текущего года»²⁸.

Пока шла подготовка к поездке, бюро Астраханского обкома ВЛКСМ 10 сентября 1964 г. утвердило новым редактором «Комсомольца Каспия» Игоря Бодрова. В итоге получилось, что, уйдя из редакции «Волги», с должности литературного сотрудника, он остался председателем литературного объединения при газете «Волга»²⁹.

Поездка в Калмыкию состоялась, прошла благополучно и плодотворно. Правда, семь человек набрать не удалось – поехали четверо: сам Поливин, Гаркуша и Субботин, то есть бюро в полном составе, а также поэт Юрий Кочетков – талантливый, еще «молодой», но уже известный астраханским любителям поэзии [Немировская 2000, с. 191–197].

В один день – воскресенье 27 сентября – «Волга» и «Комсомолец Каспия», будто их редакции сговорились, опубликовали очерки об этой «неделе астраханской литературы» в Калмыкии.

²⁸ Там же. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

²⁹ Там же. Ф. П-325. Оп. 11. Д. 720. Л. 17–18.

«Волга» напечатала репортаж Федора Субботина, названный «В гостях у друзей». Репортаж у истового партийного газетчика получился восторженным, с налетом вдохновляющей былинности. Раскрывая в духе социалистического реализма влияние Астрахани на развитие Калмыкии и благодарную народную память о том, как много сделали для калмыков «братья»-астраханцы, Субботин преподнес читателям газеты слова, произнесенные старым калмыцким писателем Санджи Каляевым: «В Астрахани нас учили делать революцию, в Астрахани мы становились коммунистами и мастерами своего дела». Привел Субботин и отрывок из поэмы Давида Кугультинова, председателя Правления Союза писателей Калмыцкой АССР. Бегло рассказал о хозяйственных и культурных достижениях Калмыкии, о встречах астраханских писателей с калмыцкими строителями, чабанами и пионерами, о совместных выступлениях астраханских и калмыцких поэтов перед читателями, о чтении стихов на русском и калмыцком языках. И разумеется, не забыл упомянуть о непременном в таких случаях приеме астраханских писателей в Калмыцком обкоме партии³⁰.

А «Комсомолец Каспия» напечатал очерк Юрия Кочеткова.

Его очерк «Степь доброй надежды» получился вдумчивым, глубоким, художественным. Без стихов Давида Кугультинова не обошлось и в нем. Немало сказано о долгих и крепких культурных связях калмыков с Астраханью. Благодарную народную память калмыцкого народа о роли Астрахани в судьбе их «Степи доброй надежды», как сами калмыки величали «теперешнюю свою землю», Кочетков раскрыл иначе, чем Субботин: Астрахань учила калмыков в своих вузах, учила русской культуре и русской науке, помогла создать калмыцкую интеллигенцию.

Вот о приеме в Калмыцком обкоме партии Кочетков не сказал ни слова. Зато в самом начале осторожно упомянул о «тяжких испытаниях», через которые пришлось пройти калмыцкому народу «рука об руку со своим старшим братом». А ближе к концу с большой теплотой рассказал о калмыцком прозаике Алексее Балакаеве и только что изданной в Элисте в переводе на русский язык его автобиографической повести «Три рисунка». По словам Кочеткова, автор повести «не боится сказать правду» о недавней «суворой године», пережитой его героем в мальчишеском возрасте вместе со всем калмыцким народом, о «слишком долгой былой разлуке с родной рекой» – Волгой³¹.

³⁰ Субботин Ф. В гостях у друзей: Репортаж из Калмыкии // Волга. 1964. 27 сент.

³¹ Кочетков Ю. Степь доброй надежды: Астраханские писатели в гостях у калмыцких собратьев // Комсомолец Каспия. 1964. 27 сент.

Не робко рассказал, а именно аккуратно: Кочетков хорошо знал об идеологической бдительности цензоров Астраханского облигата и не хотел давать им не малейшего повода для запрета к печати фрагмента статьи о повести «Три рисунка». Но, надо думать, многим читателям «Комсомольца Каспия» и так стало понятно, о чем речь: о принудительном переселении калмыков на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию в конце войны по воле Сталина и об их возвращении в родные степи в 1957–1958 гг. на основании принятых по инициативе Хрущева решений высших партийных и государственных органов.

Десять дней спустя в очередном номере «Волги» неполный, выражаясь языком газетчиков, «чердак» четвертой полосы заняла статья «Семья литераторов крепнет», подписанная «А. Гаркуша, писатель».

Начал ее Александр Гаркуша с изложения своих калмыцких впечатлений:

Недавно группа литераторов Астрахани побывала с дружеским визитом в братской Калмыкии. И здесь, во время одной из сердечных встреч с читателями Элисты, прозвучало выражение: «Астраханская литература». Некоторые из нас не смогли удержаться от улыбки. Конечно, нет никакой «астраханской литературы», есть литература русская, литература советская, в которую крохотным ручейком вливается то, что сделано и делается сейчас писателями нашей области. Но есть в этом выражении и какая-то доля истины. Мы, литераторы, живущие в Астрахани, стремимся к тому, чтобы наши книги были именно астраханскими, чтобы, открыв их, читатель, где бы он ни был, почувствовал аромат Волги, наших степей, увидел бы в них наших замечательных тружеников, имена которых мы часто встречаем на страницах газет и очень редко – в книгах³².

Далее Гаркуша поделился с читателями газеты своим мнением об уже изданных книгах и запланированных к изданию произведениях пятерых членов Союза писателей СССР, работающих в городе и области (не упомянув шестого – самого себя) и восьми «молодых авторов, членов областного литературного объединения при редакции газеты “Волга”» – Юрия Кочеткова, Юрия Селенского, Игоря Бодрова, Николая Ваганова, Александра Маркова, Юрия Маркова, Михаила Кравчика и Адихана Шадрина. Он намеренно «назвал вперемежку и профессиональных писателей, и литераторов начинаяющих», поскольку «все они вместе делают одно большое и общее

³² Гаркуша А. Семья литераторов крепнет: Навстречу Третьему съезду писателей Российской Федерации // Волга. 1964. 8 окт.

дело», а два десятка активных, пишущих членов литературного объединения – это «мощный резерв» областного отделения Союза писателей РСФСР.

Завершая статью, Гаркуша упрекнул «редакции наших газет» в том, что они «редко выпускают литературные страницы». Их регулярный выпуск он считал крайне важным, поскольку в Астрахани нет ни журнала, ни хотя бы литературно-художественного альманаха, «где писатели могли бы публиковать свои новые произведения до того, как они будут изданы книгами», а «процесс издания, как известно, затяжной и нелегкий»³³.

Получилось, что, «взойдя на трибуну» главной областной партийной газеты, член бюро Астраханского отделения Союза писателей РСФСР Александр Гаркуша публично выпустил критическую стрелу в адрес этой же самой «Волги».

*Освещение областными газетами
«Недели калмыцкой литературы» в Астрахани*

В номере «Волги» от 16 октября, как и в центральных газетах, было опубликовано официальное сообщение о состоявшемся 14 октября Пленуме Центрального Комитета КПСС: пленум «увдовлетворил просьбу» Хрущева об «освобождении его от обязанностей» Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР «в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья», а затем избрал Первым секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежнева³⁴.

Именно на эти «судьбоносные» октябрьские дни пришелся приезд в Астрахань группы из четырех калмыцких писателей во главе с Давидом Кугультиновым.

«Волга» и «Комсомолец Каспия», будто бы сговорившись вторично, не напечатали ни одной статьи о пребывании калмыцких писателей в Астрахани – ни калмыцкого писателя, ни астраханского писателя, ни литературного сотрудника редакции. Вместо них обе газеты опубликовали нечто вроде «творческих отчетов» калмыцких писателей перед астраханскими читателями. Эти «отчеты» обе газеты предварили «вводками» о «Неделе калмыцкой литературы» в Астрахани.

На этот раз «Комсомолец Каспия» сильно опередил «Волгу». В номере от 23 октября больше половины третьей полосы комсомольско-молодежная газета отдала семи стихотворениям четырех

³³ Там же.

³⁴ Волга. 1964. 16 окт.

калмыцких поэтов: трем стихотворениям Давида Кугультинова и по одному – Сян-Белгина Хасыра (его имя и фамилия были напечатаны ближе к калмыцкому написанию), Лиджи Инджиева и Михаила Хонинова (последнее – в переводе Поливина). Рядом с ними были помещены фотографии поэтов, которые, очевидно, были сделаны на их встрече с астраханскими журналистами в областном Клубе журналистов (в доме на Набережной 1 Мая, где размещались редакции газет «Волга» и «Комсомолец Каспия»).

Всей подборке редакция «Комсомольца Каспия» дала не слишком оригинальное название – «Стихи поэтов Калмыкии», – зато предварила ее объемной «вводкой», сочетающей в себе возвышенную поэтичность, бюрократическую отчетность и газетную информационность:

Поистине солнечна, раздольна и широка поэзия Калмыкии, поэзия талантливого и трудолюбивого народа. Поистине страстно и партийно мудрое слово калмыцких литераторов. И в этом еще раз могли убедиться труженики нашего города, все те, кто присутствовал на творческих встречах с калмыцкими поэтами, гостившими недавно у своих астраханских собратьев. Это была своеобразная неделя калмыцкой литературы в Астрахани.

В нашем городе побывали председатель правления Союза писателей Калмыкии Давид Кугультинов – один из талантливейших поэтов республики, стихи которого очень часто публикуются в журналах и альманахах нашей страны, издаются отдельными сборниками в Калмыцком и центральных издательствах, старейший поэт Сян-Белгин Хасыр – один из основоположников калмыцкой советской поэзии; прозаик, поэт, журналист Лиджи Инджиев; поэт и драматург Михаил Хонинов, в прошлом партизан, чье имя стало в Белоруссии легендарным.

На второй день своего пребывания в Астрахани наши гости держали своеобразный творческий отчет перед тружениками Астраханского рыбоконсервно-холодильного комбината. Лиджи Инджиев и Сян-Белгин Хасыр во время обеденного перерыва читали свои стихи рабочим консервного и жестяно-баночного цехов. Выступление это прошло в теплой товарищеской обстановке. Не менее успешно прошла встреча Давида Кугультинова с тружениками рыбообрабатывающего цеха. Поэт рассказал о том, как растет качественно и количественно поэзия его родной республики, прочитал свои стихи. Аплодисментами, цветами награждали своих гостей рыбокомбинатовцы, просили гостей привезжать к ним почаше...»³⁵.

³⁵ Комсомолец Каспия. 1964. 23 окт.

Написал эту «вводку», судя по стилю, сам свежеиспеченный редактор «Комсомольца Каспия» Бодров.

И только три недели спустя, 14 ноября, редакция «Волги» нашла возможность опубликовать подборку «У нас в гостях – писатели Калмыкии», занявшую две трети четвертой полосы. «Вводку» главная областная газета дала гораздо меньшее и скромнее:

Недавно группа калмыцких писателей побывала с творческим отчетом на предприятиях и в учреждениях нашей области... Д. Кугульгинов, Х. Сян-Белгин, М. Хонинов и Л. Инджиев встретились с рабочими Астраханского рыбоконсервно-холодильного комбината, судостроительного завода совнархоза, со студентами и преподавателями педагогического института, с астраханскими журналистами.

Обойдясь без фотографий, «Волга» представила астраханцам образцы не только поэтического, но и прозаического творчества гостей из Калмыкии. В подборку включили по одному стихотворению Давида Кугультина, Хасыра Сян-Белгина и Михаила Хонинова (в переводе Гаркуши), а также очерк Лиджи Инджиева (в переводе известного астраханского журналиста и писателя Константина Еримовского, долго работавшего в Элисте)³⁶.

Астраханские писатели и журналисты имели все основания гордиться этим первым совместным опытом проведения «недели литературы».

Литература

Карпенко 2021 – *Карпенко С.В.* Астраханские писатели и обком партии: «Персональное дело» Николая Поливина (1964–1966 гг.) // Новый исторический вестник. 2021. № 3 (69). С. 126–181.

Карпенко 2025 – *Карпенко С.В.* Астраханское отделение Союза писателей РСФСР и Литературный фонд СССР в 1963–1965 гг.: Первый опыт взаимодействия // Новый исторический вестник. 2025. № 2 (84). С. 8–26.

Немировская 2000 – *Немировская Д.Л.* На грани веков: Очерки. Астрахань: Астраханское отд-ние Союза писателей России, 2000. 207 с.

Ханинова 2019 – *Ханинова Р.М.* Баллада о войне в калмыцкой поэзии XX в. // Новый филологический вестник. 2019. № 1 (48). С. 194–206.

Эйхенбаум 1987 – *Эйхенбаум Б.М.* О литературе: Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987. 544 с.

Юркина 2023 – *Юркина Я.В.* Андреас Закс: путь в литературу и в бюрократический аппарат Союза советских писателей СССР (1920–1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2023. № 1 (75). С. 147–178.

³⁶ Волга. 1964. 14 нояб.

References

Eikhenbaum, B.M. (1987), *O literature: Raboty raznykh let* [About literature. Works of different years], Sovetskii pisatel', Moscow, USSR.

Karpenko, S.V. (2021), "Astrakhan writers and the CPSU Regional Committee. The 'Personal case' of Nikolay Polivin (1964–1966)", *The New Historical Bulletin*, vol. 69, no. 3, pp. 126–181.

Karpenko, S.V. (2025), "The Astrakhan Section of the RSFSR Union of Writers and the USSR Literary Fund, 1963–1965. The first attempt of Interaction", *The New Historical Bulletin*, vol. 84, no. 2, pp. 8–26.

Khaninova, R.M. (2019), "The war ballad in the 20th century Kalmyk poetry", *Novyi filologicheskii vestnik*, vol. 48, no. 1, pp. 194–206.

Nemirovskaya, D.L. (2000), *Na grani vekov: Ocherki* [At the turn of the century. Essays], Astrakhanskoe otdelenie Soyuza Pisatelej Rossii, Astrakhan, Russia.

Yurkina, Ya.V. (2023), "Andreas Saks. The path into literature and the bureaucratic apparatus of the Union of Soviet Writers of the USSR", *The New Historical Bulletin*, vol. 75, no. 1, pp. 147–178.

Информация об авторе

Сергей В. Карпенко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; skarpenk@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7271-7874

Information about the author

Sergei V. Karpenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; skarpenk@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7271-7874

Персональная история

УДК 930.25(470)

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-123-136

Преодолеть «архивное нестроение»: взаимодействие А.А. Гераклитова и Особой комиссии по сохранению местных архивных материалов при Императорском русском историческом обществе

Илья А. Пчелинцев

Саратовский областной музей краеведения, Саратов, Россия;

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия, I.Pchelincev@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена одному из важнейших эпизодов развития исторического архива Саратовской ученой архивной комиссии – взаимодействию его хранителя А.А. Гераклитова и Особой комиссии по сохранению местных архивных материалов при Императорском русском историческом обществе в 1912–1916 гг. Отмечено влияние Особой комиссии на становление Гераклитова как архивиста. На основании запроса комиссии в 1912 г. он подготовил доклад о состоянии архивов Саратовской губернии. Эта работа послужила основанием для получения единовременного пособия от Особой комиссии в размере 2000 руб. Саратовская архивная комиссия решила потратить это пособие на обследование архивов в уездах губернии. Для своих уездных соработников Гераклитов составил руководство по описанию архивных помещений, в котором сформулировал свои мысли об оценке ценности документов. Помимо этого, пособие позволило расширить площади для хранения дел в архивной комиссии и наладить издание научно-справочного аппарата архива. Охарактеризовано участие А.А. Гераклитова в Съезде представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений 6–8 мая 1914 г., организованного Особой комиссией. Для съезда Гераклитовым был подготовлен доклад об исторических архивах при архивных комиссиях. Съезд послужил важным толчком для обсуждения и решения вопросов о централизации архивов и о разработке инструкции по отбору и хранению дел. В этой дискуссии принял участие и А.А. Гераклитов, благодаря чему име-

© Пчелинцев И.А., 2025

ется возможность наблюдать его рост как организатора архивного дела в Саратовской губернии.

Ключевые слова: А.А. Гераклитов, Особая комиссия по сохранению местных архивных материалов при Императорском русском историческом обществе, Саратовская ученая архивная комиссия, губернские ученые архивные комиссии, организация архивного дела, Съезд представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений, региональные архивы, централизация архивов, экспертиза ценности документов, научно-справочный аппарат архива, архивисты

Статья поступила в редакцию 16 марта 2025 г.;
принята к публикации 2 июня 2025 г.

Для цитирования: Пчелинцев И.А. Преодолеть «архивное нестроение»: взаимодействие А.А. Гераклитова и Особой комиссии по сохранению местных архивных материалов при Императорском русском историческом обществе // История и архивы. 2025. Т. 7. № 4. С. 123–136. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-123-136

Overcoming the “archival disorder”.
Interaction between A.A. Geraklitov
and the Special Commission for the Preservation
of Local Archival Materials
at the Imperial Russian Historical Society

Ilya A. Pchelintsev

*Saratov Regional Museum of Local Lore, Saratov, Russia;
Saratov State University, Saratov, Russia, I.Pchelincev@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the one of the most important episodes in the development of the Historical Archives of the Saratov Scientific Archival Commission – the interaction of its curator A.A. Geraklitov and the Special Commission for the Preservation of Local Archival Materials at the Imperial Russian Historical Society in 1912–1916. It particularly notes the influence of the Special Commission on Geraklitov's development as an archivist is noted. Based on the commission's request in 1912, he prepared a report on the condition of the archives in the Saratov region. That work contributed to receiving a one-time grant from the Special Commission in the amount of 2000 rubles. The Saratov Archival Commission decided to spend that grant on surveying the regional archives. For his colleagues from the regional archives, Geraklitov compiled a guide for the description of archival premises, in which he formulated his thoughts on appraising the documents. In addition, the

grant made it possible to expand the storage space for the files in the Archival Commission and to foster the publication of the archive's collection of finding aids. The author characterizes A.A. Geraklitov participation at the Congress of the Representatives of the Governorate Scientific Archival Commissions and Corresponding Institutions on May 6–8, 1914, organized by the Special Commission. For the Congress, Geraklitov prepared a report on historical archives at archival commissions. The Congress served as an important impetus for discussing and resolving the issues of centralizing archives and developing instructions for selecting and storing files. A.A. Geraklitov also took part in that discussion, thanks to which it is possible to observe his growth as the organizer of archives administration in the Saratov region.

Keywords: A.A. Geraklitov, Special Commission for the Preservation of Local Archival Materials at the Imperial Russian Historical Society, Saratov Scientific Archival Commission, the Governorate Scientific Archival Commissions, archives administration, Congress of the Representatives of the Governorate Scientific Archival Commissions and Corresponding Institutions, regional archives, centralization of archives, appraisal of records, collection of finding aids, archivists

The article was submitted for publication 16.03.2025;
accepted for publication 02.06.2025.

For citation: Pchelintsev, I.A. (2025), “Overcoming the ‘archival disorder’. Interaction between A.A. Geraklitov and the Special Commission for the Preservation of Local Archival Materials at the Imperial Russian Historical Society”, *History and Archives*, vol. 7, no. 4, pp. 123–136, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-123-136

Введение

Работа губернских ученых архивных комиссий (далее – ГУАК) является важной вехой развития архивного дела в России. Собранные провинциальными историками-любителями материалы легли в основу значительной части региональных архивов. Тем не менее специальных исследований архивной работы ГУАК не так много – как правило, эта сторона их деятельности дается пунктирно в обзорных трудах о работе комиссий (см., например: [Захаров, Захарова 2005, с. 58–60, 72–73]). Среди исследователей, специально занимавшихся архивным делом в ГУАК, можно назвать Н.В. Бржостовскую, давшую общую характеристику деятельности исторических архивов при ГУАК на основании опубликованных материалов [Бржостовская 1954]. В.И. Первушкин сосредоточил свое внимание на работе трех ГУАК – Тамбовской, Саратовской и Пензенской – и посвятил отдельную главу функционированию

их архивов [Первушкин 2008]. Интересной попыткой охарактеризовать развитие архивного дела в Саратовской губернии в пореформенный период стала диссертация Е.Ю. Кошелевой, но и в ней архив Саратовской ученой архивной комиссии (далее – СУАК) является одним из многих объектов изучения [Кошелева 2008]. В результате масштабности поставленных задач работы становятся в известной степени схематичными, не лишенными отдельных фактических огрешков, теряется понимание тех процессов, которые определяли деятельность архива той или иной комиссии, уникальности исторического пути каждого из них. Поэтому, на наш взгляд, представляется продуктивным более глубокое погружение в жизнь конкретного архива, изучение влияния отдельных личностей на его развитие. Некоторые аспекты архивной работы СУАК нашли свое отражение в работах саратовских историков-архивистов А.С. Майоровой [Майорова 2009] и Н.В. Самохваловой [Самохвалова 2006]. Плодотворность «персонального» подхода в изучении истории архивного дела не раз продемонстрирована работами отечественных исследователей (см., например: [Хорхордина 2003; Санин 2017; Шумейко 2019]. В данной статье на примере архива СУАК мы рассмотрим процесс, во многом определяющий деятельность архивов ГУАК на протяжении нескольких предреволюционных лет – взаимодействие СУАК в лице архивариуса А.А. Гераклитова с Особой комиссией по сохранению местных архивных материалов при Императорском русском историческом обществе (далее – Особая комиссия при ИРИО).

А.А. Гераклитов родился в 1867 г. в Камышине, уездном городе Саратовской губернии, в семье мелкого чиновника, в 1887 г. окончил Саратовскую мужскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, но уже два месяца спустя отчислился по собственному желанию, быстро разочаровавшись в университетских порядках. Вернувшись в Саратов, Гераклитов поступает писцом в местную казенную палату, затем после кратковременной попытки жить сельским трудом устраивается конторщиком в управление Рязано-Уральской железной дороги, а в 1912 г. переходит на работу делопроизводителем в отдел народного здравия губернской земской управы. По свидетельству ученицы Гераклитова Ю.А. Кузнецовой, в это время, спасаясь от рутины чиновничьей службы, Александр Александрович изучает иностранные языки, историю. Дневниковые записи 1908 г. о покупке изданий XVI–XVIII вв. свидетельствуют о его библиофильских интересах и об определенных познаниях в истории книги¹.

¹ Отдел редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки им. В.А. Артисевич Саратовского национального исследовательского

Эта любовь к старинным фолиантам и привела Гераклитова к вступлению в ряды СУАК. Он увидел у одного своего сослуживца книги со штампом комиссии и узнал от него, что архивная комиссия обладает огромной библиотекой и что вступить в это общество не составляет труда. Избрание Александра Александровича в члены комиссии состоялось 23 марта 1908 г. Вместе с этим он был предварительно назначен на должность товарища (т. е. помощника) библиотекаря. Чуть меньше чем через год – 5 февраля 1909 г. – он был выбран на должность хранителя исторического архива комиссии. Послереволюционная карьера Гераклитова связана с Саратовским университетом – 1 июня 1918 г. он становится младшим ассистентом по кафедре русской истории, а в 1927 г. утверждается в звании профессора по отделению мордовского языка и культуры. Российским книговедам Александр Александрович в первую очередь известен как автор труда о филигранях XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения². Саратовские историки читят его как автора первого обобщающего труда по истории края в XVI–XVIII вв.³ В рамках данной статьи мы сосредоточимся на периоде его взаимодействия в качестве архивариуса СУАК с Особой комиссией при ИРИО – с 1912 по 1916 г.

Проблемы архивной работы в ГУАК

Архивная работа в ГУАК ставила перед их членами много практических и теоретических проблем. В первую очередь, это хроническая нехватка помещения, вызванная как крайней недостаточностью государственного финансирования архивных комиссий, так и постоянно возраставшими темпами комплектования. Данные по архиву СУАК представлены на диаграмме (рис.). В 1909 г., когда А.А. Гераклитов принял архив, в нем насчитывалось чуть более 14 000 дел, а через шесть лет их было уже более 240 000, т. е. количество выросло в 16 с лишним раз. При этом своих постоянных площадей у архива не было. В апреле 1909 г. для него за 100 р. в год арендуется подвальное помещение в здании Городской публичной библиотеки, принадлежащее нотариусу А.А. Лазаркевичу.

государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Инв. № 3415. Л. 12, 13, 16 об.

² Гераклитов А.А. Филиграны XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения / [послесл. и comment. С.А. Клепикова]. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

³ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов: Дружкарь, 1923.

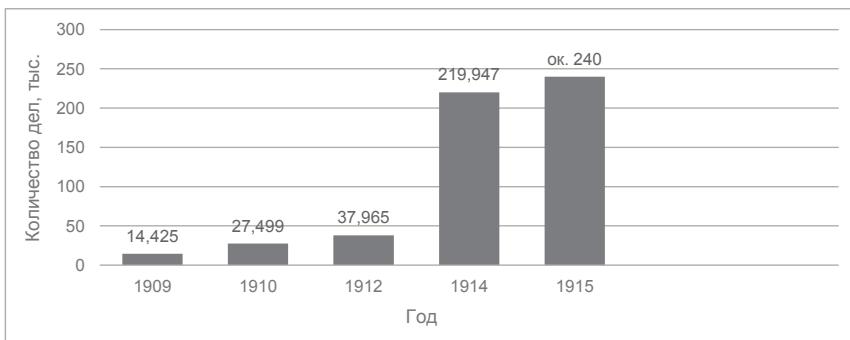

Рис. Количество дел в архиве СУАК (1909–1915 гг.)⁴

До этого архив находился в двух комнатах верхнего этажа этого же здания вместе с остальными отделами комиссии. Со временем дела архива перестали помещаться в шкафах, отчего их приходилось складывать на полу, на столах и под лестницей, поэтому возникла необходимость расширения площадей хранилища. В 1911 г. СУАК переехала в собственное здание, пожертвованное ей вице-губернатором, первым председателем СУАК А.А. Тилло. Здесь под архив было выделено полуподвальное помещение площадью около 43 м² и 3 комнаты на жилом этаже, одна из них была выделена для работы архивариуса, его товарища (т. е. помощника), писца и пользователей⁵.

Большим затруднением в работе ГУАК была неопределенность их статуса – долгое время государственные органы не были обязаны взаимодействовать с ними, и вопрос допуска их членов к «разбору» дел, предназначенных к уничтожению, всецело зависел от сочувствия к их работе со стороны местной администрации. Только инструкции по разбору и уничтожению дел по ведомствам

⁴ Источники данных: 1909 г. – Гераклитов А.А. Отчет по историческому архиву за 1909 год // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1910. Вып. 26. С. 54 (второй пагинации); 1910 г. – *Он же*. Записка хранителя исторического архива А.А. Гераклитова // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1911. Вып. 28. С. 52 (3-й пагинации); 1912 г. – *Он же*. Архивы Саратовской губернии. С. 27; 1914 г. – *Он же*. Отчет по историческому архиву за 1914 год // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1915. Вып. 32. С. 203; 1915 г. – Государственный архив Саратовской области (ГА СО). Ф. 407: Саратовская губернская ученая архивная комиссия. Оп. 2. Д. 291. Л. 6 об.

⁵ Гераклитов А.А. Архивы Саратовской губернии // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1913. Вып. 30. С. 26 (1-й пагинации).

Министерства внутренних дел и Министерства финансов, утвержденные в 1909–1910 гг., закрепили это обязательство.

Из процедуры «разбора» вытекала еще одна проблема – архивные комиссии не могли сохранить исторически сложившиеся фонды учреждений. Это дало основание современным архивистам утверждать, что при ГУАК формировались не исторические архивы, а коллекции документов. Этот недостаток А.А. Гераклитовым сознавался: «... нечего удивляться тому, что наш архив не представляет из себя органического целого: все поступления в него более или менее случайны, т. к. зависят или от личного усмотрения тех или иных учреждений, или от расположения частных лиц»⁶ и «при этом порядке исторические архивы к[омисси]й, в сущности говоря, являются не архивами, а собранием материалов, преследующих исключительно научные, а не практические цели»⁷.

Не был определен и район деятельности комиссий – из-за отсутствия четких указаний на этот счет государственные учреждения зачастую не понимали, в какую из них им следует посыпать дела. Так, в СУАК свои описи присыпали Донская и Эриванская казенные палаты (последней было предложено впредь сноситься с более близкой Ставропольской УАК), а также канцелярия астраханского губернатора⁸. Таможенные органы Донской области посыпали свои дела и в Саратов, и в Екатеринослав. Фактически же А.А. Гераклитов ограничивает район деятельности архива СУАК Саратовской губернией, называя поступления из других областей единичными и во многом случайными⁹. Однако, среди «архивников» были и другие точки зрения: в 1910 г. Б.В. Зайковский предложил возбудить вопрос об организации в Саратове центрального архива Поволжья и Урала (!) ввиду предстоящего празднования 300-летия дома Романовых¹⁰. В 1911 г., ссылаясь на положение Саратова как нового университетского центра, суаковцы высказывают мысль о создании в городе центрального архива Нижнего Поволжья¹¹.

Другой проблемой было отсутствие универсальных критериев экспертизы ценности документов или каких-либо общих инструкций на этот счет. Вопрос имел очень долгую историю обсуждения – его обозначил Н.В. Калачов еще в 1869 г. на I Археологическом съезде¹². А.А. Гераклитов осознавал эту проблему и вслед за Калачовым

⁶ ГА СО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 202. Л. 2.

⁷ Там же. Д. 274. Л. 12 об.

⁸ Там же. Д. 172а. Л. 59, 64; Д. 219. Л. 26.

⁹ Гераклитов А.А. Архивы Саратовской губернии. С. 4.

¹⁰ ГА СО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 176. Л. 74 об.

¹¹ Там же. Д. 218. Л. 93 об.

¹² Труды Первого Археологического съезда в Москве. 1869. М., 1871. С. XV.

полагал, что лучше всего было бы сохранять все дела, поскольку «...нет, да и не может быть определенных правил для решения вопроса о том, какое дело можно уничтожить, а какое – нет»¹³. Это мнение подкреплялось фактами обращения к архиву СУАК за справками по делам, в свое время признанными подлежащим уничтожению¹⁴. Ценность документа всецело определяется вопросами, которые ему задает исследователь.

Самостоятельно преодолеть все проблемы существующей системы архивной работы ГУАК провинциальные историки-любители не могли – им нужен был организационный центр, имеющий научный авторитет и административный ресурс.

Запрос Особой комиссии при ИРИО и единовременное пособие

С 1912 г. в борьбу с «архивным нестроением» в России включается вновь образованная Особая комиссия при ИРИО. Учреждение ее происходило при довольно случайных обстоятельствах, впрочем, весьма характерных для понимания функционирования монархической системы управления: на годовом собрании ИРИО 18 марта 1911 г. император Николай II сообщил, что воронежский губернатор С.И. Голиков пожаловался его сестре, великой княгине Ольге Александровне, бывшей местной помещицей, на бедственное положение губернского архива, ютившегося в четырех небольших комнатах¹⁵. Император попросил общество разработать меры, необходимые для сохранения местных архивных материалов, и оно очень скоро энергично принимается за дело. В начале 1912 г. Особая комиссия при ИРИО рассыпает запрос в 39 учреждений (27 архивных комиссий и 12 научных обществ) о состоянии местных правительственныех и частных архивов. Ответом СУАК на запрос Особой комиссии стал доклад А.А. Гераклитова «Архивы Саратовской губернии», опубликованный в 30-м выпуске «Трудов СУАК». Для сбора данных Александром Александровичем был составлен опросный лист, разосланный по губернии. Архивы в докладе распределены по группам: архивы полицейских управлений, уездных съездов, уездных предводителей дворянства, дворянских опек, сиротских судов, уездных училищных советов, мещанских управ, волостные, церковные, частные. Помимо предложенных ИРИО, Гераклитов собрал данные

¹³ ГА СО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 202. Л. 1 об.

¹⁴ Гераклитов А.А. Отчет по историческому архиву за 1914 год. С. 204.

¹⁵ Императорское Русское историческое общество: 1866–1916: [Обзор пятидесятилетней деятельности]. Пг., 1916. С. 113.

и об архивах органов самоуправления – земских и городских управ. В волостные правления анкета не рассыпалась, т. к. СУАК с 1910 г. проводила систематическую работу по отбору дел из их архивов¹⁶. В отдельную группу вынесены архивы, находящиеся в Саратове, т. к. по ним Гераклитов имел более точную информацию. Всего удалось получить ответы от 82 учреждений – 66 правительственныйых и 16 органов самоуправления. В отдельных случаях Александр Александрович восполнял недостаток ответов за счет данных опроса Московского археологического общества, проведенного в 1900 г. В докладе показана неприглядная картина архивного хозяйства губернии: 61,3% помещений архивов признаны пожароопасными, на 86,8% архивов не отпускалось никаких средств и 30% из них не имели никаких описей¹⁷. Также в анкете были вопросы о количестве дел и об их уничтожении.

На основании полученных ответов на свой запрос ИРИО высыпает семи учреждениям единовременное пособие в 2000 руб.¹⁸ Благодаря обстоятельной работе Гераклита среди получивших пособие архивных комиссий была и Саратовская. СУАК решает потратить пособие на обследование архивов в уездах. Работы по описанию уездных архивов соглашаются осуществить члены комиссии Ф.П. Коновалов, взявший на себя архивы Аткарска и Балашова, протоиерей В.Г. Еланский из Вольска и Н.В. Зенкевич из Хвалынска¹⁹. Для них А.А. Гераклитов в августе 1913 г. составляет небольшое руководство, опубликованное в 31-м выпуске «Трудов СУАК» под заголовком «Проект руководящих оснований для гг. членов Комиссии, пожелавших взять на себя труд по описанию архивов». В нем дается программа описания архивных помещений, такая же, как в докладе «Архивы Саратовской губернии», и, помимо этого, Гераклитов делится своими соображениями по правильной оценке ценности документов – по его мнению, для нее необходимо, во-первых, хорошо знать историю своего края, а во-вторых, иметь четкое представление о порядке делопроизводства учреждения, с собранием которого приходится иметь дело. К безусловно ценным источникам он относит бумаги с подписями царствующих особ и любые документы по истории Саратовского края до учреждения здесь²⁰ наместничества в 1780 г.

¹⁶ ГА СО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 169.

¹⁷ Гераклитов А.А. Архивы Саратовской губернии. С. 31.

¹⁸ Императорское Русское историческое общество: 1866–1916. С. 117.

¹⁹ ГА СО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 198. Л. 121 об.

²⁰ [Гераклитов А.А.] Проект руководящих оснований для гг. членов Комиссии, пожелавших взять на себя труд по описанию архивов // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1914. Вып. 31. С. 221–224.

(так как в связи с утратой архива приказа Казанского дворца в пожаре 1701 г. подобных документов сохранилось крайне мало). Такие дела Гераклитов предлагает переписывать целиком, даже если они сохранились только в копии. Следуя уставившемуся среди архивистов того времени принципу сохранения всех дел по возможности, в случае сомнений в ценности того или иного документа он предлагает решать вопрос в пользу сохранения.

Кроме того, пособие ИРИО позволяет расширить деятельность по введению архивных документов в научный оборот. Если раньше документы и описи архива СУАК печатались в «Трудах» комиссии от случая к случаю, то теперь появилась возможность систематической работы по опубликованию научно-справочного аппарата архива. По предложению Гераклита эти издания были выделены в серию под названием «Опись документов и дел исторического архива». В 1914–1916 гг. было напечатано 3 выпуска. Опубликованные описи сохраняют свое значение и в наше время. В первый выпуск вошла составленная Гераклитовым опись дел Сенатского архива, она до сих пор используется в Государственном архиве Саратовской области как первый том первой описи фонда СУАК (ф. 407). Вторым томом этой описи является второй выпуск «Описей документов и дел...», в котором была помещена систематическая опись дел Балашовского уездного приказа, поступивших из Грязнухинского волостного правления. Эта публикация была подготовлена членом комиссии В.А. Добровым под руководством Александра Александровича²¹.

*Съезд представителей ГУАК
и соответствующих им установлений
6–8 мая 1914 г.*

В мае 1914 г. Особая комиссия при ИРИО организовывает Первый съезд представителей ГУАК и соответствующих им установлений, прошедший в Санкт-Петербурге в Ново-Михайловском дворце. Делегатом от СУАК на этом съезде был А.А. Гераклитов. На съезде обсуждались все важнейшие проблемы архивного дела в стране, как отмеченные в начале статьи, так и вопросы более общего характера вроде объединения деятельности комиссий. Гераклитов выступал с репликами по каждому пункту повестки съезда и был включен в комиссию для разработки финальной

²¹ Гераклитов А.А. Отчет по историческому архиву за 1914 год. С. 200.

резолюции²². Специально для съезда им был подготовлен доклад о положении исторических архивов при архивных комиссиях, опубликованный затем в 32-м выпуске «Трудов СУАК»²³. Он был составлен на основании анкетирования и анализа изданий комиссий.

Вопрос о нехватке архивных помещений съезд предполагал решить путем устройства центральных губернских исторических архивов. Эта идея восходит к проектам централизации архивного дела, разработанным в конце XIX – начале XX в. Согласно им, в провинции учреждались центральные исторические архивы для хранения дел, не требуемых в текущем делопроизводстве, из всех учреждений. Предполагалось, что государство должно выделить под них здания в каждом губернском городе. Централизация архивной системы также решала вопрос о районе деятельности архивов. Съезд поручил архивным комиссиям предложить варианты помещений в своих городах. Стоит отметить, что в этом смысле СУАК находилась в более благоприятном положении, чем многие другие комиссии: как было отмечено выше, с 1911 г. она располагала собственным помещением, подаренным ей А.А. Тилло. Но уже в 1913 г. ресурс этого пространства был исчерпан и на часть пособия ИРИО был перестроен нежилой надворный флигель во дворе дома комиссии²⁴. В 1915 г. саратовцы указывают ИРИО на наполовину пустующее старое здание духовной семинарии²⁵, общество возбуждает ходатайство перед Синодом о его уступке под нужды архива, но получает отказ²⁶. После этого СУАК пыталась получить здания тюремного ведомства и конторы опекунства иностранных поселенцев, но безуспешно.

Что касается вопроса об инструкции по отбору дел, съезд постановил каждой комиссии представить свое мнение на этот счет. В мае 1915 г. это поручение берет на себя товарищ архивариуса СУАК В.И. Жеребцов²⁷. В своем отношении ИРИО использовало

²² Труды Первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. 6–8 мая 1914 г. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1914. С. 12–13, 26, 37–38, 46–51, 61–62.

²³ Гераклитов А.А. Исторические архивы при ученых архивных комиссиях // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1915. Вып. 32. С. 57–71.

²⁴ Там же. С. 65.

²⁵ Имеется в виду особняк М.А. Устинова, в котором в настоящее время располагается Саратовский областной музей краеведения (Саратов, ул. Лермонтова, 34).

²⁶ ГА СО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 284.

²⁷ Там же. Д. 254. Л. 57 об.

не совсем исчерпывающую формулировку «по привозу и хранению старых дел», поэтому у многих провинциальных архивистов это отношение вызвало недоумение, о чём свидетельствуют письма из личного архива Гераклитова²⁸. Жеребцов в своем ответе в сущности предлагал собственный проект организации центральных архивов, предполагавший создание отдельной от архивных комиссий структуры, но под их контролем в части «разбора» дел²⁹. В ответной заметке Гераклитов предлагает организацию центрального архива на основе архива СУАК, но с тем отличием, что он, становясь государственным учреждением, должен будет преследовать в первую очередь практические цели, т. е. предоставлять справки, а научное использование документов должно отойти в нем на второй план³⁰. В ИРИО были высланы оба сообщения. На основании полученных от архивных комиссий ответов Особая комиссия при ИРИО выработала методические рекомендации по систематизации их архивов³¹. Она предлагала распределять дела в архиве по фондам и по хронологии внутри них, что и было осуществлено в СУАК при разборе дел волостных правлений в 1916 г.

Заключение

Таким образом, можно сказать, что Особая комиссия при ИРИО внесла большой вклад в дело создания централизованной архивной системы, взяв на себя общее руководство работой ГУАК. Съезд 1914 г. послужил важным импульсом для решения вопроса о центральных архивах и разработке инструкций по отбору и хранению дел. По итогам съезда все архивные комиссии были приняты под Высочайшее покровительство и было принято решение о выделении каждой из них ежегодной субсидии в 3000 р. Начавшаяся вскоре после съезда Первая мировая война и затем революция помешали этим планам осуществиться в полной мере, и централизация архивов пошла в 1918 г. на других основаниях, но ее фундамент, несомненно, в значительной степени был заложен Особой комиссией. Важную роль она сыграла и в личном становлении А.А. Гераклитова как архивиста: отвечая на ее запросы, он тщательно изучил состояние архивов Саратовской губернии и затем – архивных комиссий, сформулировал свои мысли об организации центральных архивов, а на полученное от Особой комиссии

²⁸ Там же. Д. 268. Л. 66; Д. 269. Л. 33–34, 47, 50.

²⁹ Там же. Д. 274. Л. 8 об. – 9.

³⁰ Там же. Оп. 2. Л. 23–24.

³¹ Там же. Д. 271. Л. 24 об.

пособие организовывал обследование уездных архивов и налаживал издание научно-справочного аппарата архива СУАК.

Литература

Бржостовская 1954 – *Бржостовская Н.В.* Деятельность губернских архивных комиссий по созданию исторических архивов // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1954. Т. 5. С. 78–116.

Захаров, Захарова 2005 – *Захаров В.М., Захарова Т.А.* Саратовская ученая архивная комиссия (1886–1920). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 184 с.

Кошелева 2008 – *Кошелева Е.Ю.* Развитие архивного дела в Саратовской губернии в преобразованный период: 1864–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 211 с.

Майорова 2009 – *Майорова А.С.* Деятельность Саратовской ученой архивной комиссии в 1917–1918 гг. // Вестник архивиста. 2009. № 2. С. 139–156.

Первушкин 2008 – *Первушкин В.И.* «Быть неутомимыми работниками на пользу родной исторической науки...»: История Тамбовской, Саратовской и Пензенской губернских ученых архивных комиссий. Пенза: ПГПУ, 2008. 191 с.

Самохвалова 2006 – *Самохвалова Н.В.* Участие саратовцев в первом съезде представителей губернских ученых архивных комиссий // Краеведение и архивное дело в провинции: исторический опыт и перспективы развития: Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 120-летию Саратовской губернской ученой архивной комиссии. Саратов, 2006. С. 63–67.

Санин 2017 – *Санин О.Г.* Михаил Григорьевич Собакин – руководитель Московского архива Коллегии иностранных дел // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2017. № 4 (10). С. 9–31.

Хорхордина 2003 – *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах: история, теория, люди. М.: РГГУ, 2003. 525 с.

Шумейко 2019 – *Шумейко М.Ф. Д.И. Довгялло – архивовед, археограф, источниковед: К 150-летию со дня рождения ученого* // История и архивы. 2019. № 3. С. 125–141.

References

Brzhostovskaya, N.V. (1954), “Activities of regional archival commissions on the creation of historical archives”, *Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta* [Works of the Moscow State Institute for History and Archives], vol. 5, pp. 78–116.

Khorkhordina, T.I. (2003), *Rossiyskaya nauka ob arkhivakh: istoriya, teoriya, lyudi* [Russian archival science. History, theory, people], RGGU, Moscow, Russia.

Kosheleva, E.Yu. (2008), *Razvitiye arkhivnogo dela v Saratovskoi gubernii v poreformennyi period: 1864–1917 gg.* [Development of archives administration

in the Saratov region in the post-reform period. 1864–1917], Ph.D. Thesis (History), Moscow, Russia.

Mayorova, A.S. (2009), “Activities of Saratov Scientific Archival Commission in 1917–1918”, *Herald of an Archivist*, no. 2, pp. 139–156.

Pervushkin, V.I. (2008), *«Byt' neutomimymi rabotnikami na pol'zu rodnoi istoricheskoi nauki...»: Istorija Tambovskoi, Saratovskoi i Penzenskoi gubernskikh uchenykh arkhicnykh komissii* [“Being tireless workers for the benefit of our native historical science...”. History of the Tambov, Saratov and Penza regional scientific archival commissions], PGPU, Penza, Russia.

Samokhvalova, N.V. (2006), “Participation of Saratov residents in the First Congress of Representatives of Regional Scientific Archival Commissions”, in *Kraevedenie i arkhivnoe delo v provintsii: istoricheskii opyt i perspektivy razvitiya: Materialy mezhregional'noi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 120-letiyu Saratovskoi gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Local history and archival work in the provinces. Historical experience and development prospects. Proceedings of the Interregional Scientific Conference Commemorating to the 120th Anniversary of the Saratov Regional Scientific Archival Commission], Saratov, Russia, pp. 63–67.

Sanin, O.G. (2017), “Mikhail G. Sobakin is the head of the Moscow archives of the College of Foreign Affairs”, *RSUH/RGGU Bulletin. Records Management and Archival Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security* Series, vol. 10, no. 4, pp. 9–31.

Shumeiko, M.F. (2019), “D.I. Dovgiallo as an archivist, archaeographer, expert in source studies. To the scholar's 150_{th} anniversary”, *History and Archives*, no. 3, pp. 125–141.

Zakharov, V.M. and Zakharova, T.A. (2005), *Saratovskaya uchenaya arkhivnaya komissiya (1886–1920)* [Saratov Scientific Archival Commission (1886–1920)], Izdatel'stvo VolGU, Volgograd, Russia.

Информация об авторе

Илья А. Пчелинцев, Саратовский областной музей краеведения, Саратов, Россия; 410031, Россия, Саратов, ул. Лермонтова, д. 34;

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, д. 83; I.Pchelincev@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0009-3016-4763

Information about the author

Ilya A. Pchelintsev, Saratov Regional Museum of Local Lore, Saratov, Russia; 34, Lermontova St., Saratov, Russia, 410031;

Saratov State University, Saratov, Russia; 83 Astrakhanskaya St., Saratov, Russia, 410012; I.Pchelincev@yandex.ru

ORCIDID: 0009-0009-3016-4763

Хранители документов: роль личности
в создании библиотечно-архивного отдела
Министерства иностранных дел
и по делам Содружества Великобритании

Наталья В. Банникова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ganzhara@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается история создания библиотеки Министерства иностранных дел Великобритании (Foreign Office), по сути – библиотечно-архивного отдела, в 1801 г. и его развития до конца XIX в. После проведения административных реформ 1530–1560-х гг. постепенно стало уделяться должное внимание хранению и поиску информации, как следствие был создан «Архив политических бумаг», где содержались все важные государственные документы. В конце XVIII в. крупная реформа в структуре управления, разделившая ведение внутренних и внешних государственных дел, привела к образованию Министерства иностранных дел Великобритании, где пришли к решению сосредоточить документы, касающиеся международных отношений в отдельном департаменте (библиотеке). Затрагиваются причины, побудившие руководство Министерства иностранных дел Великобритании создать новый отдел, отвечающий за сохранность документации.

В статье представлены биографии первых библиотекарей Форин Офис – Ричарда Энселла, Льюиса и Эдварда Хертслет. Рассматривается их работа по упорядочиванию и систематизации документов министерства, в результате которой библиотечно-архивный отдел стал центральным органом министерства, а престиж профессии библиотекаря был поднят до уровня старшего клерка.

Ключевые слова: Форин Офис, библиотекарь, Ричард Энселл, Льюис Хертслет, Эдвард Хертслет, библиотечно-архивный отдел, реестр Хертслета, рукописные и печатные издания, сборники дипломатической корреспонденции

Статья поступила в редакцию 19 января 2025 г.;
принята к публикации 1 сентября 2025 г.

© Банникова Н.В., 2025

Для цитирования: Банникова Н.В. Хранители документов: роль личности в создании библиотечно-архивного отдела Министерства иностранных дел и по делам Содружества Великобритании // История и архивы. 2025. Т. 7. № 4. С. 137–150. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-137-150

Caretakers of records.
The role of personality in the creation
of the Library and Archives Department
of the Ministry of Foreign
and Commonwealth Affairs of Great Britain

Natalia V. Bannikova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; nganzhara@gmail.com*

Abstract. The article examines the history of the creation in 1801 of the Library of the British Foreign Office (which was in fact the library and archives department) and traces its development until the end of the 19th century. After the administrative reforms of 1530–1560, the storage and search of information started gaining proper attention. And, as a result, the State Paper Office was created, which contained all important state records. At the end of the 18th century, a major reform in the management structure that separated the conduct of internal and external state affairs led to the formation of the British Foreign Office, where it was decided that the documents related to international relations should be kept in a separate department (library). The reasons that prompted the leadership of the British Ministry of Foreign Affairs to create a new department responsible for the safety of documentation are touched upon.

The article discusses the biographies of the first librarians at the Foreign Office – Richard Ancell and Lewis and Edward Hertslet. The paper describes their work on streamlining and organizing the records of the Foreign Office, which led to the Library and Archives Department becoming the central body of the Office and raising the status of the librarian profession to that of a senior civil servant.

Keywords: Foreign Office, librarian, Richard Ancell, Lewis Hertslet, Edward Hertslet, Library and Archives Department, Hertslet Registry, handwritten and printed publications, collections of diplomatic correspondence

The article was submitted for publication 19.01.2025;
accepted for publication 01.09.2025.

For citation: Bannikova, N.V. (2025), “Caretakers of records. The role of personality in the creation of the Library and Archives Department of the Ministry of Foreign and Commonwealth Affairs of Great Britain”, *History and Archives*, vol. 7, no. 4, pp. 137–150, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-137-150

Введение

В период с 1530-х по 1560-е гг. в Англии проводятся административные реформы, и в последующие десятилетия относительной стабильности постепенно уделяется больше внимания хранению и поиску информации. Это было особенно заметно в Уайтхолле (Whitehall)¹, центре государственного управления страной, где принимались специальные меры для обеспечения безопасности писем и документов, связанных с государственной деятельностью [Olney 2023, р. 101]. В 1578 г. назначается хранитель государственных документов, а в 1610 г. создается «Архив политических бумаг» (StatePaperOffice), в котором, кроме материалов династии Тюдоров и ее преемников, концентрируются и документы по внешнеполитическим и колониальным делам [Хорхордина, Халилова 2016, с. 92]. Хранилище занимало башни Гольбейновских ворот (Holbein Gate)² и несколько прилегающих помещений у южного входа в Уайтхолл, главный офис британского правительства, и было названо «библиотекой», что отражало стремление извлечь хотя бы часть бумаг из сундуков и разместить их в переплетенных томах [Olney 2023, р. 101].

В 1780-х гг. в Великобритании произошла крупная реформа в структуре управления. Еще со времен Карла I (1625–1649) государственными делами ведали два главных министра (Principal Secretaries), один из которых возглавлял Южный департамент (Southern Department), а другой – Северный (Northern Department). Разделение ответственности проводилось по географическому признаку: внутренние дела рассматривались в южной и северной частях страны соответственно названию департамента, а внешние разделялись между двумя регионами Европы – протестантским севером и католическим югом. В 1782 г. должности главных секретарей были упразднены, вместо них появились министр внутренних дел (Home Secretary) и министр иностранных дел (Foreign Secretary),

¹ Дворцовый комплекс, основная резиденция английских королей с 1530 по 1698 г. Не сохранился после пожара 1698 г.

² Гольбейновские ворота соединяли части дворцового комплекса Уайтхолл к востоку и западу от дороги в Вестминстер.

каждый из которых возглавил свое собственное управление – Хоум Офис (Home Office) и Форин Офис (Foreign Office). В 1794 г. к ним присоединился министр по делам колоний со своим министерством (Colonial Office). Из всех новых ведомств Форин Офис (Министерство иностранных дел) представляет собой самый яркий пример того, как развивался государственный аппарат и связанная с ним документация.

Создание библиотечно-архивного отдела

В 1795 г. министр иностранных дел лорд Гренвилл³ предпринял попытку упорядочить документацию министерства, назначив своего личного секретаря, прежде клерка в Министерстве внутренних дел, Чарльза Годдарда сборщиком и отправителем государственных бумаг. Годдард время от времени составлял меморандумы для министров, однако позже он принял духовный сан и занимал этот пост в качестве синекуры до своей смерти в 1848 г. [Middleton 1977, р. 106]. В период с 1795 по 1801 г. никто в Форин Офисе не уделял особого внимания систематическому хранению документов.

Вероятно, необходимость постоянно обращаться к корреспонденции и неудобства, связанные с хранением депеш не в Министерстве иностранных дел, а в «Архиве политических бумаг», привели лорда Гренвилла к решению основать свое собственное местное отделение по работе с документами [Middleton 1977, р. 109]. Незадолго до своего ухода с должности в феврале 1801 г. он получил разрешение назначить своим библиотекарем и хранителем бумаг Ричарда Энселла. Так в Министерстве иностранных дел появился библиотечный отдел, по сути выполнивший роль архивного отдела.

Первый библиотекарь – Ричард Энселл

Ричард Энселл родился в 1755 г., и с Министерством иностранных дел у него были семейные и профессиональные связи. Его отец, Томас Энселл, с 1782 г. был первым заместителем главного служащего, а затем с 1787 г. главным служащим Форин Офиса, и в течение примерно сорока пяти лет он также был частным агентом королевских посыльных [Hamilton 2021, р. 41].

³ Уильям Уиндхэм Гренвилл (William Wyndham Grenville) (1759–1834) – министр внутренних дел (Secretary of State for Home Affairs; 1789–1791), министр иностранных дел Великобритании (Secretary of State for Foreign Affairs) с июня 1791 по февраль 1801 г.

В 1776 г. Ричард Энселл начал свою карьеру в «Архиве политических бумаг» (State Paper Office) клерком, в то же время он помогал отцу вести счета королевских посланников, а когда Томас Энселл умер в 1795 г., сменил его на посту агента.

К моменту назначения на должность библиотекаря в начале 1801 г., Ричард Энселл был хорошо знаком с работой в МИД. Помогать ему был определен тринадцатилетний Льюис Хертцелет. В то время библиотечный отдел трудно было назвать полноценным департаментом, поскольку его штат состоял всего лишь из Энселла и его помощника-подростка.

С самого начала своей деятельности библиотека хранила как печатные книги, так и рукописную корреспонденцию, предоставляя к ним доступ. Под руководством Энселла вся дипломатическая корреспонденция начиная с 1780 г. была передана из «Архива политических бумаг» (State Paper Office) под контроль Министерства иностранных дел в здание на Даунинг-стрит, где она была доступна для использования в повседневной деятельности ведомства. Быстро разобравшись в потребностях Форин Офиса, Энселл принялся изучать, систематизировать и обобщать всю корреспонденцию министерства, а также и другие, имеющие отношение к международным связям документы за предыдущие двадцать лет. Старое Министерство иностранных дел на Даунинг-стрит «было мрачным и обшарпанным зданием, состоящим из темных кабинетов и лабиринтных переходов... с неровными полами и утомительными винтовыми лестницами... полная картина беспорядка, нищеты и убогости» [Otte 2007]. В результате тома с документами хранились, как правило, в несколько рядов друг за другом, везде, где можно было найти место для нескольких полок в нишах и проходах между кабинетами [Otte 2007]. Вся документация находилась в беспорядочном состоянии и требовала большого внимания, чтобы ее разложить и сделать удобной для ознакомления.

Энселл собрал печатные дипломатические бумаги в два больших тома под названием «Собрание печатных договоров, конвенций и т. д.» (*A Collection of Printed Treaties, Conventions, etc.*), расположив документы в порядке стран и дат с точным оглавлением. Работа была завершена в 1802 г., а «Собрание...» стало предшественником более обширных публикаций, известных как «Библиотечный отдел» (*Librarian's Department*)⁴ [Hamilton 2021, p. 41].

В возрасте пятидесяти шести лет Ричард Энселл подал прошение об отставке по состоянию здоровья. В январе 1810 г. он покинул свой пост с ежегодным пособием, равным его жалованью

⁴ В настоящее время находится в ведении юридического управления Министерства иностранных дел

в 200 фунтов стерлингов в год, что в то время соответствовало заработку мелкого чиновника.

Библиотека к тому времени собрала массу документов в систематизированную, доступную для поиска и пригодную для использования коллекцию [Otte 2019, р. 94].

Выйдя в отставку, Энселл поселился в пригороде Лондона Твикенхэм. В 1816 г. он стал церковным старостой в приходской церкви Святой Девы Марии. Умер первый библиотекарь Форин Офиса в 1844 г. Ричард Энселл оставил мало личных записей, и его имя, похоже, редко фигурировало в официальной переписке. Тем не менее его назначение ознаменовало начало революции в области управления знаниями в Министерстве иностранных дел и на дипломатической службе в целом [Hamilton 2021, р. 41].

Льюис Хертслет

После отставки Энселла должность библиотекаря и хранителя документов Министерства иностранных дел занял прослуживший девять лет помощником Льюис Хертслет. Это произошло по недоразумению со стороны лорда Уэлсли⁵, ошибочно предположившего, что Хертслет уже работает в учреждении, и, повысив его в должности, лорд создаст свободную вакансию⁶.

Льюис Хертслет родился в ноябре 1787 г. в семье обосновавшегося в Англии швейцарского иммигранта Жана Луи Пьера Хертцелета (Jean Louis Pierre Hiertzelett), который, возможно, был кавалеристом-наемником, прежде чем поселиться в Англии в конце XVIII в. В мае 1797 г. он получил работу королевского посыльного, став частью престижного отряда гонцов, перевозивших корреспонденцию на лошадях и гужевых экипажах между правительственные ведомствами, их агентами и миссиями за границей [Hamilton 2021, р. 39]. Вполне вероятно, что именно тогда Льюис Хертцелет познакомился с Энселлом. И это объясняет, почему Энселл, перейдя на работу в Министерство иностранных дел, взял сына посыльного в качестве своего помощника. Через год, в июне 1802 г., Хертцелет подал прошение об отставке, а придя домой, застрелился, оставив жену одну с четырьмя детьми. Причины самоубийства неизвестны, возможно, он не выдержал сложной, иногда опасной и неизбежно

⁵ Ричард Уэлсли, Маркиз Уэлсли (Richard Wellesley, Marques Wellesley) – министр иностранных дел Великобритании с 06.12.1809 по 04.03.1812.

⁶ *Matthew H.C.G. Oxford dictionary of national biography. Vol. 26: Haycock – Hichens. Oxford, 2004. P. 841.*

вызывающей стресс, особенно во время войны, работы королевского посыльного. Позже сын иммигранта из Швейцарии, которому пришлось взять заботу о семье на себя, англизировал фамилию и стал Льюисом Хертслетом.

Маловероятно, что поступивший на службу совсем юным Льюис Хертслет имел формальное образование. Однако у него был природный талант к организации, который он развил под руководством Энселла, надежного, но лишенного воображения человека, следя «старому добруму пути» [Middleton 1977, р. 174]. Хертслет многому научился у Энселла, помогая составлять каталоги и сборники дипломатической корреспонденции, а, получив полное представление о содержании и местонахождении рукописных и печатных изданий, заменял Энселла во время его отсутствия [Hamilton 2021, р. 42].

Как и его предшественник, новый библиотекарь отвечал не только за печатную коллекцию Министерства иностранных дел, но и за его архивы. Со временем он стал авторитетом в области исторических и географических исследований, а также специалистом в вопросах, связанных с британской внешней политикой. Кроме того, уже через год после своего назначения на должность библиотекаря он убедил министра иностранных дел распространить принцип повышения на свою должность. В 1815 г. его зарплата была увеличена до £300, а к 1821 г. он зарабатывал уже £700.

Сменив Энселла, Хертслет стал хранителем около тридцати переплетных станков, в которых содержалась дипломатическая и внутренняя корреспонденция министерства, датируемая примерно с 1780 г., переплетенная в тома и по большей части рассортированная по странам. Еще в двадцати переплетных станках хранились печатные книги, включая парламентские документы, древние договоры, государственные документы, дипломатические списки и словари [Hamilton 2021, р. 43].

Чтобы переплекать рукописные тома и печатать документы для парламента, нанимались специальные люди, а процесс печатания и переплетения проходил внутри здания министерства. Располагаясь сначала на Даунинг-стрит, а затем, с 1825 по 1844 г., на Флайдер-стрит, Льюис Хертслет отвечал как за переплет, так и за упорядоченное представление документов. Он и его брат должны были также снабжать Кабинет министров, парламент и заместителей госсекретаря министров документами, необходимыми для повседневного ведения бизнеса. Именно для облегчения этой задачи Хертслет разработал систему регистрации и индексации корреспонденции, варианты которой впоследствии были приняты другими министерствами иностранных дел. Каждый документ, будь то депеша, письмо, меморандум или записка, регистрировался в соответствии

со страной или государственным ведомством, и каждая запись была аналитически проиндексирована с надлежащей привязкой к лицам и темам, к которым относился документ. Реестр Хертслета представлял собой список всех полученных и отправленных документов с кратким изложением их содержания. Кроме того, он постарался составить список всех упомянутых в них людей. При мерно двенадцать лет было потрачено на создание этой системы (до 1822 г.). Так зародилась «традиция Хертслета» – традиция последовательности и эффективности, основанная на системе регистрации и индексации, которая обеспечивала бесперебойную работу других отделов офиса [Middleton 1977, р. 174]. Благодаря внедрению Льюисом Хертслетом библиотечной системы регистрации и индексации рукописной корреспонденции более удобным стало и изучение архивных документов.

Большая часть работы по составлению реестра была возложена на Джеймса Хертслета, брата Льюиса, принятого на работу в марте 1811 г. на должность младшего библиотекаря с годовым пособием в размере £50. Это дало Льюису время приступить к выполнению дополнительных обязанностей.

В 1813 г. Хертслет начал вести газетный альбом, в который включал вырезки из авторитетных журналов, освещавших важные политические события. Он назвал этот альбом «Книгой публичных документов» (Public documents book). Однако наиболее значимой была его работа над дипломатическими документами, которая продолжалась на протяжении долгого времени. В 1814 г. был опубликован знаменитый справочный труд под названием «Британские и зарубежные государственные документы»⁷. Первоначально книга предназначалась только для членов правительства и британских представительств за границей. Однако в 1831 г. сборник международных договоров и других важных коммерческих и политических документов стал доступен широкой публике и выпускался сериями вплоть до 1968 г. Льюис Хертслет является составителем двадцати шести томов.

В 1820 г. было опубликовано два тома торговых договоров Хертслет⁸, представляющих собой полное собрание договоров

⁷ British and Foreign State Papers. L., 1814. Vol. 1.

⁸ Hertslet's Commercial Treaties. A collection of treaties and conventions, between Great Britain and foreign powers, and of the laws, decrees, orders in council, &c., concerning the same, so far as they relate to commerce and navigation, slavery, extradition, nationality, copyright, postal matters, &c., and to the privileges and interests of the subjects of the high contracting parties. By Great Britain. Treaties, etc; Hertslet, Lewis, 1787–1870, Vol. 1–11. L., 1827–1864.

и конвенций, касающихся торговли, мореплавания и работорговли. Это было частное предприятие, но с гарантированным заказом от Министерства иностранных дел. Сборник имел успех и впоследствии был издан 31 том. Льюис Хертслет является автором одиннадцати томов.

По словам одного министра иностранных дел, Льюис Хертслет был «ходячим государственным документом». Историк Гарольд Темперли⁹ позднее отметил, что иногда Хертслет оказывал значительное влияние на политику¹⁰. Его департамент постоянно снабжал государственных секретарей меморандумами с рекомендациями по прецедентам и актуальной информацией по международным вопросам. Во время Крымской войны 1853–1856 гг., например, были предоставлены документы, касающиеся таких важных вопросов, как статус Аланских островов, российская оккупация Молдавии и Валахии, а также османский указ о независимости Черкесии. Хертслет всегда был усердным работником с богатым воображением, что и объясняет его успешную карьеру.

Со временем объем работы увеличивался. Традиция Хертслета регистрировать каждое письмо становилась слишком сложной задачей, особенно учитывая, что он пытался не только отслеживать текущие дела, но и восполнить упущенное за предыдущие годы. Штат библиотеки требовал расширения.

В 1826 г. министр иностранных дел Дж. Каннинг¹¹ нанял клерка в библиотечный отдел министерства. Однако когда тринадцать лет спустя этот клерк скончался, его не заменили. В период с 1839 по 1841 г. Хертслет взял на работу одного из своих сыновей в качестве неофициального и неоплачиваемого помощника. Работа в библиотеке стала практически семейным бизнесом.

В 1841 г. в библиотечном отделе была произведена реорганизация и были назначены два клерка в помощь Хертслету и его брату. Это значительно улучшило работу библиотеки. В 1842 и в 1844 гг. было назначено еще по одному клерку. Хертслету было легче справляться с растущим потоком корреспонденции, когда у него было четыре помощника-клерка. Хотя и с увеличенным штатом библиотечный отдел обычно не успевал подготовить реестры в срок, Хертслет тщательно следил за тем, чтобы файлы по странам, которые вызывали наибольшее беспокойство в определенный момент, имелись в распоряжении и были доступными.

⁹ Harold Temperley (1879–1939).

¹⁰ Matthew H.C.G. Op. cit. P. 842.

¹¹ Джордж Каннинг (Rt. Hon. George Canning) – министр иностранных дел Великобритании (1807–1809, 1822–1827).

Льюис Хертслет оставался на посту библиотекаря и хранителя документов Министерства иностранных дел до своей отставки 20 ноября 1857 г., когда его сменил младший сын Эдвард Хертслет.

Сэр Эдвард Хертслет

Эдвард Хертслет, младший сын Льюиса Хертслета, родившийся 3 февраля 1824 г., получил образование в частной школе в Хаунслоу, графство Мидлсекс, а в 1840 г. в возрасте шестнадцати лет начал свою карьеру в Министерстве иностранных дел в качестве неоплачиваемого ассистента библиотекаря, которым был его отец. Уже через два года, в 1842 г., его назначили постоянным сотрудником библиотеки, и он начал быстро продвигаться по карьерной лестнице. К 1849 г., когда Эдвард Хертслет женился на Иден Булль, дочери секретаря Палаты общин Джона Булля, семья Хертслетов уже стала частью административной и профессиональной бюрократии Викторианской Англии.

С ноября 1857 г. до выхода на пенсию в 1896 г. Эдвард Хертслет прослужил в должности библиотекаря. Его пребывание на этом посту было продлено на семь лет сверх обычного пенсионного возраста.

Эдвард Хертслет продолжил выпуск серии, начатых его отцом, – «Торговые договоры Хертслета» (12–19-й тома) и «Британские и зарубежные государственные документы» (тома 27–82). Большую часть материалов международных договоров он поместил в свою книгу «Карта Европы по договору»¹² и в сопутствующий том «Карта Африки по договору»¹³. В 1864 г. он стал редактором справочника по истории дипломатии «Список Министерства иностранных дел»¹⁴, выходившего раз в полгода, а затем ежегодно с 1852 по 1966 г. В 1901 г. были опубликованы увлекательные воспоминания о старом Министерстве иностранных дел¹⁵, написанные в совершенном ином стиле.

¹² Hertslet E. The map of Europe by treaty; showing the various political and territorial changes which have taken place since the general peace of 1814. L., 1875.

¹³ Hertslet E. The map of Africa by treaty. L., 1894.

¹⁴ The Foreign Office List, forming a complete British Diplomatic and Consular Handbook with maps, showing where Her Majesty's Ambassadors, Ministers, Consuls, and others, are resident abroad; together with a list of foreign diplomatic and Consular representatives resident within the Queen's Dominions.

¹⁵ Hertslet E. Recollections of the old Foreign office. L., 1901.

Хертслеты долго добивались повышения статуса своего отдела в министерстве. Только после того, как они обратились с жалобой в парламентский комитет в 1872 г., библиотекарю было присвоено звание и зарплата, соответствующие уровню старших клерков.

К этому времени библиотека перестала быть конечным хранилищем депеш и превратилась в центр, вокруг которого вращался механизм министерства. Традиционно в обязанности библиотекаря входило предоставление исторических справок для офиса. Его работа была отделена от политических отделов правилом пятнадцати лет. Однако на практике это различие стало несколько размытым, и записки Хертслета обрели не только историческую, но и современную ценность, поскольку все больше работы переходило в библиотеку из политических департаментов. Эдвард Хертслет подсчитал, что к моменту выхода на пенсию он предоставил в управление около 3000 памятных записок.

В 1873 г., после кончины директора департамента международных договоров Джона Бродрибба Бергне, Хертслет занял его должность и стал лицом, в служебной иерархии следующим по значимости после заместителей госсекретаря.

В 1878 г. премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли представил своему кабинету доклад, основанный на меморандуме Хертслета, в котором были подробно описаны тонкие различия между перемирием и прекращением военных действий. Благодаря этому докладу Хертслет был включен в состав британской делегации, которая отправилась в Берлин для обсуждения восточных вопросов. В 1889 г. он был частью британской и нидерландской пограничной комиссии, которая работала на острове Борнео. В 1878 г., за свои заслуги на Берлинском конгрессе, он был удостоен звания рыцаря-бакалавра. В 1874 г. получил чин командора ордена Бани (CB)¹⁶, а в 1892 г. он был повышен до рыцаря-командора ордена Бани (KCB)¹⁷.

Хертслет провел всю свою жизнь в Ричмонде и был активным участником местной политической жизни. Когда в 1890 г. город был включен в состав королевского округа, Хертслет стал исполняющим обязанности мэра.

Эдвард Хертслет умер в 1902 г., всего через шесть лет после выхода на пенсию.

Анонимный автор некролога о Херслете в «Таймс» (5 августа 1902 г.), очевидно, один из его коллег по Министерству иностранных

¹⁶ Рыцарский орден, четвертый в иерархии королевства Великобритании.

¹⁷ *Matthew H.C.G.* Op. cit. P. 842.

дел, выразил свою признательность следующим образом: «Он не только был самым осведомленным в области письменной дипломатии среди ныне живущих, но и его многолетний опыт и здравый смысл наделяли его советы не только технической ценностью, но и значимостью»¹⁸.

Историческая коллекция сегодня

В 2003 г. в результате слияния Государственного архивного управления, по сути – национального архива Великобритании с 1838 г. (The Public Record Office) и Комитета по древним манускриптам (Historical Manuscripts Commission) была образована система Национальной архивной службы Великобритании (the National Archives) [Хорхордина, Халилова 2016, с. 90]. Документы и архивные записи, созданные сотрудниками Министерства иностранных дел и по делам Содружества (FCO), теперь известное как Министерство иностранных дел и по делам Содружества и развития (FCDO), как и большая часть коллекции фотографий, были определены на хранение в новое здание Национального архива в Лондоне (Кью, Ричмонд, Суррей). Историческую коллекцию FCDO, в основном состоящую из библиотечных материалов, в 2007 г. принял на постоянное хранение Королевский колледж Лондона (King's College London). Эта коллекция, вероятно, является самой ценной из всех, когда-либо приобретенных Королевским колледжем за всю его историю. Она включает около 90 000 томов книг, брошюр, отчетов, машинописных текстов и рукописей, охватывающих период с начала XVI в. до наших дней.

Заключение

Таким образом, пример деятельности первых библиотекарей Министерства иностранных дел Великобритании наглядно демонстрирует то, что в развитии библиотек путь прокладывали отдельные выдающиеся личности.

В случае с библиотекой Министерства иностранных дел несколько человек сыграли ключевые роли в ее создании. Первым из них был Ричард Энселл, занимавший пост хранителя документов с 1801 по 1810 г. и приложивший немалые усилия к систематизации коллекции библиотечно-архивного отдела.

¹⁸ Ibid.

Затем, на протяжении большей части XIX в. библиотека попала под управление Хертслетов, достигнув при них своего расцвета. Благодаря упорству и трудолюбию представителей этой семьи, библиотечно-архивный отдел стал центральным органом Форин Офиса, и его статус значительно вырос. Вместе с этим повысился и статус библиотекаря, который по уровню и зарплате стал соответствовать старшему клерку.

Литература

Хорхордина, Халилова 2016 – *Хорхордина Т.И., Халилова Л.А.* Государственный архив Великобритании (Public Record Office): история создания и деятельности в 1838–1958 гг. // История и архивы. 2016. № 2. С. 90–104.

Hamilton 2021 – *Hamilton K.* Servants of diplomacy. A domestic history of the Victorian Foreign Office. L., 2021. 254 p.

Middleton 1977 – *Middleton C.R.* The administration of British foreign policy, 1782–1846. Durham, N.C., 1977. 364 p.

Olney 2023 – *Olney R.* English archives. An historical survey. L., 2023. 256 p.

Otte 2007 – *Otte T.G.* A library with a future // History today. 2007. Vol. 57. Iss. 10. URL: <https://www.historytoday.com/history-today-issues/volume-57-issue-10-october-2007?page=1> (дата обращения: 10.01.2025).

Otte 2019 – *Otte T.G.* ‘The diplomatic digestive organ’. The Foreign Office as the nerve centre of foreign policy, c. 1800–1940 // British world policy and the projection of global power, c. 1830–1960 / ed. by T.G. Otte. Cambridge; N.Y., 2019. P. 90–110.

References

Hamilton, K. (2021), *Servants of diplomacy. A domestic history of the Victorian Foreign Office*, London, UK.

Khorkhordina, T.I. and Khalilova, L.A. (2016), “Public Record Office. The history of creation and function in 1838–1958”, *History and Archives*, no. 2, pp. 90–104.

Middleton, C.R. (1977), *The administration of British foreign policy, 1782–1846*, Durham, USA.

Olney, R. (2023), *English archives. An historical survey*, London, UK.

Otte, T.G. (2007), “A library with a future”, *History today*, vol. 57, iss. 10, available at: <https://www.historytoday.com/history-today-issues/volume-57-issue-10-october-2007?page=1> (Accessed 10 Jan. 2025).

Otte, T.G. (2019), “‘The diplomatic digestive organ’. The Foreign Office as the nerve centre of foreign policy, c. 1800–1940”, in Otte, T.G., ed., *British world policy and the projection of global power, c. 1830–1960*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, New York, USA, pp. 90–110.

Информация об авторе

Наталья В. Банникова, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; ganzhara@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-2647-1711

Information about the author

Natalia V. Bannikova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ganzhara@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-2647-1711

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

УДК 930.25(470-25)

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-151-165

Московский главный архив Министерства иностранных дел в середине XIX в. и его сотрудники

Олег Г. Санин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, osanin@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется история деятельности Московского главного архива Министерства иностранных дел в середине XIX в. Этот период в истории архива в целом слабо изучен в отечественной исторической науке. Вместе с тем в середине XIX в. происходило довольно интенсивное развитие архива как крупного научного центра по изучению отечественной истории, продолжали развиваться заложенные ранее традиции в хранении и описании архивных документов. Это было в значительной степени связано с проводимой в архиве кадровой политикой, направленной на привлечение к архивной работе молодых и образованных сотрудников. Под руководством управляющего архивом князя М.А. Оболенского в архиве продолжала развиваться интенсивная научно-публикаторская деятельность. В статье изложены особенности подбора кадров для архива, раскрыты научные достижения его некоторых сотрудников (М.А. Оболенского, В.М. Ундорского, П.А. Бессонова, А.Н. Афанасьева, П.И. Бартенева, А.Е. Викторова, Н.В. Калачова). Вместе с тем в статье показано, как ужесточение внутренней политики при Николае I, особенно в конце его правления, оказывало влияние на деятельность архива и судьбу его сотрудников.

Ключевые слова: Московский главный архив Министерства иностранных дел, научно-публикаторская деятельность, М.А. Оболенский, В.М. Ундорский, П.А. Бессонов, А.Н. Афанасьев, П.И. Бартенев, А.Е. Викторов, Н.В. Калачов, кадровая политика

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2025 г.;
принята к публикации 2 июня 2025 г.

© Санин О.Г., 2025

Для цитирования: Санин О.Г. Московский главный архив Министерства иностранных дел в середине XIX в. и его сотрудники // История и архивы. 2025. Т. 7. № 4. С. 151–165. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-151-165

The Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs in the mid-19th century and its staff

Oleg G. Sanin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, osanin@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the history of the activities of the Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs in the mid-19th century. That period in the history of the Archives as a whole is generally underresearched in Russian historical science. At the same time, in the mid-19th century, there was a fairly intensive development of the Archives as a major scientific center for the study of Russian history, and the previously established traditions of the storage and description of archival documents continued to develop. That was largely due to the personnel policy pursued in the Archives, aimed at attracting young and educated employees to archival work. With the guidance of the Archives manager, Prince M.A. Obolensky, the institution continued to develop a fairly intensive scientific publishing activity. The article describes specifics in the personnel selection for the Archives, reveals the scientific achievements of some of its employees (M.A. Obolensky, V.M. Undolsky, P.A. Bessonov, A.N. Afanasyev, P.I. Bartenev, A.E. Viktorov, N.V. Kalachov). Along with that, the article shows how the tightening of the Interior policy under Nicholas I, especially at the end of his reign, influenced the activities of the Archives and the fate of its employees.

Keywords: Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs, scientific publishing activities, M.A. Obolensky, V.M. Undolsky, P.A. Bessonov, A.N. Afanasyev, P.I. Bartenev, A.E. Viktorov, N.V. Kalachov, personnel policy

The article was submitted for publication 10.02.2025;
accepted for publication 02.06.2025.

For citation: Sanin, O.G. (2025), “The Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs in the mid-19th century and its staff”, *History and Archives*, vol. 7, no. 4, pp. 151–165, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-151-165

Введение

Середина XIX в. (1840–1850-е гг.) стала достаточно важным этапом в развитии Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД) – первого ведомственного исторического архива страны, ставшего, по словам барона Ф.А. Бюлера, своеобразным «дедушкой русских архивов»¹. В конце XVIII – первой половине XIX в. под руководством видных историков и архивистов Г.Ф. Миллера, Н.Н. Бантыш-Каменского, А.Ф. Малиновского Московский архив коллегии иностранных дел (с 1834 г. – МГАМИД) стал одним из крупнейших центров развития отечественной архивной мысли и исторической науки.

При этом естественно возникает вопрос о том, как происходило дальнейшее развитие архива в последующий период, в частности в середине XIX в., насколько сильно на него повлияло бурное развитие отечественной исторической науки, а также бюрократизация государственного управления и ужесточение внутренней политики при Николае I, особенно в период так называемого «мрачного семилетия» (1848–1855 гг.).

В целом в отечественной исторической науке история МГАМИД середины XIX в. изучена достаточно слабо. Имеются только отдельные исследования о научно-исследовательской и публикаторской деятельности управляющего архивом князя М.А. Оболенского [Бухерт 1996]. Можно отметить также обобщающие труды по истории отечественного архивного дела и архивоведческой мысли России [Санин 2025; Хорхордина 2003; Хорхордина 2012]². Отдельные отрывочные сведения можно найти в исследованиях по истории Российского государственного архива древних актов³. Есть также и отдельные труды по научно-публикаторской деятельности некоторых других сотрудников архива, ставших впоследствии видными учеными (В.М. Ундельского, П.А. Бессонова, А.Е. Викторова, А.Н. Афанасьева, П.И. Бартенева и др.) [Зайцев 2001; Строковская 2008].

¹ Бюлер Ф.А. Московский главный архив МИД и его прежние посетители // Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 3–4. М.: Издательские архивы, 1888. С. 57.

² См. также: Самошенко В. Н. Исторические архивы дореволюционной России. М., 1986; Он же. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. 215 с.; Хорхордина Т.И. История архивов и архивного дела в России. М., 2022. 626 с.

³ Автоматова М.И., Буганов В.И. Сокровищница документов прошлого. М.: Советская Россия, 1986. 336 с.

*Князь М.А. Оболенский и сотрудники МГАМИД
в середине XIX в.*

Смерть А.Ф. Малиновского в ноябре 1840 г. подвела своеобразный итог предыдущему периоду в развитии архива. На его место 21 декабря 1840 г. был назначен князь Михаил Александрович Оболенский, возглавлявший архив до 1873 г.⁴ Представитель знатной дворянской фамилии в мидовский архив пришел в 1833 г. и стяжал себе имя, которое по выражению историка Н.И. Костомарова, «останется надолго памятным в летописях отечественной науки»⁵.

Изучение архивных документов из фонда РГАДА «Канцелярия МГАМИД» (ф. 180), мемуаров и отдельных статей позволяет сделать вывод о том, что в деятельности князя М.А. Оболенского как руководителя архива было своеобразное сочетание чиновника-бюрократа Николаевской эпохи и ученого-публицистов, много сделавшего для научного исследования и публикации документов.

Став в конце 1840 г. руководителем архива, М.А. Оболенский буквально тут же, как бывший военный офицер, начал укреплять в МГАМИД принципы жесткого единоличия. При нем даже двор архива стал напоминать важное «присутственное место». Новый руководитель принял активно искоренять прежние «демократические формы» управления, характерные для А.Ф. Малиновского. Известный в будущем писатель С.М. Загоскин (сын знаменитого М.П. Загоскина, автора романа «Юрий Милославский»), служивший в архиве с 1849 по 1855 г., вспоминал, как он был «удивлен и озадачен торжественным, важным и грозным видом» Оболенского в архиве, напоминавшем «какого-то недосягаемого, свирепого юпитера, облаченного в вицмундир министерства иностранных дел».⁶

Несмотря на эти, неудивительные для того времени, странности, деятельность М.А. Оболенского в целом положительно сказалась на архиве. В результате проведенной при нем реорганизации архив был поделен на два отделения: первое, занимавшееся хозяйственными делами, и второе, в ведении которого был разбор древних документов и дел, поступавших из Петербургского архива, а также переводы. Кроме того, в архиве были два архивариуса,

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 180. Оп. 7. Д. 9. Л. 4.

⁵ Князь Михаил Андреевич Оболенский // Костомаров Н.И. Земские соборы: Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1995. С. 620.

⁶ Воспоминания С.М. Загоскина // Исторический вестник. 1900. Т. 79. С. 501–502. URL: <https://archive.org/details/vospominaniia00zagouoft/page/500/mode/2up> (дата обращения: 27.05.2025).

библиотекарь и Комиссия печатания государственных грамот и договоров⁷.

Помимо успешной реорганизации внутреннего управления архива, М.А. Оболенский произвел и пересистематизацию хранения документов. Архив был «разделен по периодам времени на три разряда: I – архив древний, содержащий в себе бумаги с 1265 по 1700 г.; 2 – архив старых дел с 1700 по 1762 г.; 3 – архив новых дел с 1762 по 1796 г. и частично по 1801 г.»⁸. Данная схема систематизации не вносила ничего принципиально нового по сравнению с уже сложившейся ранее системой хранения и касалась в первую очередь недавно поступивших документов за вторую половину XVIII в. Здесь же уместно отметить, что М.А. Оболенский был противником предметно-тематической схемы систематизации Г.Ф. Миллера и, по сути, являлся сторонником хранения документов по принципу происхождения [Санин 2025, с. 292–293].

Главной задачей своей деятельности в архиве М.А. Оболенский считал в первую очередь тщательную организацию хранения документов и «бережное хранение архивских сокровищ» [Хорхордина 2003, с. 160; Бухерт 1996, с. 163]. Подобная точка зрения приводила к крайней, подчас даже излишней осторожности в использовании документов. По мнению Т.И. Хорхординой, это было вызвано публикацией в 1848 г. в «Чтениях Императорского общества истории и древностей российских» знаменитых «Записок Флетчера» [Хорхордина 2003, с. 160]. Перевод этого сочинения был в основном выполнен в 1845–1846 гг. первым переводчиком архива, титулярным советником Д.И. Гиппиусом⁹. Однако против этой публикации категорически выступил министр народного просвещения граф С.С. Уваров. В результате по личному распоряжению Николая I это издание было запрещено, напечатанные экземпляры помещены на закрытое хранение в университетскую библиотеку, разосланные по подписке экземпляры возвращены Обществу. Секретарь Общества О.М. Бодянский был отправлен в ссылку в Казань, а деятельность самого Общества стала подвергаться более жесткой цензуре¹⁰.

Эта история в конечном счете заставила кн. М.А. Оболенского более осторожно подходить к публикации исторических документов. В результате работавший в МГАМИД в 1853–1858 гг. П.И. Бартенев (будущий известный издатель архивных документов, редактор журнала «Русский архив») вспоминал об Оболенском: «Бумаги

⁷ Там же. С. 499.

⁸ РГАДА. Ф. 31: Канцелярия Госархива. Оп. 1. Д. 13. Л. 157 об.

⁹ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 444. Л. 1.

¹⁰ Белокуров С.А. Дело Флетчера: 1848–1864. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910. С. 14. См. также: [Карацуба 2007].

у него делились на секретные, секретнейшие и тайне подлежащие» [Хорхордина 2012, с. 110].

Охрана и систематизация документов являлись только одной стороной архивной деятельности М.А. Оболенского. В нем постоянно существовал, с одной стороны, чиновник и администратор, с другой стороны, исследователь и публикатор. Именно при нем с 1840-х гг. в архиве отсутствовало деление документов на секретные и несекретные, а сам архив, по воспоминаниям современников, стал своеобразным «клубом для историков»¹¹. При нем с января 1863 г. на МГАМИД были распространены принятые по инициативе канцлера А.М. Горчакова «Правила для допущения к занятиям» в Государственном архиве МИД, в соответствии с которыми исследователи допускались к работе с разрешения не только царя, но также канцлера и вице-канцлера. Документы до 1762 г. предоставлялись исследователям безо всяких ограничений¹². При этом сам М.А. Оболенский всячески подчеркивал необходимость открытия для исследователей максимально большего количества источников, что отразилось и на значительном росте количества исследователей, посещавших МГАМИД в 1860-х гг.

Активная научно-публикаторская работа требовала пополнения штата архива молодыми и образованными выпускниками Московского университета, а также представителями знатного московского дворянства из числа так называемых «архивных юношей». При этом надо сказать, что количество «архивных юношей» в МГАМИД постепенно сокращалось. Если по штатам 1802 г. в архиве числилось 102 человека, среди которых преобладали юнкера и переводчики, то теперь по штатам, утвержденным в мае 1849 г., в архиве служили не более 50 человек. В первую очередь сокращались должности юнкеров и переводчиков, на которых служили «архивные юноши»¹³. Среди немногих оставшихся «архивных юношей» можно отметить будущего видного общественного деятеля эпохи «великих реформ», одного из разработчиков крестьянской реформы 1861 г., А.М. Унковского, и дипломата, близкого к балакиревскому кружку Н.И. Лодыженского, о котором Н.А. Римский-Корсаков отзывался, что он был одарен «сильным, чисто лирическим композиторским талантом». Основную работу в архиве вели его рядовые сотрудники, вышедшие из среды мелкопоместного дворянства, священников или разночинцев.

Несмотря на сокращение штатов, в МГАМИД по-прежнему работали многие личности, внесшие огромный вклад в развитие

¹¹ Самошенко В.Н. Указ. соч. С. 31.

¹² РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 2411. См. также: [Санин 2025, с. 306].

¹³ Там же. Д. 900. Л. 1–5.

русской истории, культуры и архивного дела. Для поступавших на службу в архив молодых людей М.А. Оболенский устраивал испытательный срок, который продолжался от двух недель до трех месяцев. За это время будущий чиновник упражнялся в переводах документов на иностранных языках, а также в переписывании набело исходящей из архива документации. По окончании испытания он подавал прошение на имя управляющего о зачислении в архив¹⁴. К прошению прикладывались аттестат о прошлой службе и учебе, формулярные списки, документы, подтверждавшие дворянское происхождение, и выписки из метрической книги. Управляющий предоставлял все эти документы в Департамент хозяйственных и счетных дел министерства, которые затем препровождались на утверждение лично министру иностранных дел. Только после этого молодой чиновник мог быть официально зачислен на службу. Сразу после зачисления новый архивист принимал присягу в находящейся неподалеку от архива церкви Святой Живоначальной Троицы в Хохлах, а также заполнял специальную подпиську о непринадлежности к тайным обществам. Особенности оформления новых сотрудников на работу в архив наиболее заметны при рассмотрении дела о зачислении в МГАМИД в 1846 г. Н.В. Калачова¹⁵. Надо сказать, что жизнь архивного чиновника в МГАМИД в это время была достаточно сильно забюрократизирована. Любые повышения в службе, получение нового чина официально проводились через указы императора, при этом чиновники обязательно давали в церкви новую присягу. Даже для вступления в брак архивный чиновник должен был испросить разрешение начальства¹⁶.

Данные бюрократические сложности тем не менее не мешали пополнению архива талантливыми сотрудниками, многие из которых внесли весомый вклад в отечественную науку.

Среди них можно отметить Вукола Михайловича Ундорского (1816–1864 гг.) – известного археографа и библиографа, собирателя и исследователя памятников древнерусской письменности и старопечатных книг, автора первой публикации «Задонщины» (1852 г.)¹⁷. Сын владимирского священника, он в 1836–1840 гг. учился в Московской духовной академии, где проявил способности библиографа и внимательного исследователя, изучая рукописи из академической библиотеки и библиотеки Троице-Сергиевой лавры [Строковская 2008, с. 16].

¹⁴ Воспоминания С.М. Загоскина... С. 497–498.

¹⁵ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 498. Л. 1–17.

¹⁶ Там же. Д. 166, 1108, 2034.

¹⁷ Отдел Рукописей РГБ. Ф. 310: Собрание рукописных книг В.М. Ундорского. Оп. 1. Д. 632. Л. 169 об. – 193.

Там же в Академии состоялось знакомство Вукола Михайловича с управляющим МГАМИД князем М.А. Оболенским, в результате которого М.А. Оболенский пригласил его в архив и предоставил молодому ученому широкие возможности для продолжения исследований. В результате 16 апреля 1842 г. В.М. Ундорльский был принят в архив в Комиссию печатания государственных грамот и договоров на вакантную должность переводчика для переписывания с иностранных языков¹⁸. Чуть позже, 29 октября 1842 г., он был утвержден в чине губернского секретаря¹⁹, а в 1843 г. получил чин коллежского советника и был зачислен на должность младшего архивариуса во 2-е отделение архива²⁰. Занятия в архиве В.М. Ундорльского совмещал с активной научной деятельностью. Им был подготовлен капитальный труд «Исследования о церковнославянских хронографах», составлены описания рукописей различных собраний и хранилищ Москвы, указатель славяно-русских книг церковной печати с XV по XIX в.²¹ Успешная работа В.М. Ундорльского была вскоре признана и в научном сообществе. В 1846 г. он стал действительным членом Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете²².

Несмотря на скучность средств, Ундорльский собрал одну из самых знаменитых коллекций древнерусских рукописей, начало которой было положено еще до прихода на службу в архив. С этим собирательством, как передают современники, связан и конец его архивной службы. По воспоминаниям современников, Вукол Михайлович нередко поддразнивал князя Оболенского, тоже заядлого коллекционера, но далеко не так свободно разбиравшегося в древностях. Принесет князь в архив новую покупку и похвастает, что за такую замечательную рукопись заплатил всего, положим, 200 рублей. Посмотрит ее Ундорльский и хладнокровно скажет: «Более 15 рублей я бы не дал». Это выводило князя из себя. Подобные сцены, часто повторявшиеся, и привели к взаимной неприязни.

¹⁸ РГАДА. Ф. 180. Оп.7. Д. 120. Л. 1–1 об., 6.

¹⁹ Там же. Л. 17.

²⁰ Там же. Д. 235. Л. 2.

²¹ Кунлик А.А. Разбор рукописного сочинения г. Ундорльского под заглавием «Исследования о церковнославянских хронографах. Т. 1: О современнике Георгия Амартола в отношении к Несторовой летописи» // Двадцать пятое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1856. С. 71–84 (извлечение из рецензии А.А. Кунлика на труд Ундорльского напечатано: Журнал Министерства народного просвещения. 1856. Ч. 91); Ундорльский В.М. Очерк славяно-русской библиографии. М.: Московский Публичный и Румянцевский музеи, 1871. 388 с.

²² РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 590. Л. 2.

В результате в конце 1847 г. В.М. Ундорского обвинили в редком хождении на службу²³. В следующем, 1848 г. он перешел на службу в Московский государственный архив старых дел²⁴.

Непростой характер М.А. Оболенского сказывался и на службе других талантливых сотрудников архива. Среди них можно отметить Александра Николаевича Афанасьева (1826–1871), издателя сказок и легенд русского народа, историка-литературоведа и фольклориста. В 1843–1848 гг. он учился на юридическом факультете Московского университета, где занимался научной работой под руководством К.Д. Кавелина, активно сотрудничал в либеральных журналах «Современник» и «Отечественные записки». В МГАМИД он поступил в ноябре 1849 г., оказавшись сразу на должности столоначальника в чине коллежского секретаря²⁵. В следующем году получил чин титулярного советника. В 1855 г. получил должность начальника 1-го отделения, а вскоре в 1857 г. стал правителем дел в Комиссии печатания государственных грамот и договоров²⁶. О высоком доверии управляющего архивом кн. М.А. Оболенского к А.Н. Афанасьеву говорит тот факт, что он исполнял функции заведования архивом на время вынужденных отлучек и командировок М.А. Оболенского²⁷. С 1859 г. Афанасьев имел чин надворного советника. Занимаясь изучением истории русской литературы, он писал статьи в журналах «Современник» и «Отечественные записки», был постоянным автором издававшегося Н.В. Калачовым «Архива историко-юридических сведений о России», являлся одним из русских корреспондентов А.И. Герцена. Связь с Герценом в конечном счете привела к завершению успешной деятельности А.Н. Афанасьева в архиве. В начале 1862 г. он встретился с нелегально приехавшим в Москву представителем А.И. Герцена революционером В.И. Кельсиевым. После этого в квартире Афанасьева был произведен обыск, а сам он был привлечен по делу «О лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами» и уволен со службы по распоряжению министра иностранных дел А.М. Горчакова²⁸. Примечательно, что в течение 1857–1862 гг. сам М.А. Оболенский довольно регулярно выписывал журнал А.И. Герцена «Колокол» в библиотеку МГАМИД.

10 лет проработал в архиве Михаил Петрович Полуденский (1829–1868), известный библиограф, историк русской культуры.

²³ Там же. Д. 661. Л. 2.

²⁴ Там же. Д. 764. Л. 2

²⁵ Там же. Д. 922. Л. 2.

²⁶ Там же. Д. 1759. Л. 1

²⁷ Там же. Д. 1621. Л. 2.

²⁸ Там же. Д. 2387. Л. 2.

В 1849 г. он закончил историко-филологический факультет Московского университета и был зачислен на службу в МГАМИД в чине губернского секретаря вместе с С.М. Загоскиным, с которым, по воспоминаниям последнего, тесно подружился. С.М. Загоскин вспоминал, что Полуденский был «высокого роста, чрезвычайно худой, некрасивый, с рыжеватыми волосами, он, походил более на англичанина, чем на русского, но под этою ... холодною наружностью у него было теплое русское сердце, преисполненное любви к родине и к своему ближнему. ... Полуденский не любил общества, был серьезен, и не только многосторонне образован, но и учен»²⁹. Его научные интересы сосредоточивались преимущественно на изучении литературы, общественной мысли, народных движений XVIII в. В 1851 г. он был назначен помощником столоначальника в Комиссию печатания государственных грамот и договоров³⁰. Вместе с А.Н. Афанасьевым в 1858 г. организовал издание журнала «Библиографические записки», где был постоянным автором и редактором. Так как в то время служащим в архиве не позволялось выступать в качестве издателей, то «Библиографические записки» выходили без имен Афанасьева и Полуденского. Вероятно, это послужило причиной ухода М.П. Полуденского из архива в 1860 г. и его последующего перехода на должность одного из секретарей Московской дворцовой конторы³¹.

Нельзя не отметить службу в МГАМИД и будущего издателя знаменитого журнала «Русский архив» Петра Ивановича Бартенева (1829–1912). Закончив в 1851 г. с золотой медалью историко-филологический факультет Московского университета, он получил степень кандидата. Известный российский историк, профессор Московского университета С.М. Соловьев, много работавший с документами МГАМИД и хорошо лично знавший М.А. Оболенского, рекомендовал ему талантливого выпускника³².

В результате П.И. Бартенев в 1854 г. был определен в МГАМИД на должность столоначальника в Комиссию печатания государственных грамот и договоров³³. Результатом этой работы стала подготовка и издание в 1856 г. «Собрания писем царя Алексея Михайловича». Именно в МГАМИД у него сформировался интерес к документам эпохи правления Екатерины II. Это привело

²⁹ Воспоминания С.М. Загоскина... С. 503.

³⁰ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 950. Л. 3–4.

³¹ Там же. Д. 2150. Л. 3.

³² Бартенев П.И. Воспоминания / публ. А.Д. Зайцева // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1994. Т. 1. С. 93.

³³ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 1351. Л. 5; Д. 1501. Л. 3.

к ухудшению его отношений с М.А. Оболенским, который ревниво относился к научным успехам своих подчиненных и не приветствовал интерес к документам относительно недавней истории. Впоследствии П.И. Бартенев писал в своих «Воспоминаниях»: «статс-секретарь Гамбургер сказывал мне, что Оболенский прислал к князю Горчакову письмо с жалобою на мое имя и на Сергея Михайловича Соловьева, что мы в наших трудах позволяем себе ссылаться на перлюстрации, хотя относящиеся к временам Елизаветинским. К концу своего служения князь Оболенский сделался несносен»³⁴. Вероятно, непростые отношения с М.А. Оболенским, негласный запрет на самостоятельную редакторскую деятельность для сотрудников архива привели к увольнению П.И. Бартенева в начале 1858 г.³⁵ Еще одной причиной увольнения П.И. Бартенева из архива, по мнению А.Д. Зайцева, могло быть стремление продолжить обучение за границей, а также стремление к личному знакомству с А.И. Герценом [Зайцев 2001, с. 32–35].

Безусловно, служба в архиве способствовала формированию у П.И. Бартенева навыка научно-исследовательской и архивной работы. Именно там у него формируется четкое представление о том, что для исправления неточностей и неясностей в исторической науке необходимо публиковать не только «древности», но и документы относительно недавней истории XVIII в., особенно эпохи Екатерины II. В конечном счете все это привело его к созданию в 1863 г. знаменитого научно-публикаторского журнала «Русский архив».

Среди других сотрудников МГАИД также можно отметить видного фольклориста, филолога и знатока славянских языков Петра Алексеевича Бессонова (1828–1898). Выпускник историко-филологического факультета Московского университета, близкий друг П.И. Бартенева, он 20 декабря 1855 г. был зачислен помощником столоначальника Комиссии печатания государственных грамот и договоров, избран действительным членом Императорского общества истории и древностей российских. Однако служба его продлилась в архиве недолго. Сказались довольно непростые отношения с управляющим архивом кн. М.А. Оболенским. Позднее в Предисловии к своей невыпущенной работе о Юрии Крижаниче П.А. Бессонов прозрачно намекал на то, что управляющий архивом часто присваивал себе результаты трудов своих подчиненных³⁶. В конечном счете П.А. Бессонов, как и многие другие талантливые сотрудники, был вынужден покинуть МГАИД, и 30 августа

³⁴ Бартенев П.И. Указ. соч. С. 94.

³⁵ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 1934. Л. 2–2 об.

³⁶ Белокуров С.А. Указ. соч. С. 4–5.

1857 г. он был переведен на должность старшего советника Московской Синодальной типографии³⁷.

Во многом сходная судьба в МГАМИД сложилась и у другого видного историка, архивиста, библиографа Алексея Егоровича Викторова (1827–1883). Закончив в 1850 г. Московскую духовную академию и получив степень кандидата, он в 1852 г. был зачислен в МГАМИД на должность младшего архивариуса³⁸. Одновременно в 1852–1858 гг. он разбирал славянские рукописи патриаршей ризницы и библиотеки, а также с 1856 г. преподавал русский язык и литературу в Мариинско-Ермоловском женском училище. Вскоре после увольнения П.И. Бартенева в начале 1860 г. он был назначен на должность столоначальника в Комиссию печатания государственных грамот и договоров³⁹. Однако служба на этой должности оказалась недолгой. Уже в конце 1861 г. А.Е. Викторов перевелся на должность помощника библиотекаря в Московском университете⁴⁰. Очевидно, причиной этого могли быть также довольно непростые отношения с кн. М.А. Оболенским. Во всяком случае, П.А. Бессонов впоследствии писал, что многие действия князя в отношении сотрудников архива «желчный Викторов... сравнивал с операцией паука»⁴¹.

Отдельно нужно остановиться на службе в архиве выдающегося российского историка-архивиста, будущего организатора и теоретика архивного дела в России Николая Васильевича Калачова (1819–1885). Согласно поданному при зачислении в архив прошению, Н.В. Калачов в 1836–1840 гг. учился на юридическом факультете Московского университета и в 1840 г. получил звание кандидата. После этого он был зачислен младшим помощником столоначальника в Министерство народного просвещения. Одновременно был откомандирован для занятий по собиранию и публикации документов в Археографическую комиссию. 10 января 1846 г. Н.В. Калачов подал прошение на имя кн. М.А. Оболенского о зачислении в МГАМИД. В результате 7 марта 1846 г. он был официально зачислен на должность библиотекаря⁴². В его задачу входило под наблюдением князя М.А. Оболенского списывание «документов исторического достоинства, относящихся до гражданского управления и администрации и принадлежащих к первым годам царствования Алексея Михайловича», а также дел

³⁷ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 1830. Л. 3.

³⁸ Там же. Д. 1149. Л. 3–4.

³⁹ Там же. Д. 2190. Л. 4.

⁴⁰ Там же. Д. 2237. Л. 5.

⁴¹ Белокуров С.А. Указ. соч. С. 6.

⁴² РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 498. Л. 1–1 об., 7–9, 14.

Посольского приказа⁴³. Впоследствии собранные и обработанные Н.В. Калачовым документы были изданы в III томе «Дополнений к актам историческим»⁴⁴. Кроме того, в 1847–1848 гг. он совместно с М.А. Оболенским разработал план издания Московским обществом истории и древностей российских записок иностранцев о России (С. Герберштейна, Дж. Флетчера, А. Олеария и др.). В апреле 1848 г., посыпая экземпляры этого издания А. Ф. Бычкову, князь Оболенский писал: «в этом издании принимают живое и деятельное участие ваш старый товарищ Н.В. Калачев и другие молодые люди, любящие науку и занятия»⁴⁵.

Работа в архиве и публикаторский труд успешно сочетались у Н.В. Калачова и с научно-педагогической деятельностью. После защиты в Московском университете диссертации на тему «Исследования о “Русской правде”» 17 апреля 1847 г. он был утвержден в степени магистра гражданского права⁴⁶, а также зачислен в действительные члены Общества истории и древностей российских при Московском университете⁴⁷. Успешно шла и его служебная карьера. В том же году Н.В. Калачову был присвоен чин титулярного советника⁴⁸.

Служба Н.В. Калачова в МГАМИД в качестве библиотекаря оказалась недолгой. После отставки его университетского учителя К.Д. Кавелина 14 мая 1848 г. Н.В. Калачов получил в университете должность экстраординарного профессора⁴⁹. Успешно совмещать работу в архиве, Археографической комиссии и преподавательскую деятельность в Московском университете было практически невозможно. В результате началась оживленная бюрократическая переписка, завершившаяся окончательным увольнением Н.В. Калачова 26 января 1849 г.⁵⁰ Можно добавить, что уходу Н.В. Калачова из архива также способствовал возникший тогда же описанный выше скандал, связанный с публикацией Обществом истории и древностей российских «Записок Дж. Флетчера», в подготовке которой он принимал активное участие.

В целом служба Н.В. Калачова в МГАМИД была недолгой. Но тем не менее она позволила ему хорошо изучить особенности

⁴³ Там же. Д. 572. Л. 1–3.

⁴⁴ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1848. 572 с.

⁴⁵ Белокуров С.А. Указ. соч. С. 7.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 180. Оп. 9. Д. 199. Л. 2, 9.

⁴⁷ Там же. Д. 200. Л. 1–2.

⁴⁸ Там же. Оп. 9. Д. 201. Л. 1–2.

⁴⁹ Там же. Д. 202. Л. 1–1 об.

⁵⁰ Там же. Л. 7.

организации работы архива и хранения в нем документов. Безусловно, Н.В. Калачов хорошо ознакомился с принципами работы Н.Н. Бантыш-Каменского, А.Ф. Малиновского и М.А. Оболенского, основанными на уважительном отношении к сложившимся группам документов (фондов). Кроме того, у него не могло не сложиться окончательно представление об архиве как в первую очередь научном учреждении и о том, что архивист может и должен быть одновременно и историком и публикатором. Впоследствии все эти идеи он успешно реализовал на посту руководителя Московского архива Министерства юстиции.

Заключение

Таким образом, на протяжении всей середины XIX в. МГАМИД сохранял в себе ярко выраженные черты важного правительственного учреждения, являвшегося составной частью бюрократического государственного аппарата Российской империи, с одной стороны, и крупного научно-публикаторского центра, занимавшегося публикацией и изучением документов российской истории, – с другой. Эти особенности архива наиболее четко заметны в деятельности его управляющего князя М.А. Оболенского, самым причудливым образом сочетавшего в себе важного чиновника-бюрократа и крупного историка и археографа. При этом нельзя не обратить внимания на то, что в архиве продолжали работать достаточно высокообразованные люди, представители интеллектуальной элиты московского общества, для многих из которых МГАМИД в конечном счете стал важным этапом на пути формирования их будущей блестящей научной карьеры.

Литература

Бухерт 1996 – *Бухерт В.Г.* Археографическая деятельность князя М.А. Оболенского // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 155–164.

Зайцев 2001 – *Зайцев А.Д.* Петр Иванович Бартенев и журнал «Русский архив». М., 2001. 280 с.

Карацуба 2007 – *Карацуба И.В.* Россия и Англия в зеркале книги Джайлса Флетчера: из истории общественного самосознания и национальных комплексов // Отечественные записки. 2007. № 5 (38). URL: <https://strana-oz.ru/2007/5/rossiya-i-angliya-v-zerkale-knigi-dzhaylsa-fletchera-iz-istorii-obshchestvennogo-samosoznaniya-i-nacionalnyh-kompleksov> (дата обращения: 04.03.2025).

Санин 2025 – *Санин О.Г.* Дипломатические архивы дореволюционной России. М.: ИНФРА-М, 2025. 341 с.

Строковская 2008 – Строковская Т.Е. История одного открытия // Научные труды на Русенский Университет. 2008. Т. 47. Серия 9. С. 15–21.

Хорхордина 2012 – Хорхордина Т.И. История архивоведческой мысли. М.: РГГУ, 2012. 448 с.

Хорхордина 2003 – Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003. 525 с.

References

Bukhert, V.G. (1996), “Archaeographic activity of Prince M.A. Obolensky”, *Arkhеографический ежегодник за 1994 г.*, Moscow, Russia, pp. 155–164.

Karatsuba, I.V. (2007), “Russia and England as reflected by Giles Fletcher’s book. From the history of public consciousness and national complexes”, *Otechestvennye zapiski*, vol. 38, no. 5, available at: <https://strana-oz.ru/2007/5/rossiya-i-angliya-v-zerkale-knigi-dzhaylsa-fletchera-iz-istorii-obshchestvennogo-samosoznaniya-i-nacionalnyh-kompleksov> (Accessed 4 March 2025).

Khorkhordina, T.I. (2003), *Rossiiskaya nauka ob arkhivakh: Iстория. Теория. Люди* [Russian science about archives. History. Theory. People], RGGU, Moscow, Russia

Khorkhordina, T.I. (2012), *Iстория архивоведческой мысли* [History of archival thought], RGGU, Moscow, Russia.

Sanin, O.G. (2025), *Diplomaticeskie arkhivy dorevolyutsionnoi Rossii* [Diplomatic archives of pre-revolutionary Russia], INFRA-M, Moscow, Russia.

Strokovskaya, T.E. (2008), “History of one discovery”, *Nauchni trudove na Rusenskiy Universitet*, vol. 47, series 9, pp. 15–21.

Zaitsev, A.D. (2001), *Petr Ivanovich Bartenev i zhurnal «Russkii arkhiv»* [Petr Ivanovich Bartenev and the “Russian Archive” journal], Moscow, Russia.

Информация об авторе

Олег Г. Санин, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; osanin@mail.ru;

ORCID ID: 0000-0002-4500-7322

Information about the author:

Oleg G. Sanin, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; osanin@mail.ru;

ORCID ID: 0000-0002-4500-7322

Архивисты и историки Оренбуржья: опыт взаимодействия

Елена В. Годовова

*Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия, godovova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие архивистов и историков Оренбуржья, анализируется их совместная работа, направленная на сохранение исторического наследия региона. Даётся описание складывания архивной службы Оренбуржья, которая за свою столетнюю историю стала главным проводником государственной политики в сфере архивного дела на территории Оренбургской области. Особое внимание в статье уделяется формам сотрудничества историков и архивистов. Подчеркивается заинтересованность архивистов во взаимодействии не только с профессиональными историками, но и с начинающими – студентами исторических факультетов высших учебных заведений областного центра. Такие формы работы, как проведение учебных занятий, прохождение студентами практик и стажировок на базе архивов, участие в архивных мероприятиях, позволяют выстроить диалог между студентами-историками и архивными работниками. О продуктивности научного сотрудничества архивистов и исторического сообщества Оренбуржья свидетельствуют различные его формы, такие как участие ученых-историков в работе Научного совета Объединенного государственного архива Оренбургской области, создание личных фондов, совместные научные проекты, публикации, конференции. Отдельное внимание в статье уделено участию представителей профессионального исторического сообщества в работе коллегиальных и совещательных органов комитета по делам архивов Оренбургской области. Автор приходит к выводу, что взаимодействие историков и архивистов Оренбуржья способствует популяризации истории края, работе с молодежью и развитию архивной отрасли.

Ключевые слова: архивоведение, архивная служба, Оренбургская область, комитет по делам архивов Оренбургской области, Объединенный государственный архив Оренбургской области, общественный совет при комитете по делам архивов Оренбургской области, историческое сообщество

Статья поступила в редакцию 23 мая 2025 г.;
принята к публикации 30 июня 2025 г.

Для цитирования: Годовова Е.В. Архивисты и историки Оренбуржья: опыт взаимодействия // История и архивы. 2025. Т. 7. № 4. С. 166–176.
DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-166-176

Archivists and historians of the Orenburg region. Experience of interaction

Elena V. Godovova

*Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russia, godovova@mail.ru*

Abstract. The article considers the interaction of the archivists and historians of the Orenburg region, analyzes their joint work aimed at preserving the region's historical heritage. It describes the formation of the Orenburg archival service, which, over its hundred-year history, has become the main conductor of state policy in the field of archival administration in the Orenburg region. Particular attention is paid to the forms of cooperation between historians and archivists. The interest of archivists in interacting not only with the professional historians, but also with the beginners, the students of the historical faculties of the regional center higher educational institutions, is emphasized. Such forms of work as conducting learning classes, student professional internships and practical training at the region's archives, students' participation in archival events make it possible to establish a dialogue between students-historians and archival staff. The productivity of scientific cooperation between the archivists and the historical community of the Orenburg region is evidenced by its various forms, such as the involvement of historians in the work of the Scientific Council of the United State Archives of the Orenburg Region, the creation of personal funds, joint scientific projects, publications, conferences. Special attention in the article is paid to the participation of the representatives of the professional community of historians in the work of the collegial and advisory bodies of the Committee for Archives of the Orenburg Region. The author comes to the conclusion that the interaction of the historians and archivists of the Orenburg region contributes to the popularization of the history of the region, promotes working with youth and benefits the development of the archives field.

Keywords: archival science, archival service, Orenburg region, Committee for Archives of the Orenburg Region, United State Archives of the Orenburg Region, Public Council within the Committee for Archives of the Orenburg Region, community of historians

The article was submitted for publication 23.05. 2025;
accepted for publication 30.06. 2025.

For citation: Godovova, E.V. (2025), "Archivists and historians of the Orenburg region. Experience of interaction", *History and Archives*, vol. 7, no. 4, pp. 166–176, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-166-176

Введение

Деятельность региональных архивных учреждений и вопросы взаимодействия архивистов и исторического сообщества – одна из обсуждаемых в отечественной историографии тем. Так, определению места сибирских архивов в современном информационном обществе посвящена статья В.В. Моисеева и К.В. Захарова [Моисеев, Захаров 2023]; основные виды сотрудничества Исторического архива Омской области с краеведческим сообществом анализируются Н.С. Храповой [Храпова 2022]; становлению и современному состоянию архивного дела в Республике Ингушетия посвящена публикация М.М. Картоева [Картоев 2019]; презентацию мультимедийного справочного ресурса в рамках взаимодействия вузов и архивных учреждений представили Е.М. Бурова и П.А. Кюнг [Бурова, Кюнг 2017]; вопросы взаимодействия вуза и государственного архива анализируются в публикации Е.В. Булюлиной [Булюлина 2003]; деятельность Историко-архивного института РГГУ как главного центра подготовки архивных кадров освещается в статье А.Б. Безбородова [Безбородов 2017]; о взаимодействии историков и архивистов в условиях информатизации исторической науки пишет Т.И. Хорхордина [Хорхордина 2017]. В рамках настоящей статьи хотелось бы поделиться опытом взаимной работы региональной архивной службы и исторического сообщества Оренбургской области.

Складывание архивной службы Оренбуржья

Декретом СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» от 1 июня 1918 г. была заложена правовая база для создания единой, централизованной архивной системы на всей территории страны.

15 сентября 1919 г. знаменует собой начало архивной службы в Оренбургской области. В этот день на совещании коллегии Оренбургского губернского отдела народного образования обсуждалось предложение представителя Центра по архивному делу об организации губернского отдела по делам архивов. С этого момента

начинается летопись архивной службы Оренбургской области. По решению коллегии губернского отдела народного образования здание архива было передано новосозданному губернскому отделу по делам архивов. В качестве временного представителя отдела был назначен Александр Петрович Михайлов. Таким образом, начался систематический процесс упорядочивания управления архивными документами в Оренбургской губернии, была инициирована централизация их хранения и заложены принципы непрерывности работы с документами.

Несмотря на то что комплектование государственного архива началось в 1920 г., его фонды начали формироваться с момента образования Оренбургской губернии в XVIII в.

Вопрос о создании архива впервые был поставлен оренбургским генерал-губернатором Н.А. Крыжановским. Он предложил организовать специальные комиссии для изучения материалов, касающихся географии, статистики и истории освоения природных богатств Оренбургского края, пригласив для этой работы известного краеведа Р.Г. Игнатьева. Однако упразднение Оренбургского генерал-губернаторства в июле 1881 г. прервало эти начинания, а судьба архива бывшей канцелярии генерал-губернатора стала решаться на государственном уровне. Важную роль в этом деле сыграл директор Петербургского археологического института академик Николай Васильевич Калачов. В сентябре 1881 г. в Оренбург были командированы сотрудники этого института А.В. Гаврилов и А.Н. Львов, которые констатировали, что архив обладает ценностями научными материалами, но находится в крайне неупорядоченном состоянии. В 1882 г. прибыл и сам Н.В. Калачов. Была составлена программа разбора архивных дел. Их предстояло разделить на три категории: «а) подлежащие хранению для справок официальных мест и лиц; б) исключительно имеющие значение для научного исследования края; в) подлежащие уничтожению» [Любичанковский 2013а]. Обязательно должны были быть составлены описи дел, назначенных к хранению.

Весной 1883 г. из состава комиссии и «частных» сотрудников были сформированы подкомиссии по три человека для решения спорных вопросов о сохранности документов. Если единогласия не достигалось, вопросы обсуждались всей комиссией. Кроме того, опираясь на собственный опыт, комиссия приняла решение об ужесточении критерии отбора документов: 1) из неоконченных дел не следует уничтожать те, которые содержат ценные сведения; 2) дела о рекрутской службе подлежат уничтожению, если в них нет интересных деталей; 3) просьбы о переселении, отклоненные правительственные учреждениями, также подлежат уничтожению. Со временем стало очевидно, что запланированную работу невоз-

можно завершить в ближайшем будущем, а финансирование неизбежно прекратится. В поисках решения директор Археологического института И.Е. Андреевский предложил создать в Оренбурге научную архивную комиссию, тесно связанную с Археологическим институтом и подчиненную Академии наук [Матвиевская 2020, с. 12]. Благодаря ее самоотверженной деятельности завершилась работа по разбору архива канцелярии оренбургского генерал-губернатора и был фактически создан прообраз единого регионального исторического архива [Любичанковский 2013б, с. 23–24].

Сегодня Объединенный государственный архив Оренбургской области – один из самых крупных региональных архивов современной России. Это государственное бюджетное учреждение было создано путем реорганизации в форме слияния государственного бюджетного учреждения «Государственный архив Оренбургской области» и государственного бюджетного учреждения «Оренбургский государственный архив социально-политической истории»¹.

Оренбургский областной архив является подведомственным учреждением комитета по делам архивов Оренбургской области, осуществляющим на территории субъекта федерации государственную политику в области архивного дела. В архивной службе Оренбургской области состоят 42 муниципальных отдела и архива.

Оренбургские архивы открыты для студентов-историков

Переходя к вопросу взаимодействия архивистов и историков, необходимо отметить, что именно выпускники исторических факультетов оренбургских вузов являются ключевыми кадрами в работе архивов области. Студенты, обучающиеся по историческому профилю, за период своего обучения неоднократно посещают Объединенный государственный архив Оренбургской области и архив города Оренбурга. На практико-ориентированных занятиях по источниковедению, истории Оренбургского края и архивно-музейной практике происходит первое знакомство ребят с архивом как местом хранения исторических источников. Во время экскурсии по архиву студентов знакомят с работой сектора страхового

¹ Постановление правительства Оренбургской области № 401-пп от 25.05.2021 «О создании государственного бюджетного учреждения «Объединенный государственный архив Оренбургской области» // Официальный сайт Комитета по делам архивов Оренбургской области. URL: <https://komarchive.orb.ru/upload/uf/7ed/Sozdanie-OGAOO.pdf> (дата обращения: 22.06.2025).

копирования, фондохранилища, библиотеки. Те студенты, кто хочет поближе познакомиться с деятельностью архивистов, имеют возможность пройти двухнедельную стажировку в областном архиве, а те, кто занимается научными исследованиями, уже с первого курса имеют возможность исследовать архивные документы. Студенты исторических факультетов вместе со своими преподавателями являются и главными посетителями выставок, лекториев, практических занятий, которые проводят оренбургские архивисты. С 2022 г. Объединенный государственный архив Оренбургской области первым вошел в число учреждений культуры, реализующих культурно-просветительский проект «Пушкинская карта». Это позволило укрепить взаимодействие архивистов и студентов-историков, которые с удовольствием приобретают билеты на такие мероприятия, как встреча «Тайны на страницах документов личного происхождения», экскурсия «Дом, где живут архивы», архивменторинг «По страницам метрических книг» и др.

Научное сотрудничество историков и архивистов

Достаточно продуктивно выстроено научное взаимодействие архивистов и исторического сообщества Оренбуржья.

Во-первых, представители сообщества – преподаватели-историки вузов, музейные работники, общественные деятели, занимающиеся историческим просвещением, – входят в состав научного совета Объединенного государственного архива Оренбургской области. Этот совещательный орган коллегиально рассматривает и координирует научно-исследовательскую и публикаторскую сферу архивной деятельности. Так, 7 июня 2024 г. состоялось заседание Научного совета ГБУ «ОГАОО», посвященное 290-летию уникального архивного документа «Привилегия г. Оренбургу», пожалованной императрицей Анной Иоанновной 7 июня 1734 г. На нем обсуждались следующие вопросы: история создания «Привилегии», ключевые постулаты ее текста, лингвистические аспекты «Привилегии» в контексте развития русского языка и вопросы формирования многонационального и многоконфессионального состава Оренбургского края. По итогам заседания Научного совета принято решение рекомендовать областному архиву разработать меры по популяризации «Привилегии» как уникального исторического источника; представителям научной общественности, осуществляющим преподавательскую деятельность, включить ее изучение в темы курсовых и дипломных работ, а также провести студенческие конференции по данной теме; Оренбургскому союзу архивистов поручено исследовать общественное восприятие

наследия императрицы Анны Иоанновны, графа Андрея Остермана и князя Алексея Черкасского².

Во-вторых, историки Оренбуржья стали фондобразователями областного архива. В Объединенном государственном архиве Оренбургской области созданы личные фонды Ю.С. Зобова, В.В. Дорofеева, С.В. Любичанковского, Д.А. Сафонова, Е.В. Годовой, В.Г. Синельникова, П.К. Десятерика, В.М. Войнова, А.В. Федоровой, семейный фонд П.Е. Матвиевского и Г.П. Матвиевской и других историков³. Эта деятельность архива свидетельствует о новом видении миссии архивных учреждений.

В-третьих, совместная реализация научных исследований. Например, в этом году стартовал большой проект «Академическая история Оренбургского края», над которым в течение трех лет историки и архивисты будут работать совместно.

В-четвертых, привлечение историков-специалистов к реализации в деятельности областного архива научной составляющей. Так, к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. была издана книга «Нефронтовые будни Оренбуржья: хроника тыла». Это издание, подготовленное на основе архивных документов из фондов Объединенного государственного архива Оренбургской области, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива кинофотофонодокументов и периодических печатных изданий, содержит известную и малоизвестную информацию об эвакуации в наш тыловой регион населения, промышленных предприятий, учреждений, театров, музеев и архивов; о работе эвакогоспиталей; о производстве боеприпасов и всего того, в чем остро нуждался фронт; учебных заведений, библиотек, вспышках эпидемических заболеваний, нападениях волков и многом другом, что составляло жизнь обычного человека в годы военного лихолетья, о том, чем жила Оренбургская (в тот период Чкаловская) область в те суровые годы. Научным консультантом и автором предисловия выступила доктор исторических наук, профессор А.В. Федорова.

В-пятых, проведение совместных мероприятий. Историки принимают участие в научных мероприятиях, организованных архи-

² Дельмухамедова Д.Н. Празднование в честь уникального архивного документа в г. Оренбурге // Портал архивы России. URL: <https://rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-archivnye/9407/prazdnovanie-v-uchestv-unikalnogo-dokumenta-v-orenburge> (дата обращения: 22.06.2025).

³ Список фондов личного происхождения, находящихся на хранении в ГБУ «ОГАОО» (до 1917 г.) на 01.01.2025 // Официальный сайт Объединенного государственного архива Оренбургской области. URL: <https://archive.orb.ru/activity/54755/> (дата обращения: 22.06.2025).

вистами. Это, например, историко-краеведческие чтения с международным участием «Россия, которую увидел Пушкин, и Пушкин, которого увидела Россия: оренбургское путешествие 190 лет назад» и конференция «Помним. Чтим. Храним: сохранение документов военных комиссариатов периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. как источников исторической памяти и культурного наследия», а также конференция «Помним. Чтим. Храним: проблемы сохранения исторической памяти о героях и событиях специальной военной операции как основы национального сознания». Архивисты принимают участие в мероприятиях, проходящих на базе Оренбургского государственного педагогического университета: Фестивале популярной науки, международной научно-практической конференции «Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен», Дорофеевских краеведческих чтениях и др.

Участие историков в работе коллегиальных органов, действующих при комитете по делам архивов Оренбургской области

Говоря о взаимодействии архивного и исторического сообществ Оренбуржья, необходимо остановиться на деятельности общественного совета при комитете по делам архивов Оренбургской области, так как его состав на 70 % состоит из профессиональных историков – двух докторов (председатель и заместитель председателя совета) и двух кандидатов исторических наук (члены совета). Приоритетными направлениями деятельности Общественного совета в 2024 г. были следующие: участие в разработке и реализации государственной и региональной политики в области архивного дела; мониторинг и контроль за деятельностью Комитета по делам архивов и его подведомственных учреждений, а также содействие прозрачности и открытости в их работе; цифровизация документов архивных органов и учреждений Оренбургской области; участие членов общественного совета в мероприятиях, направленных на повышение осведомленности населения о важности архивов и их роли в сохранении исторического наследия; оказание поддержки архивам в обеспечении условий для хранения и использования архивных документов; деятельность членов общественного совета, направленная на историческое просвещение⁴.

⁴ Отчет по работе общественного совета комитета по делам архивов Оренбургской области за 2024 год. URL: <https://komarchive.orb.ru/about/obshchestvenny-sovet/vayskomadmin/> (дата обращения: 22.06.2025).

Председатель общественного совета (автор настоящей статьи) входит в состав коллегии комитета по делам архивов Оренбургской области, комиссии по профилактике административных правонарушений в архивном деле на территории Оренбургской области и комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов. Работая в этих совещательных и коллегиальных органах, представитель исторического сообщества получает возможность участвовать в рассмотрении актуальных вопросов регулирования и развития архивного дела на территории Оренбургской области.

Заключение

Таким образом, взаимодействие оренбургского исторического сообщества и архивистов начинает выстраиваться с момента обучения историков в вузе, а продолжается в виде совместной научной, общественной и просветительской деятельности, направленной на созидательное развитие Оренбургской области.

Литература

Безбородов 2017 – *Безбородов А. Б. Историко-архивный институт РГГУ сегодня: модель гуманитарного образования* // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2017. № 4 (10). С. 109–115.

Булюлина 2003 – *Булюлина Е. В. Вопросы взаимодействия вуза и государственного архива в контексте проблемы использования архивных документов* // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 6: Университетское образование. 2003. № 6. С. 103–105.

Бурова, Кюнг 2017 – *Бурова Е.М., Кюнг П.А. О взаимодействии вузов и архивных учреждений (презентация мультимедийного справочно-методического ресурса)* // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2017. № 1(7). С. 117–121.

Картоев 2019 – *Картоев М.М. Становление архивов и архивного дела Республики Ингушетия: от истории к современности* // История и архивы. 2019. № 1. С. 89–101.

Любичанковский 2013а – *Любичанковский С.В. Академический сборник документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период как фактор развития региональной исторической науки* // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 1. С. 164–166.

Любичанковский 2013б – *Любичанковский С.В.* Археологический институт Н.В. Калачова и зарождение архивного дела в Оренбургском крае: вторая половина XIX в. // Вестник архивиста. 2013. № 4 (124). С. 15–24.

Матвиевская 2020 – *Матвиевская Г.П.* ОУАК: краткая история // Оренбургская ученая архивная комиссия: ее «Труды» и авторы / Г.П. Матвиевская, А.Г. Прокофьева и др. Оренбург: ООО «Оренбургское кн. изд-во им. Г.П. Донковцева», 2020. С. 10–81.

Моисеев, Захаров 2023 – *Моисеев В.В., Захаров К.В.* Сибирские архивы в современном информационном обществе // История и архивы. 2023. № 2. С. 101–115.

Хорхордина 2017 – *Хорхордина Т.И.* Историк и архивист: взаимодействие в интересах информационного обеспечения исторической науки // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки. М.: Об-во с ограниченной ответственностью «Изд-во «Этерна», 2017. С. 757–767.

Храпова 2022 – *Храпова Н.С.* Основные формы взаимодействия Исторического архива Омской области с краеведческим сообществом // Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX – начале XXI в.: основные проблемы и перспективы развития: Сб. научных трудов / под ред. П.П. Вибе. Омск: Бюджетное учреждение культуры Омской области «Омский государственный историко-краеведческий музей», 2022. С. 160–165.

References

Bezborodov, A. B. (2017), “Institute for history and archives of the RSUH today. A model for humanities education”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Records Management and Archival Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security” Series*, vol. 10, no. 4, pp. 109–115.

Bulyulina, E.V. (2003), “Issues of the interaction between a higher educational institution and a state archives within the context of archival documents’ usage”, *Science Journal of Volgograd State University. Series 6: University Education*, no. 6, pp. 103–105.

Burova, E.M. and Kyung, P.A. (2017), “The interaction of universities and archival institutions (presentation of the multimedia information and educational resource)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Records Management and Archival Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security” Series*, vol. 7, no. 1, pp. 117–121.

Kartoev, M.M. (2019), “Formation of archives and archival affairs of the Republic of Ingushetia. From history to the present”, *History and Archives*, no. 1, pp. 89–101.

Khorkhordina, T. I. (2017), “A historian and an archivist. Interaction for the information support of the science of History”, in *Role’ arkhivov v informatsionnom obespechenii istoricheskoi nauki* [The role of archives in information support of the science of history], Obshchestvo s ogranicennoi otvetstvennostyu «Izdatel’stvo “Eterna”», Moscow, Russia, pp. 757–767.

Khrapova, N.S. (2022), "The main forms of interaction of the Omsk Region Historical Archives with the community of local history", in Vibe, P.P., ed., *Gosudarstvennoe kraevedenie v Rossiiskoi Federatsii v kontse XX – nachale XXI vv.: osnovnye problemy i perspektivy razvitiya: Sbornik nauchnykh trudov* [State local history in the Russian Federation at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries. The main issues and development prospects. Collected scientific papers], Omsk: Byudzhetnoe uchrezhdenie kul'tury Omskoi oblasti «Omskii gosudarstvennyi istoriko-kraevedcheskii muzei», Omsk, Russia, pp. 160–165.

Lyubichankovskii, S.V. (2013), "The academic document collection on the pre-revolutionary period of the Orenburg regional history as a factor of the development of the regional historical studies", *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences*, vol. 15, no. 1, pp.164–166.

Lyubichankovsky, S.V. (2013), "Kalachov's Archaeological Institute and the rise of archives administration in the Orenburg region in the second half of the 19th century", *Herald of an Archivist*, vol. 124, no. 4, pp. 15–24.

Matvievskaya, G.P. (2020), "OSAC. A short overview", in Matvievskaya, G.P. and Prokofieva, A.G. et al., eds., *Orenburgskaya uchenaya arkhivnaya komissiya: ee «Trudy» i avtory* [Orenburg Scientific Archival Commission: its "Works" and authors], Orenburg Book Publishing House named after G.P. Donkovtsev, Orenburg, Russia, pp. 10–81.

Moiseev, V.V. and Zakharov, K.V. (2023), "Siberian archives in the modern information society", *History and Archives*, no. 2, pp. 101–115.

Информация об авторе

Елена В. Годовова, доктор исторических наук, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия; Россия, 460014, Оренбург, Советская ул., д. 19; godovovo@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5798-3413

Information about the author

Elena V. Godovova, Dr. of Sci. (History), Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia; 19, Sovetskaya St., Orenburg, Russia, 460014; godovovo@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5798-3413

Архивы и библиотеки: возможности взаимодействия в цифровую эпоху

Наталья Г. Суровцева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, surovtsseva.n@rggu.ru*

Аннотация. Лавинообразный рост информации, последовавший с развитием вычислительной техники, привел к значительным изменениям в сфере работы библиотек и архивов и потребовал научного осмысления не только технологии работы с документами, но и самого предмета исследования – документа. Автор отмечает существенные различия между книжными и библиотечными собраниями, которые исторически сложились и были связаны со степенью публичности хранящихся документов. Однако по мере развития научно-технического прогресса стал периодически возникать вопрос о создании научной дисциплины, изучающей документы и книги на единых теоретических основаниях. В статьедается оценка возможной интеграции документоведения, архивоведения, книговедения и библиотековедения в современных условиях. На протяжении всего времени отечественные ученые-документоведы, начиная с К.Г. Митяева, сопротивлялись созданию общего документоведения, объединяющего в своем предмете книгу и документ, объясняли социальную специфику документа. Однако информационная природа документа и книги позволяет реализовать при их изучении междисциплинарный подход, поэтому его продолжают поддерживать специалисты в области библиотечного дела. Автор обращает внимание, что в большей степени такой подход является трансдисциплинарным и ограничивается заимствованием понятийного и категориального аппарата. Возможности интеграции дисциплин документального цикла автор видит в единстве информационного процесса и его реализации на основе современных информационных технологий в рамках документальных систем, изучением которых традиционно занимается документалистика.

Ключевые слова: архивы и библиотеки, междисциплинарный подход, трансдисциплинарность, документоведение, документалистика, цифровая документалистика

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2025 г.;
принята к публикации 30 июня 2025 г.

© Суровцева Н.Г., 2025

Для цитирования: Суровцева Н.Г. Архивы и библиотеки: возможности взаимодействия в цифровую эпоху // История и архивы. 2025. Т. 7. № 4. С. 177–186. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-177-186

Archives and libraries. Opportunities for interaction in the digital age

Natalia G. Surovtseva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, surovtsseva.n@rgu.ru*

Abstract. The avalanche-like growth of information that followed the development of computing technology led to significant changes in the work of libraries and archives and required not only a scientific understanding of the technology of dealing with documents, but it also necessitated the comprehension of the subject of research itself – the document. The author underlines significant differences between the book and library collections, which developed historically and were associated with the degree of publicity of the stored documents. However, as scientific and technological progress advanced, the question arose about the creation of a scientific discipline connected with the study of documents and books on a single theoretical basis. The article provides an assessment of the possible integration of document science, archival science, book science and library science in modern conditions. At all times, Russian scholars-documentalists, starting with K.G. Mityaev, resisted the creation of a joint document management science that could combine in its subject both a book and a document; they highlighted the social specifics of the document. However, the information nature of the document and the book allows us to use an interdisciplinary approach to study them, which is why this slant on the issue continues to be supported by librarians. The author draws attention to the fact that such an approach is transdisciplinary to a greater extent, and it is limited to the use of the conceptual and categorical apparatus. The author sees the possibilities of integrating the disciplines of the documentary cycle in the unity of the information process and in its implementation based on modern information technologies within the framework of the documentary systems, which are traditionally studied by document management.

Keywords: archives and libraries, interdisciplinary approach, transdisciplinarity, documentary studies, document management, digital document management

The article was submitted for publication 02.02.2025;
accepted for publication 30.06.2025.

For citation: Surovtseva, N.G. (2025), "Archives and libraries. Opportunities for interaction in the digital age", *History and Archives*, vol. 7, no. 4, pp. 177–186, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-177-186

Введение

На протяжении столетий человечество стремилось сохранить наиболее важные сведения, которые могли потребоваться в самых разных социально-политических, хозяйственных ситуациях, для удовлетворения духовных потребностей и закрепления морально-нравственных ориентиров социума. Сохранение этих сведений с момента появления письменности осуществлялось путем их закрепления на различных отчужденных от человека материальных объектах, которые со временем специально создавались для этой цели и в конце концов получили название «материальных носителей». И наиболее эффективным из таких носителей на протяжении столетий оставалась бумага. Бумаги, содержащие такие сведения, постепенно накапливались, образуя собрания, из которых стали формироваться архивы и библиотеки. Первоначально архивные и библиотечные собрания мало отличались друг от друга. Фундаментальное современное различие между ними, связанное с хранением, с одной стороны тиражируемых изданий, с другой – документов как первичных источников фиксированной информации, сформировалось не сразу. Состав собрания определялся ценностью бумаги. Да и сегодня в архивах могут храниться уникальные и особо ценные печатные издания, а крупнейшие библиотеки могут гордиться своими рукописными коллекциями.

Исторически постепенно стала проявляться специфика архивных и книжных собраний, и определялась она отнюдь не типами хранящихся в них бумаг, а отношением собственника собрания к степени его публичности. Библиотека стала публичным явлением, была гордостью владельца, не скрывалась от социального окружения, поскольку свидетельствовала в том числе о статусе владельца в социуме. Архивы же были скрытыми собраниями, их защищали, запирали, скрывали, то есть всячески оберегали от чужого глаза. Первые читальные залы для посетителей в архивах появились, когда уже существовали десятки публичных библиотек. В нашей стране особое отношение к обеспечению сохранности документов в архиве нашло отражение в технологии процесса их использования: пользователю необходимо при первом посещении архива предъявить специальный документ, подтверждающий тематику его научных исследований; архив до сих пор оставляет за собой право принять решение относительно возможности выдачи или невыдачи

документов; доступ пользователей к значительному ряду документов, находящихся на архивном хранении, ограничен. Очевидно, что традиционно задачей архивов было не выдавать по запросам пользователей, а хранить документы, значительная часть которых отражала процессы государственного управления и использовалась для реализации государственных задач.

Основная часть

Развитие научно-технического прогресса в XX в. значительно изменило социальную ситуацию вокруг архивов и библиотек. Лавинообразный рост информации привел к экспоненциальному увеличению документов и изданий в обществе, что потребовало совершенствования технологии работы с ними в библиотеке и в архиве. И первым шагом на пути к этому совершенствованию стала разработка классификационной модели и принципов отбора документов в собрания библиотек и фонды государственных архивов. Именно поиску такой классификационной модели мы обязаны, во-первых, возникновению документоведения и, во-вторых, постоянным попыткам библиотечного сообщества трансформировать отечественное документоведение в метанауку о документе в широком его понимании, как любой зафиксированной на носителе информации. Не вдаваясь глубоко в историю выработки методических решений по поводу классификации и систематизации документов и изданий, вспомним, что значительное влияние на решение этого вопроса оказал небезызвестный Поль Отле, которого некоторые исследователи считают родоначальником документоведения. Именно П. Отле в начале 1930-х гг. возглавил Международный институт документации (1931 г.) и написал Трактат о документации (1934 г.). Это с его легкой руки в обращение вошло слово «документация (documentation)», смысл которого существенно отличался от современного его понимания в отечественном документоведении.

Несмотря на то что в действующем терминологическом стандарте термин «документация» отсутствует, в нем есть термины «система документации» и «научно-техническая документация», из которых можно понять, что слово «документация» используется для обозначения некоторой совокупности документов во всем их разнообразии. И именно в таком значении мы используем это слово в профессиональном дискурсе. Однако проблема заключается в том, что данное иностранное слово многозначно. Точно так же, как, например, слово «организация» означает и учреждение, и упорядоченную структуру, и процесс деятельности по упорядочению, слово «классификация» означает и систему распределения,

и действие по этому распределению, слово «документация» изначально также было многозначным и наряду с совокупностью документов означало деятельность по обработке этих документов. Именно в этом значении его использовал П. Отле, предлагая обозначить им также научную дисциплину, изучающую эти процессы. Об этой идее П. Отле знали отечественные архивисты и использовали ее для обозначения направления деятельности, связанного с разработкой классификации документов в целях их отбора для архивного хранения, что позднее трансформировалось в создание отдельной научной дисциплины – документоведение.

За рубежом идеи П. Отле получили иную траекторию развития в рамках содержательной классификации научной и технической информации в библиотечной сфере, а понятие «документация» сохранилось для обозначения деятельности по непрерывному и систематическому сбору и обработке записанной информации в целях ее хранения, классификации, поиска, использования или передачи¹.

Таким образом, использование зарубежного опыта 1930-х гг. в развитии и продвижении понятия «документация» привело к разным решениям для архивов и библиотек. В архивном деле осознание необходимости новых решений привело к созданию документоведения – научной дисциплины, изучающей виды и системы документации в историческом развитии. Именно видовой состав документов, обусловленный их функциональным значением в социальной сфере, в управлении обществом, как квинтэссенции социальных отношений стал основой построения классификационной схемы. В библиотечном деле в основу систематизации было положено содержание публикации, ее связь с отраслью знаний, сферой профессиональной деятельности, что выразилось в создании ГРНТИ – государственного рубрикатора научно-технической информации, иерархического классификатора изданий и публикаций по содержанию. Но вот что примечательно, на протяжении почти всего XX в. отечественное библиотечное сообщество стремится развивать свою теоретическую мысль совместно с архивоведением и документоведением, в рамках единого научного пространства, наполняя его своими смыслами документированной информации. И весь этот период представители документоведения и архивоведения противостояли такому слиянию, обосновывая свою специализацию. Обращаясь к этому вопросу, еще К.Г. Митяев отмечал, что не разделяет «расширительное толкование» документа в современной документалистике, разрабатывающей вопросы информации, которая относит к документам также книги, поскольку они также

¹ ISO 5127: 2015 Information and documentation – Foundation and vocabulary.

содержат информацию и передают ее во времени и на расстоянии. Однако он видел различие между книгой и документом в том, что «документы всегда первоисточники знаний, тогда как книги – средство распространения знаний»². Эту позицию К.Г. Митяева поддерживал В.Н. Автократов, он также видел различие между книгой и документом в их целевом назначении: документ, как правило имеет целевой адрес, а книга – нет³. Позднее, когда с принятием закона «Об обязательном экземпляре документа»⁴ в библиотечном деле стали активно использовать понятие «документ» и начали расширять предмет документоведения, разрабатывать «общую теорию документа», К.Б. Гельман-Виноградов [Гельман-Виноградов 2005], В.П. Козлов [Козлов 2009, с. 7] выступили против такой интеграции. В последние годы последовательная позиция против объединения в рамках единой научной дисциплины документа и книги была высказана в синергетической теории документа Г.А. Двоеносовой [Двоеносова 2018] и Н.Г. Суровцевой [Суровцева 2022] в рамках антропологического подхода в документоведении и архивоведении [Суровцева 2017; Хорхордина 2024].

Вообще стремление к интеграции является закономерным результатом развития междисциплинарного подхода. Активное использование зарубежного опыта, а также проблематики, продвигаемой международными организациями, способствует закреплению междисциплинарного подхода в качестве основной научной методологии в нашей стране, особенно после распада СССР и отмены исторического материализма как идеологии гуманитарных исследований. Надо признать, что за весь период своего существования междисциплинарность претерпела существенные изменения. На первых порах она предполагала использование в рамках той или иной научной дисциплины методов других наук, что позволило этим дисциплинам существенно продвинуться в познании собственного предмета исследования. Междисциплинарные методы продвигали специализацию вглубь. В качестве таких решений можно привести несколько примеров, весьма значимых для развития науки в XX в. К ним относятся применение математических методов в исторических исследованиях, системный подход, синергетическая теория, позволившая реализовать методологию физической

² Митяев К.Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития // Вопросы архивоведения. 1964. № 2. С. 30–31.

³ Автократов В.Н. Некоторые аспекты исследования объекта и предмета архивоведения // Труды ВНИИДАД. Т. 6. Ч. 1. М., 1976. С. 22–25.

⁴ Федеральный закон № 77-ФЗ от 29 декабря 1994 г. «Об обязательном экземпляре документов» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 января 1995 г. № 1. Ст. 1.

теории в других дисциплинах. Это все результат междисциплинарного подхода. Однако сегодня междисциплинарность в основном стала подменяться трансдисциплинарностью, стремлением к объединению научных дисциплин. Специалисты отмечают, что малый эффект трансдисциплинарности обусловлен тем, что авторы той или иной интеграционной теории в большей степени остаются на позиции базовой своей научной дисциплины [Бушмакина 2017, с. 16]. В большинстве случаев развитие трансдисциплинарности ведет к захвату, присвоению, рецепции терминологии других наук и мало влияет на содержание практической сферы предметной области научной дисциплины. Именно присвоение термина «документ» библиотечной сферой порождает «общее документоведение» или «документологию». Однако возникает вопрос – как это повлияло на технологию работы библиотеки? Насколько мы можем судить, никаких изменений, связанных с развитием документологии, в практике работы библиотек не последовало. Следует отметить, что и наша профессиональная сфера деятельности стала активно заимствовать понятия, свойственные, например, описанию человеческой жизнедеятельности. Самый яркий пример – «жизненный цикл» документа, то же касается всего, что связано с использованием термина «память»: документальная память, память мира, национальная память, историческая память и др. Именно концепция документальной памяти лежит в основе конвергенции информационных ресурсов архивов и библиотек и порождает попытки обосновать еще одну новую дисциплину – документальную коммуникологию [Афиани 2023]. Однако сих пор все попытки создания единой науки о документе и книге не увенчались успехом.

Несмотря на такие ограниченные успехи применения междисциплинарного подхода для создания общей науки о документе, на самом деле проблема интеграции дисциплин документального цикла существует, она обусловлена информационной сущностью книг, изданий, управлеченческих и архивных документов, обладающих одним из решающих свойств информации – свойством неисчерпаемости, которое позволяет ей быть многократно использованной, что возможно лишь в условиях сохранения документов. Библиотеки и архивы объединяет также единая структура информационного процесса, его стадии, включающие отбор, обработку, хранение и использование информации. Все, что в данных сферах научных исследований и профессиональной деятельности связано с информационной, содержательной компонентой, является объединяющим аспектом, однако специфика социальной функции документа весьма различна. И именно она определяет технологию работы с документированной информацией в управлении, в библиотеке и в архиве, а следовательно, и научно-дисциплинарную специализацию.

Заключение

Для формирования аксиоматической составляющей для всех дисциплин документального цикла необходима теория информации, но не та, которая существует в рамках действующей дисциплины с аналогичным названием, носит технологический характер и сведена к теории сигналов в компьютерной среде. Необходима социальная теория информации, включающая основные положения развития информационных процессов в обществе, социальной функции документа. Именно такая задача сегодня решается в Историко-архивном институте в рамках преподавания дисциплины «Теория информации». Содержание этой дисциплины заключается в раскрытии универсальных аксиоматических положений в понимании информации, имеющих значение для архивоведения и документоведения, сюда же можно отнести и библиотечную сферу.

Для архивов и библиотек есть еще один важный сближающий фактор – это информационная система. Тип информационной системы, которую следует называть документальной системой. Специфика документальных систем заключается в том, что смысловое, содержательное значение имеют не сведения в базе данных информационной системы, а связанные с ними файлы документов. Система выполняет лишь учетно-поисковые функции по отношению к ним. Исторически проблематикой, вопросами развития и применения больших документальных систем занималась документалистика – наука, которая, казалось бы, сохранилась только в названии нашей научной специальности. Мы считаем, что стоит более внимательно отнестись к ее междисциплинарному потенциалу, поскольку сегодня перспективы развития практически любой научной дисциплины и сферы деятельности связаны с применением информационных технологий.

Современные информационные системы значительно отличаются по своим возможностям от автоматизированных информационных систем даже двадцатилетней давности. Они используют новейшие технологические решения (в том числе и применение искусственного интеллекта) по сбору и отбору информации, ее обработке, обеспечению сохранности и доступу к ней. Больше того, именно для документальных систем, обладающих большим объемом неструктурированной информации, наиболее активно внедряются инструменты, использующие искусственный интеллект. Возможно, нам следует оставить попытки создания новых дисциплин на основе рефлексии предмета изучения – документа, а обратиться вновь к документалистике, которая по своей природе носила интегрирующий характер? Новый технологический уровень позволит нам использовать цифровую документалистику

в качестве дисциплины, разрабатывающей общую теорию для документа и книги на основе информационных процессов и систем.

Литература

Афиани 2023 – *Афиани В.Ю.* Виртуальный архив и виртуальная библиотека: общее и особенное // Документ упорядочивает жизнь: Сб. статей по материалам круглого стола. М.: РГГУ, 2023. С. 98–104.

Бушмакина 2017 – *Бушмакина Ю.В.* Междисциплинарный подход в современном историческом знании // Вестник ПГГПУ. Серия № 3: Гуманитарные и общественные науки. 2017. Вып. 2. С. 7–20.

Гельман-Виноградов 2005 – *Гельман-Виноградов К.Б.* Трудности научной трактовки понятия «документ» и пути их преодоления // Отечественные архивы. 2005. № 6. С. 39–50.

Двоеносова 2018 – *Двоеносова Г.А.* Синергетическая теория документа в развитии документоведческой мысли // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1060–1068.

Козлов 2009 – *Козлов В.П.* Общая теория документа: доклад на VI Всероссийской научной конференции «Архивоведение и источникование отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе» // Делопроизводство. 2009. № 3. С. 3–12.

Суровцева 2022 – *Суровцева Н.Г.* Междисциплинарный подход в документоведении // История и архивы. 2022. № 4. С. 96–105.

Суровцева 2017 – *Суровцева Н.Г.* Антропология документа: к постановке проблемы // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее: Сб. материалов 3-й Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Т.В. Кузнецовой. М.: Термика, 2017. С. 143–147.

Хорхордина 2024 – *Хорхордина Т.И.* Архивы личного происхождения. М.: Весь Мир, 2024. 808 с.

References

Afiani, V. Yu. (2023), “Virtual archive and virtual library. Common and special”, in *Dokument uporyadochivaet zhizn': Sbornik statei po materialam kruglogo stola* [The document regulates life. A collection of articles based on the materials of the round table], RGGU, Moscow, Russia, pp. 98–104.

Bushmakina, Yu.V. (2017), “Interdisciplinary approach and modern historical knowledge”, *Vestnik PGGPU. Seriya № 3: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, iss. 2, pp. 7–20.

Gel'man-Vinogradov, K.B. (2005), “Difficulties of scientific interpretation of the concept of document and the ways to overcome them”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 6, pp. 39–50.

Dvoenosova, G.A. (2018), "Synergetic theory of a document in the evolution of document science", *Herald of an Archivist*, no. 4, pp. 1060–1068.

Khorkhordina, T.I., (2024), *Arkhivy lichnogo proiskhozhdeniya* [Archives of personal provenance in Russia], Ves' mir, Moscow, Russia.

Kozlov, V.P. (2009), "General theory of the document: report at the VI All-Russian Scientific Conference 'Archival Science and Source Studies of Russian History. Problems of Interaction at the Present Stage'", *Deloproizvodstvo*, no. 3, pp. 3–12.

Surovtseva, N.G. (2022), "Interdisciplinary approach in Records Management", *History and Archives*, no. 4, pp. 96–105.

Surovtseva, N.G. (2017), "The anthropology of the document: towards the formulation of the problem", in *Upravlenie dokumentatsiei: proshloe, nastoyashchee, budushchee: Sb. materialov 3-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora T.V. Kuznetsovo* [Document management: past, present, future. Proceedings of the 3rd International Scientific-Practical Conference Dedicated to the Memory of professor T.V. Kuznetsova], Termika, Moscow, Russia, pp. 143–147.

Информация об авторе

Наталия Г. Суровцева, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; nataliyasurovceva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-2942-8372

Information about the author

Natalia G. Surovtseva, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; nataliyasurovceva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-2942-8372

УДК 004.930.25(470.54)
DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-187-196

Система государственных пабликов
как новый инструмент коммуникации
между обществом и государственными архивами.
Опыт Свердловской области

Оксана В. Селезнева

*Государственный архив административных органов
Свердловской области,
Екатеринбург, Россия, selezneva@gaaoso.ru*

Аннотация. Будучи частью системы государственных институтов, архивы вписаны в программу цифровой трансформации России, одним из приоритетных направлений которой является оказание услуг гражданам с помощью сетевых ресурсов. Новая коммуникационная политика российских архивов реализуется сегодня в том числе через систему государственных пабликов – официальных страниц в социальных сетях архивных ведомств, государственных и муниципальных архивных учреждений. Использование нового инструмента существенно упростило взаимодействие архивов с обществом и в то же время потребовало от архивистов новых компетенций. В данной статье рассмотрен опыт работы в социальных сетях Управления архивами Свердловской области – органа государственной власти Свердловской области, уполномоченного в области архивного дела. Анализ линейных диаграмм посещения госпаблика позволил определить социально-демографические характеристики посетителей и самые востребованные типы контента. При этом отмечены проблемы, возникающие в процессе освоения нового канала коммуникации: ограниченная аудитория паблика, отсутствие у архивистов опыта работы с технологиями в области Social Media Marketing и другие. В то же время с появлением нового канала коммуникации в работе свердловских архивов произошли важные изменения к лучшему: вовлечение молодой аудитории в работу с архивной информацией, повышение оперативности при взаимодействии архивов и граждан, формирование прямого канала обратной связи с обществом.

Ключевые слова: архив, социальные сети, коммуникационная политика архивов, государственный паблик, использование архивных документов, коммуникационные технологии, пользователи архивной информации

© Селезнева О.В., 2025

Статья поступила в редакцию 13 апреля 2025 г.;
принята к публикации 1 сентября 2025 г.

Для цитирования: Селезнева О.В. Система государственных пабликов как новый инструмент коммуникации между обществом и государственными архивами. Опыт Свердловской области // История и архивы. 2025. Т. 7. № 4. С. 187–196. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-187-196

The system of state public publications
as a new communication tool
between society and state archives.
The experience of the Sverdlovsk region

Oksana V. Selezneva

*State Archive of Administrative Bodies of the Sverdlovsk region,
Ekaterinburg, Russia, selezneva@gaaoso.ru*

Abstract. As part of the system of state institutions, archives are included in the digital transformation program of Russia, where one of the priority areas is the provision of services to citizens using online resources. The new communication policy of Russian archives is being implemented today, among other things, through the system of state publics – official pages in social networks of archival departments, state and municipal archival institutions. The use of the new tool has significantly simplified the interaction of archives with society and, at the same time, required new competencies from archivists. The article considers the experience of working in social networks of the Archives Department of the Sverdlovsk Region assigned to act in the field of archival affairs. An analysis of linear diagrams of visits to the state public made it possible to determine the socio-demographic characteristics of visitors and the most popular types of content. At the same time, challenges emerging in the process of mastering the new communication channel are noted: a limited audience of the public, the lack of experience of archivists in working with technologies in the field of Social Media Marketing, etc. Therewithal, with the emergence of a new communication channel, important changes for the better have occurred in the work of the Sverdlovsk archives: the involvement of a young audience in working with archival information, increased efficiency in the interaction of archives and citizens, and the formation of a direct channel of feedback with society.

Keywords: archive, social networks, communication policy of archives, state publics, use of archival documents, communication technologies, users of archival information

The article was submitted for publication 13.04.2025;
accepted for publication 01.09.2025.

For citation: Selezneva, O.V. (2025), "The system of state public publications as a new communication tool between society and state archives. The experience of the Sverdlovsk region", *History and Archives*, vol. 7, no. 4, pp. 187–196, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-187-196

Введение

Бурное развитие коммуникационных технологий в XX в. вывело человечество на новый уровень, называемый некоторыми исследователями «медиатизацией» общества – ступенью развития средств массовой коммуникации (СМК), на которой они оказывают решающее воздействие на все процессы, происходящие в обществе. В этом смысле XXI век стал знаковым и для архивных учреждений. В работу архивного сообщества были привнесены новые ориентиры, которые знаменовали переход к новой коммуникативной стратегии архивов, подразумевающей процесс «возвращения» обществу «уснувшей» памяти с архивных полок [Старостин 2010, с. 12–18].

Будучи частью системы государственных институтов, архивная служба сегодня вписана в политику сервисного электронного государства, реализуемую в России. Одним из приоритетов данной политики является построение такой модели государственного управления, которая направлена на оказание публичных услуг индивидам. В этой связи стал формироваться механизм, который должен был обеспечить получение гражданами и организациями этих услуг.

Основная часть

Формирование механизма в правовом поле шло постепенно, и первыми важными шагами стали два правовых акта: Федеральный закон № 59-ФЗ от 02.05.2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и Федеральный закон № 8-ФЗ от 09.02.2009 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

Указанные нормативно-правовые акты среди прочего регламентировали взаимодействие государственных институтов с гражданами посредством официальных сайтов в сети Интернет. О том, что социальные сети – весьма удобная платформа для оперативной коммуникации между публичной властью и гражданским обще-

ством, стало понятно позже. Свой потенциал социальные сети проявили во всей полноте во время пандемии COVID-19. В первые же 4 недели карантина было зарегистрировано увеличение аудитории соцсетей на 150%¹. А в топы тем, кроме таких, как «лекарства», «здравье», «маркетплейсы», вышли темы «обучение», «экскурсии онлайн», «лекции» и «новости». Говоря иначе, стало понятно, что пользователи соцсетей готовы потреблять не только развлекательный контент, но и новостной, образовательный.

Государство быстро отреагировало на новый тренд, и уже в июле 2022 г. появляется Федеральный закон № 270-ФЗ от 14.07.2022 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления” и статью 10 Федерального закона “Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации”». Он предписывал всем государственным органам, органам местного самоуправления, а также подведомственным им организациям использовать для размещения информации о своей деятельности официальную страницу в определенных Правительством Российской Федерации информационных системах. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 2523-р от 2 сентября 2022 г. определило в качестве информационных систем для создания официальных страниц социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники». Это было безусловным признанием со стороны государства силы влияния социальных сетей на общественное мнение и в целом на жизнь общества. Воплощать в жизнь поправки в закон предстояло центрам управления регионами.

Решение о создании Центров управления регионами было принято главой государства в январе 2020 г. К концу 2020 г. работа Центров была организована во всех субъектах Российской Федерации. Сегодня в их функционал входит анализ работы государственных информационных систем, мониторинг и обработка обращений граждан, помочь в реализации межведомственного взаимодействия².

¹ Петрущенко Т. Пандемия в соцсетях: как карантин изменил онлайн-привычки пользователей // Adindex. URL: <https://adindex.ru/publication/analitics/search/2020/06/11/282641.phtml> (дата обращения: 17.09.2025).

² Постановление Правительства Российской Федерации № 1844 от 16.11.2020 г. «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета автономной некоммерческой организации по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций “Диалог Регионы” на создание и обеспечение функционирования в субъектах

Так государственные и муниципальные архивы оказались вписаны в общероссийскую программу цифровой трансформации не только благодаря своим функциям хранения и учета архивных документов, но и как учреждения, предоставляющие государственные услуги.

Изменения, без сомнения, упростили коммуникации пользователей архивной информации с архивными учреждениями и ведомствами. Сегодня независимо от того какого характера поступает обращение гражданина в социальных сетях – социально-правового или тематического – время первоначального ответа государственного архива по регламенту, утвержденному ЦУРом Свердловской области, составляет от 2 до 7 дней.

На настоящий момент в Свердловской области создано более 4600 госпаблик, на которые подписано 1,7 млн человек³. Государственной архивной службе региона принадлежит сеть из семи аккаунтов государственных учреждений и одного аккаунта органа исполнительной власти – Управления архивами Свердловской области. В общей сложности на все госпаблики службы подписаны 8323 человека (ГАСО – 984, ГААОСО – 463; ЦДООСО – 213; ГАДЛССО – 209; Ирбит – 1795; Красноуфимск – 671; ЦМИРАД – 308; УАСО – 3680)⁴. При этом страница Управления архивами существует с 2017 г., а страницы архивных учреждений сформированы в мае 2024 г.

Термин «госпаблик» не имеет правового статуса, не закреплен в законодательстве, и тем не менее он быстро стал общеупотребимым, заменив собой громоздкую формулировку, использованную в законе: «официальная страница государственного органа или подведомственной организации в информационной системе».

На сегодняшний день официальной страницей Управления архивами Свердловской области является страница «ВКонтакте», которая, пройдя в 2023 г. все необходимые процедуры, приобрела статус госпаблика:

- 1) пройдена авторизация на Едином портале государственных услуг, получена метка «Госорганизация»;

Российской Федерации центров управления регионов и Правил создания и функционирования в субъектах Российской Федерации центров управления регионов».

³ Рябов А. На госпаблики подписана почти половина свердловчан // ЕАН. URL: <https://eanews.ru/ekaterinburg/20241203105729/na-gospabliki-podpisana-pochti-polovina-sverdlovchan> (дата обращения: 17.09.2025).

⁴ Здесь и далее метрики сообществ предоставлены социальной сетью «ВКонтакте» на 17.03.2025 г.

- 2) установлены виджеты платформы обратной связи (ПОС) для быстрой подачи запроса в архивное учреждение или ведомство;
- 3) на странице размещены обязательные сведения:
 - наименование подведомственной организации,
 - почтовый адрес,
 - адрес электронной почты,
 - номера телефонов справочных служб,
 - информация об официальном сайте,
 - иная информация, в том числе о деятельности подведомственной организации.

Контент всех архивных госпабликов можно поделить на следующие виды:

- информация о деятельности органа власти (формируется администратором госпаблика УАСО);
- освещение важных новостей архивной сферы (формируется администратором госпаблика УАСО и администраторами госпабликов архивных учреждений Свердловской области);
- информирование о важных федеральных и региональных событиях (генерируется контент-центрами региона, имеется возможность размещения специалистами ЦУРа без участия администраторов госпабликов ведомств и учреждений);
- архивный контент (формируется администраторами архивных учреждений на основе архивных документов).

Формы контента:

- посты (сообщения, которые размещаются на стене аккаунта, публикуемые в группе или сообществах; часто снабжены фотографиями);
- истории (временные публикации небольших видео или фотографий, которые доступны друзьям и подписчикам страниц; исчезают через 24 часа);
- клипы (короткое вертикальное видео от 3 секунд до 3 минут);
- видео (полноформатный видеопродукт, не ограничен по хронометражу).

Анализируя линейную диаграмму взаимодействия пользователей страницы Управления архивами с каждым типом контента в период с 1 января 2025 г. по 16 марта 2025 г., выясняем, что самым востребованным среди посетителей соцсетей является простой пост – сообщение в виде текста с фотографией.

Второе место делят между собой клипы и видео. Поскольку клипы, в отличие от видео, рекомендуются пользователям соцсетей исходя из их предпочтений, у них больше шансов быть увиденными, нежели у видео, которое видят только подписчики страницы. Однако можно заметить, что нередко видео на архивной странице набирает большее количество просмотров, нежели клип.

Последним по популярности является такой тип контента, как история. Этот формат позаимствован разработчиками платформы «ВКонтакте» из другой социальной сети, ныне запрещенной на территории Российской Федерации. Там истории имеют большой успех. На шкале предпочтений подписчиков страницы Управления архивами Свердловской области истории являются аутсайдером.

Безусловно, влияние на предпочтения аудитории оказывают ее социально-демографические характеристики.

Около 80% аудитории страницы Управления архивами – это люди в возрасте 30+. При этом доля аудитории 40–45 лет составляет 25% от общей аудитории страницы, а доля аудитории 45+ составляет 35%.

Следует отметить те изменения, которые произошли за последние годы: аудитория архивной страницы существенно помолодела, а вот по гендерным характеристикам по-прежнему остается женской.

Возможно, причина кроется в том, что среди подписчиков архивных страниц большое количество... архивистов. И подобное распределение отражает демографический срез работников архивных учреждений и ведомств.

За период с 1 января 2025 г. по 17 марта 2025 г. страница Управления архивами получила:

Просмотров – 258 810.

Охват (кол-во уникальных пользователей, посмотревших пост, историю, клип и т. д.) – 31 980.

За 2,5 месяца к странице присоединился 151 новый подписчик.

Поделились нашей информацией на своих страницах в социальных сетях 552 человека.

В общей сложности у страницы Управления архивами сегодня 3679 подписчиков. Цифру можно назвать скромной.

Произведя сравнительный анализ количества подписчиков страниц архивных ведомств Уральского федерального округа и территории Большого Урала, мы видим, что такие скромные цифры в принципе свойственны архивной сфере.

№	Субъекты Уральского федерального округа	Исполнительный орган государственной власти	Кол-во подписчиков
1.	Свердловская область	Управление архивами Свердловской области	3 679
2.	Ханты-Мансийский АО-Югра	Архивная служба Ханты-Мансийского автономного округа-Югры	1 423

3.	Курганская область	Комитет по делам архивов Курганской области	1 128
4.	Челябинская область	Государственный комитет по делам архивов Челябинской области	897
5.	Ямало-Ненецкий АО	Служба по делам архивов Ямало-Ненецкого автономного округа	316
6.	Тюменская область	Управление по делам архивов Тюменской области	219

№	<i>Субъекты территории Большого Урала</i>	<i>Исполнительный орган государственной власти</i>	<i>Кол-во подписчиков</i>
1.	Республика Башкортостан	Управление по делам архивов Башкортостана	744
2.	Пермский край	Агентство по делам архивов Пермского края	609
3.	Оренбургская область	Комитет по делам архивов Оренбургской области	415

Не самые большие успехи подавляющего числа архивных ведомств и учреждений в социальных сетях объясняются рядом причин.

1. Для администраторов страниц ведение социальных сетей не является профильной деятельностью, часто не хватает времени совмещать с основной работой.

2. У администраторов страниц недостаточно знаний в области SMM технологий, контент-менеджмента.

3. Нередко консервативный дух архивистов сопротивляется быстроменяющейся действительности ИТ-технологий.

4. Контент госпаблика нередко отталкивает пользователей социальных сетей своим официальным характером, в том числе информацией, размещаемой центром управления регионом. Природа социальной сети подразумевает авторский формат изложения информации. Если мы посмотрим на страницу начальника Управления архивами Свердловской области Романа Сергеевича Тараборина, то увидим, что контент ее во многом аналогичен контенту страницы Управления архивами. Однако страница носит неофи-

циальный характер, за контентом стоит реальная личность, а подача информации имеет авторский стиль, что органично для природы социальных сетей. За период чуть более года на страницу подписались 8911 человек.

5. Среди активных пользователей, оставляющих лайки и комментарии на архивных страницах, большой процент специалистов архивной сферы, а также постоянные пользователи архивной информации в лице генеалогов, краеведов. Мечта о выходе на широкую аудиторию пока не реализована. Искусственный интеллект подбрасывает информацию лишь тем пользователям, в сфере интересов которых есть архивное дело или история. И если мы говорим об использовании медиаконтента в целях формирования архивной культуры общества, то с этой задачей пока лучше справляются традиционные СМИ.

Заключение

И все же мы не можем отмахнуться от того хорошего, что дала система госпабликсов обществу, а также архивным учреждениям и ведомствам.

1. Существенно облегчен доступ граждан к архивной информации не только социально-правового характера, но и тематической (в течении 2–7 дней можно получить ответ на любое обращение в социальных сетях).

2. Посредством госпабликсов установлен канал обратной связи с пользователями архивной информации, что позволяет в оперативном режиме реагировать на любые недовольства, замечания.

3. Социальные сети открыли доступ архивам к молодой аудитории.

Литература

Старостин 2010 – *Старостин Е.В.* Архивы в системе социальной памяти российского общества // Социальная память в институциональном измерении: постсоветский архив: материалы семинара Центра россииеведения / отв. ред. А.М. Арманд. М.: РАН: ИНИОН: Центр россииеведения. 2010. С. 12–18.

References

Starostin, E.V. (2010), "Archives in the system of social memory of Russian society", in Armand, A.M., ed., *Sotsial'naya pamyat' v institutsional'nom*

izmerenii: postsovetskii arkhiv: materialy seminara Tsentra rossievedeniya [Social memory in the institutional dimension. Post-Soviet archive. Proceedings of the seminar of the Center for Russian Studies], RAN: INION: Tsentr rossievedeniya, Moscow, Russia, pp. 12–18.

Информация об авторе

Оксана В. Селезнева, Государственный архив административных органов Свердловской области, Екатеринбург, Россия; 620075, Россия, Екатеринбург, пр-кт Ленина, д. 34; selezneva@gaaoso.ru

ORCID ID: 0009-0003-1037-6415

Information about the author

Oksana V. Selezneva, State Archive of Administrative Bodies of the Sverdlovsk region, Ekaterinburg, Russia; 34, Lenin Av., Ekaterinburg, Russia, 620075; selezneva@gaaoso.ru

ORCID ID: 0009-0003-1037-6415

В фондах отечественных и зарубежных архивов

УДК 930.253(574)

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-197-222

История кладбищ города Алма-Аты в фондах государственных архивов Казахстана

Георгий А. Афонин

*Казахский национальный медицинский университет
имени С.Д. Асфендиярова,
Алматы, Республика Казахстан, ilyenkov_diamat@mail.ru*

Аннотация. Кладбища всегда включены в социальные процессы, отражают их характер и динамическое развитие и являются важным источником информации по генеалогии, демографии и истории. Поскольку в понятие «некрополь» включена совокупность захоронений и надгробий (включая захоронения, принадлежность которых невозможно идентифицировать, и утраченные захоронения), а также источников по истории кладбищ, большое значение приобретает сохранность всего комплекса архивных документов, связанных с некрополем. Документальные исторические источники, сохранившиеся в фондах государственных архивов, отражают историю основания, реконструкции и благоустройства мест погребения и являются, наряду с книгами регистрации захоронений, безальтернативным ресурсом ввиду утраты многих надгробий и ликвидации целых кладбищ. На основании анализа документов, содержащихся в государственных архивах, впервые произведена реконструкция истории кладбищ города Алма-Аты, показана репрезентативность фондов как хранилищ источников по некрополистике и региональной истории. Предложена «иерархия» архивных фондов в связи с качественным и количественным содержанием в них документов, относящихся к рассматриваемому направлению. Сделан вывод о том, что без изучения источников базы невозможно осуществлять комплексную работу по изучению кладбищ: поиск захоронений, инвентаризацию и размещение информации о них на сайтах и представление в государственные органы предложений о сохранении отдельных надгробий и кладбищ как объектов культурного наследия.

Ключевые слова: кладбище, некрополь, архив, документальные источники, историческое захоронение, мемориальная скульптура

© Афонин Г.А., 2025

Статья поступила в редакцию 13 марта 2025 г.;
принята к публикации 30 июня 2025 г.

Для цитирования: Афонин Г.А. История кладбищ города Алма-Аты в фондах государственных архивов Казахстана // История и архивы. 2025. Т. 7. № 4. С. 197–222. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-197-222

Materials on the history of Alma-Ata city cemeteries in the funds of Kazakhstan state archives

Georgy A. Afonin

Asfendiyarov University,

Almaty, Republic of Kazakhstan, ilyenkov_diamat@mail.ru

Abstract. Cemeteries have always been included in social processes, they reflect their character and dynamics being an important source of information on genealogy demography, and history. Since the concept of “necropolis” encompasses a set of burials and tombstones (including the lost burials and the graves which appurtenance cannot be identified) as well as the sources on the history of cemeteries, the preservation of the entire complex of the archival documents associated with the necropolis is of great importance. Documentary historical sources preserved in the funds of state archives reflect the history of the foundation, reconstruction and improvement of burial sites and constitute, along with burial registration books, an uncontested resource following the loss of many tombstones and the liquidation of entire cemeteries. Based on the analysis of the documents contained in state archives, a reconstruction of the history of cemeteries in the city of Alma-Ata was carried out for the first time, and the representativeness of the funds as the repositories of the sources on necropolises and regional history was demonstrated. A “hierarchy” of archival funds is proposed in connection with the qualitative and quantitative content of the documents related to the area under consideration. It is concluded that without analyzing the source base it is impossible to carry out some comprehensive work on studying cemeteries – the work that includes searching for burials, inventorying and posting information about them on websites and submitting proposals to government agencies on preserving individual tombstones and cemeteries as cultural heritage sites.

Keywords: cemetery, necropolis, archive, documentary sources, historical burial, memorial sculpture

The article was submitted for publication 13.03.2025;
accepted for publication 30.06.2025.

For citation: Afonin, G.A. (2025), "Materials on the history of Alma-Ata city cemeteries in the funds of Kazakhstan state archives", *History and Archives*, vol. 7, no. 4, pp. 197–222, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-197-222

Введение

Хронологические границы настоящего исследования охватывают период существования города, в который он назывался Алма-Ата, а именно – с 1921 по 1993 г. Эти границы в большой степени условны, но определены документально, поскольку связаны с историческими событиями. После Октябрьской революции командование Семиреченского казачьего войска выступило против советской власти и организовало в Верном (до 1921 г. Алма-Ата называлась город Верный) контрреволюционное областное «Войсковое правительство», которое в декабре 1917 г. ввело в городе и области чрезвычайное положение¹. 2 марта 1918 г. левыми партиями и организациями в Верном был проведен митинг, и в ночь на 3 марта в городе установлена советская власть, образованы военно-революционный комитет и Семиреченский областной Совет народных комиссаров. В первые месяцы новой власти прежние органы городского самоуправления – городская Дума и управы были ликвидированы, а из представителей профессиональных союзов (еще де-факто не существовавших) и Верненского гарнизона был образован отдел по городским делам, куда вошли и работники бывшей управы². Фактическая передача дел городской Думы и управы происходила в ноябре 1918 г., что совпало с декретом СНК РСФСР «О кладбищах и похоронах», которым церковь была лишена монополии на погребение, уничтожена разрядность похорон и мест захоронений и санкционирована кремация³.

¹ Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 44. Оп. 1. Д. 51797. Л. 6

² Государственный архив Алматинской области (ГА АО). Ф. 483. Оп. 1. Д. 21. Л. 200; Д. 22. Л. 59; Д. 68. Л. 83.

³ Декрет Совета Народных Комиссаров «О кладбищах и похоронах». 7 декабря 1918 г. Опубликован в № 271 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 11 декабря 1918 г. // Электронная библиотека исторических документов Федерального историко-документального просветительского портала. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/348829-dekret-soveta-narodnyh-komissarov-o-kladbischah-i-pohoronah-7-dekabrya-1918-goda> (дата обращения: 01.01.2025).

10 января 1919 г. при уездном Совете был образован исполнком, который принял работу отдела по городским делам и подготовил организацию горсовета. Одновременно началось создание новых организационных форм субъектов городской хозяйственной деятельности, в частности – отдела коммунального хозяйства и похоронного бюро и инвентаризации кладбищ. Первый найденный документ об организации похоронного бюро датирован 29 декабря 1920 г.⁴, однако создано оно было только в 1934 г.⁵ До этого времени кладбища входили в ведение коммунальной секции городского Совета, первоочередными задачами которой было, с учетом роста города и численности населения, развитие планировки, упорядочивание застройки, учет и инвентаризация муниципализированного жилого фонда и городских земель⁶. История кладбищ не получила документального отражения в деятельности городских административных органов в 1920 – первой половине 1930-х гг., а вопросы их изучения в историко-художественном отношении вообще не стояли на повестке дня до начала 80-х годов XX в. Документы, в которых содержатся данные о кладбищах города, находятся в различных фондах, наибольшее количество их выявлено в Государственном архиве города Алматы. Анализ и научная обработка документов, проведенные впервые, показали их высокую источниковую ценность для исторического краеведения и реконструкции многомерной панорамы жизни города и страны.

Основная часть

Ко времени переименования Верного в Алма-Ату, т. е. ко времени первых лет советской власти, в городе находилось 6 кладбищ: в Татарской слободке, в Малой станице, на месте будущего железнодорожного вокзала Алма-Ата-2, Новое православное (с находящимися смежно с ним мусульманским и дунгансским участками), Военное на Ташкентском тракте и мусульманское кладбище в урочище Кенсай. Материалы к истории, хронологии и топографии кладбищ города Верного были ранее опубликованы нами [Афонин 2023]. Все верненские кладбища (за исключением кладбища в Малой станице) к настоящему времени ликвидированы. Первые документы о кладбище найдены в фонде Верненской городской управы в ЦГАРК. В рапорте исправляющего дела Пристава при киргизах Большой

⁴ Государственный архив города Алматы (ГАА). Ф. 76. Оп. 1. Д. 13. Л. 26.

⁵ Там же. Оп. 3. Д. 5. Л. 5.

⁶ Там же. Ф. 174. Оп. 5. Д. 21. Л. 26 об.

Орды полковника Хоментовского командиру Отдельного Сибирского корпуса от 6 апреля 1856 г. указано, что площадь, предназначенная по генеральному плану для расположения Татарской слободки, была выбрана в 1854 г. полковником Михаилом Перемышльским для кладбища и на ней находились захоронения 60 человек⁷. Это первое документальное свидетельство о месте захоронения некоренного населения на территории, прилегавшей непосредственно к будущему городу Верному.

Первое постоянное кладбище было открыто в 1854 г., одновременно со строительством укрепления Верное (первоначально – Заилийское, по названию местности в северных предгорьях Заилийского Алатау, в южной долине реки Или) и образованием Алматинской станицы (1855 г.), утвержденных Высочайшим повелением Государя Николая Павловича 8 февраля 1854 г.⁸ На нем хоронили прибывших в укрепление казаков Сибирского казачьего войска и крестьян из губерний Центральной России, Урала и Сибири, заложивших станицу – первое современное оселлое поселение в Заилийском крае, давшее начало городу Верному. Согласно Генеральному плану укрепления Верное от 1858 г. и архивным документам, кладбище находилось на правом берегу реки Малая Алматинка, севернее Ташкентского тракта, т. е. юго-восточнее крепости⁹. В современном городе этот участок ограничен с юга улицей батыра Жанибека Шакшака (бывшая Добролюбова), с запада – северным отрезком улицы Есенберлина, с востока – Кокчетавской улицей, с севера – улицей Тюленина. В настоящее время на этом месте находится филиал Национального центра геодезии и пространственной информации Министерства цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан. Кладбище было закрыто для погребений распоряжением Военного губернатора Семиреченской области Г.А. Колпаковского в 1872 г.¹⁰, документы об этом отложились в фонде Туркестанской духовной консистории за 1873 г. в ЦГАРК.

Из образованной в 1855 г. Алматинской станицы в 1860 г. был выделен Мало-Алматинский выселок, в 1884–1885 гг. проведен раздел их земельного надела¹¹. Когда в 1897 г. население Большой станицы составило 4781 чел., а выселка – 2400 чел., Мало-Алматин-

⁷ ЦГА РК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 753. Л. 24.

⁸ Леденев Н.В. История Семиреченского казачьего войска. Верный: Тип. Семиреченского областного правления, 1909. С. 104.

⁹ ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 361. Л. 1.

¹⁰ Там же. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.

¹¹ Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

ский и Илийский выселки были объединены в самостоятельную – Малую Алматинскую станицу с центром в одноименном поселке¹². Об основании кладбища в Малой станице точных данных не найдено, их косвенным источником являются метрические книги церквей укрепления и станицы. Так, в метрической книге за 1858 г. есть записи: «на кладбище при укреплении Верном» и «на кладбище при станице Талгарской» (или Софийской)¹³. В те годы церковь была только одна, и станица Софийская относилась к приходу церкви укрепления Верного (включавшего собственно крепость, Алматинскую станицу и Татарскую слободку). В метрических книгах за 1865 г. появляются записи «на кладбище Больше-Алматинской станицы» и «на кладбище Мало-Алматинского выселка»¹⁴. Можно предположить, что кладбище в Малой станице было открыто между 1858 и 1865 гг. Это, единственное сохранившееся кладбище верненского периода, но идентифицировать места захоронений того времени ввиду уничтожения надгробий и изменения рельефа сейчас невозможно. Это кладбище в 1920-е гг. было превращено в «общественную рощу»¹⁵. Ныне оно ограничено с востока улицей Кабилова, с запада и севера – частной застройкой по улице Текемет (бывшая Лениногорская) и находится в запустении и упадке в течение многих лет.

Вышеупомянутым распоряжением генерал-губернатора от 1872 г. предписывалось хоронить умерших на «новом» кладбище, а не на старом, находившемся между Большой и Малой Алматинскими станицами¹⁶. Это новое кладбище «для города Верного и станицы Большой Алматинской»¹⁷ основано в 1869 г., севернее Ташкентского тракта. Некрополь занимал плоскость, находящуюся на расстоянии около двухсот саженей от крайних городских строений, и располагался в северо-западном направлении от станицы и в северном от собственно города¹⁸. Он имел форму правильного прямоугольника 171 сажен длиной и 100 – шириной¹⁹. Из переписки вице-губернатора Семиреченской области Евсения Россинского с Верненским уездным начальником известно, что 18 марта 1870 г.

¹² Там же. Д. 88. Л. 31, 33.

¹³ Государственный архив Жетысуйской области (бывший Талдыкурганский областной государственный архив). Ф. 597. Оп. 1. Д. 1а. Л. 190–221.

¹⁴ ЦГА РК. Ф. 845. Оп. 1. Д. 1. Л. 39 об. – 62.

¹⁵ ГА АО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 79. Л. 9.

¹⁶ ЦГА РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.

¹⁷ Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 31769. Л. 24.

¹⁸ Там же. Ф. 41. Оп. 1. Д. 361. Л. 2.

¹⁹ Там же. Ф. 44. Оп. 26. Д. 38350. Л. 114.

кладбище разделено на 3 разряда²⁰. Просуществовало оно, вероятно, до начала XX в.: к середине 1930 г., когда утверждался проект строительства городской железнодорожной ветки Турксиба, территория кладбища представляла собой «пустопорожнее место»²¹. Ныне там находится площадь железнодорожного вокзала Алма-Ата-2 (памятник архитектуры, построен в 1936–1939 гг. по проекту архитекторов А.П. Галкина, М. Кудрявцева, художника И.В. Вахека).

Следующее по хронологии кладбище – «Новое православное» – было открыто в 1881 г. Документы по его устройству сохранились в фонде Больше-Алматинского Станичного правления в ЦГА РК. Из отношения № 736 от 19 января 1881 г. исполняющего дела вице-губернатора Семиреченской области в адрес атамана Больше-Алматинской станицы известно, что в 1878 г. Верненская городская Дума предложила Алматинскому Станичному правлению принять участие в открытии нового городского православного кладбища²². 16 августа 1878 г. Дума утвердила место «за первым кварталом, что за тюремным замком, с южной стороны Ташкентской дороги»²³. На плане города Верного 1884 г. участок, отведенный под кладбище, имеет неправильную четырехугольную форму и ограничен с севера Ташкентским трактом (где находился вход), с юга – Станичной улицей, с запада – граничит со свободной городской землей, а с востока – с улицами Петропавловской (южнее) и Степной (севернее)²⁴. Этот участок в современном городе ограничен с севера проспектом Райымбека, с юга – улицей Макатаева (бывшая Пастера), с запада – улицей Муратбаева, с востока – улицей Торекулова. «Новое православное» кладбище соседствовало с женским Иверско-Серафимовским монастырем²⁵ (1908 г., закрыт в 1919 г.), на нем находилась Всехсвятская церковь (автор проекта Я.А. Порошин, архитектор С.К. Тропаревский, 1904 г., прекратила существование в 1929 г.) [Степанова 2022].

О других кладбищах верненского периода пока не найдено сведений, основанных на документальных исторических источниках. Это – мусульманские кладбища в Татарской слободке и урочище Кенсай, и православные – Большой станицы, основанные предположительно в 1881 г. «в версте от города по дороге на станцию Карасу»²⁶ и Военное кладбище, располагавшееся с северной стороны

²⁰ Там же. Ф. 41. Д. 355. Л. 15.

²¹ ГАА. Ф. 174. Оп. 9. Д. 15. Л. 76.

²² ЦГА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 14 а. Л. 1.

²³ Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1. Л. 135.

²⁴ РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 3.

²⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 1910. Д. 64. Ч. 12.

²⁶ ЦГА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 14а. Л. 1.

Ташкентского тракта, напротив «Нового православного». Однако в метрических книгах «военных» церквей Верного (4-го Западно-Сибирского стрелкового батальона и церкви при управлении Верненского уездного Воинского начальника) уже в 1901 г. есть записи «похоронен на Военном кладбище».

После установления советской власти в г. Верном началась национализация городских земель и имущества. Коснулась она и сохранившихся к тому времени кладбищ. 1 октября 1918 г. Верненский уездный исполком постановил перевести «богадельню» (организованный при монастыре «Дом старчества») в ведение Серафимо-Иверского женского монастыря, на населницах которого лежала обязанность и ухода за могилами на Новом православном кладбище²⁷. Вскоре Джетысуйский (Семиреченский) губернский исполком Советов постановил кладбище, как народное достояние, «отобрать из ведения монастыря» с направлением доходов от захоронений на народные нужды²⁸. В 1929 г. помещения, занимаемые «Домом старчества» на этом кладбище, переданы колонии беспризорных детей, а само кладбище пришло в полный упадок и разрушалось колонистами²⁹. Это последнее верненское кладбище официально закрыто 10 апреля 1932 г. Тогда же на заседании президиума Алма-Атинского городского Совета удовлетворено ходатайство коммунитета об утверждении размещения новых кладбищ³⁰. Как долго оно просуществовало после закрытия – неизвестно. С конца 1942 г., на его месте располагался основанный в том же году машиностроительный завод имени С.М. Кирова. Ныне на северном участке территории кладбища находится колледж моды и дизайна, ведется интенсивная многоэтажная застройка, на южном участке – сохранившиеся производственные корпуса завода.

Так как перспективным направлением развития города еще в XIX в. было определено юго-западное³¹, новые кладбища разместили далее на запад, за речкой Поганкой (Весновкой): мусульманское на участке с южной стороны Ташкентской аллеи, а христианское («русское») – с северной стороны, где находилось «старое еврейское кладбище»²⁹. Территория, отведенная для нового некрополя, принадлежала колхозу «Заря Востока», входившему в Ленинский сельсовет с центром в селе Ленинском (бывшей станице Тастак)^{32,33}.

²⁷ ГА АО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 96. Л. 82.

²⁸ Там же. Ф. 489. Оп. 1. Д. 8. Л. 100.

²⁹ ГАА. Ф. 174. Оп. 8. Д. 26. Л. 58.

³⁰ Там же. Оп. 11. Д. 50. Л. 115.

³¹ ЦГА РК. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1. Л. 135.

³² ГАА. Ф. 174. Оп. 13. Д. 194. Л. 128.

³³ Там же. Ф. 78. Оп. 2-т. Д. 628. Л. 6.

В настоящее время этот исторический участок ограничен с юга проспектом Райымбека (бывший проспект 50-летия Октября, ранее – Ташкентский тракт), с востока и запада – улицами Галилея и Казакова, с севера – зенковской аллеей (на ней в 1936 г. похоронен Андрей Зенков – архитектор Верного и Алма-Аты, военный инженер-строитель).

Официальное название «Центральное кладбище» было присвоено решением исполнительного комитета Алма-Атинского городского Совета депутатов трудящихся № 402 от 12 сентября 1977 г.³⁴ Но в архивных документах оно встречается уже в 1938 г., одновременно с наименованием «христианское» и «городское» кладбище. Этот топоним объясняется центральным расположением кладбища относительно границ города и других мест захоронения (на юге – у кирпичного завода, на севере – возле поселка «Пятилетка Турксиба», на востоке – в Татарской слободке). В течение более 30 лет Центральное кладбище было основным городским некрополем, документы по его истории и реконструкции отложились в фондах Алма-Атинского горсовета и исполнительного комитета, Архитектурно-планировочного управления, городских отделов коммунального хозяйства и благоустройства, позднее – городского управления культуры. Открытое в 1932 г., это было первое кладбище нового типа – административно и хозяйствственно не зависящее от церкви и внеконфессиональное, хотя и разделенное вначале по этническому признаку. Такие способы создания новых мест коллективной памяти оказались универсальными и для других регионов Российской Федерации, в которую в то время входила Казахская АССР [Красильникова 2014; Волохова 2017].

Представление о местоположении и состоянии кладбищ в 1930-х гг. дает Генеральный проект планировки Алма-Аты, разработанный в 1936 г. архитектурно-планировочной мастерской № 1 Наркомхоза РСФСР. Кроме Центрального кладбища, состоящего из двух участков – христианского и мусульманского, по обе стороны Ташкентского тракта, указан участок между Татарской и Новой слободками, и на юге от города, за кирпичным заводом. Все кладбища, согласно документу, находились в совершенно неблагоустроенном состоянии³⁵. В пригородной зоне описаны кладбище около Малой станицы и поселка «Пятилетка Турксиба», которые с 1 июля 1934 г. входили в подчинение Алма-Атинского горсовета,

³⁴ Там же. Ф. 174. Оп. 29 пр. Д. 1416. Л. 136.

³⁵ Центральный государственный архив научно-технической документации Республики Казахстан (ЦГАНТД РК). Ф. 142. Оп. 1–4. Д. 210. Л. 205, 205 об.

но не находились в городской черте³⁶. Предположительно именно эти два кладбища были переданы, в связи с новым административно-территориальным устройством города (14 сентября 1936 г. город Алма-Ата был разделен на районы – Ленинский, Сталинский и Фрунзенский), в ведение Похоронного бюро в 1936 г.³⁷

По Генеральному плану 1936 г., южный участок Центрального кладбища, предназначенный для захоронения мусульман, вошел в зону промышленной застройки, захоронения на нем решено прекратить. Одновременно отдел по делам архитектуры совместно с 1-й архитектурно-планировочной мастерской Наркомата коммунального хозяйства рассматривали варианты расширения существующих кладбищ в Татарской слободке и Малой станице, которые, как предполагалось, обеспечат площади для захоронений на 10–15 лет. В 1936 г. впервые предложено строительство в Алма-Ате крематория³⁸.

К началу 1938 г. почти вся территория «христианского» участка Центрального кладбища оказалась занята, на южном участке планировалась промышленная застройка, в связи с этим городские власти провели ревизию существующих кладбищ. Документы по этому вопросу отложились в фонде Архитектурно-планировочного управления ГАА. В докладной записке горсовету начальника АПУ Т. Басенова (в будущем – председатель Госкомитета СМ Казахской ССР по делам строительства, член-корр. Академии архитектуры СССР) указано, что на март 1938 г. в Алма-Ате имелось пять кладбищ, четыре из которых находились «около города» и одно – около поселка «Пятилетка Турксиба». Исходя из численности населения и 25-летнего кладбищенского периода, общая площадь кладбищ по Генплану была определена в размере 50 га, а с учетом строительства крематория этот размер был снижен до 32 га. Ввиду того что крематорий построен не был и перспективного роста населения, оказалось, что размеры кладбищенской территории «сильно занижены». АПУ посчитало необходимым принять эти размеры минимум в 75 га³⁹.

Кладбище в Татарской слободке со всех сторон оказалось окружено жилыми постройками без границ кладбищенской и селитебной территории. Захоронения производились раздельно – казахами и татарами на мусульманской части некрополя («старой») и русскими – на «новой», отведенной городской Думой в 1912 г.⁴⁰

³⁶ ГАА. Ф. 174. Оп. 13. Д. 37. Л. 172.

³⁷ Там же. Оп. 15. Д. 231. Л. 376.

³⁸ Там же. Ф. 78. Оп. 2-т. Д. 628. Л. 2.

³⁹ Там же. Л. 5.

⁴⁰ ЦГА РК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 766. Л. 23.

Кладбище в Малой станице было использовано приблизительно на $\frac{2}{3}$, причем АПУ находило возможным расширить его до 10 га и использовать по назначению, несмотря на отсутствие благоустройства – планировки и ограждения. Кладбище рядом с кирпичным заводом, в южной части города, открытое, вероятно, в 1929 г.⁴¹, было признано «совершенно неудовлетворительным» по положению и размерам (около 2 га) и подлежало закрытию с отводом территории в этом же районе до постройки крематория. Кладбище около поселка «Пятилетка Турксиба» (на левом берегу ручья Султан-Карасу) из-за отсутствия подъездов к нему было решено перенести на другое место.

Все эти проекты остались нереализованными: кладбища были закрыты и в 1950-е гг. ликвидированы, а Горсовет 9 июля 1938 г. принял решение, предусматривавшее расширение Центрального кладбища за счет земель колхоза «Заря Востока», на север и запад, с увеличением «христианского» участка до 20 га и созданием нового – «мусульманского» на 15 га⁴². Однако через год и этот проект заменен более масштабным – 21 августа 1939 г. президиум горсовета принял постановление об изъятии шестисотметровой полосы земли вдоль Ташкентского тракта от землепользования колхоза «Заря Востока» для включения в городскую черту и расширения городского кладбища. Этому предшествовало постановление Совнаркома республики от 29 мая 1939 г. об утверждении Генерального проекта планировки Алма-Аты. В землепользование города была передана земля площадью 171 га, в том числе для расширения Центрального кладбища – 52 га. Проект был утвержден постановлением СНК Казахской ССР № 155 25 марта 1940 г.⁴³ Еще одна крупная реконструкция проведена в 1960 г. институтом «Казгорстройпроект», фонд которого хранится в ЦГАНТД Республики Казахстан. Тогда кладбище заняло территорию, в границах которой находится до настоящего времени⁴⁴. Причем в 1960 г. участок был расширен в северном направлении гораздо дальше оси будущего дублера улицы Ташкентской, построенного в 1965–1966 гг., который был проложен по северной части территории кладбища.

Так как в северной части города кладбища не было, в марте 1941 г. решением горисполкома из земель совхоза № 5 Турксиба был изъят участок площадью 7 га, расположенный с западной стороны дороги, ведущей на станцию Или в Кагановическом районе⁴⁵.

⁴¹ ГАА. Ф. 174. Оп. 28. Д. 48. Л. 7.

⁴² Там же. Ф. 78. Оп. 2-т. Д. 628. Л. 3.

⁴³ ГА АО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

⁴⁴ ЦГАНТД РК. Ф. 23. Оп. 5-4. Д. 129. Л. 1–5.

⁴⁵ ГАА. Ф. 174. Оп. 15. Д. 527. Л. 16.

Об этом кладбище не найдено документальных данных. Известно, что на нем были похоронены бывшие японские военнопленные, работавшие после войны в Алма-Ате на гражданском строительстве. Их останки в начале 2000-х гг. были эксгумированы и вывезены в Японию⁴⁶. Кладбище является закрытым с 1960-х гг. и в настоящее время находится в заброшенном состоянии. С юга оно ограничено улицей Бекмаханова, с востока – проспектом Суюнбая (бывший Красногвардейский тракт), с запада – улицей Свободной, с севера расположены хозяйствственные корпуса близлежащих предприятий.

В 1941–1946 гг. на Центральном кладбище сформировалась мемориальная зона в границах исторической территории, отведенной в 1932 г. Эта зона (участки с обеих сторон центральной аллеи) предназначалась в первую очередь для захоронений видных государственных деятелей, членов правительства, ветеранов коммунистической партии. В 1940 г. там был похоронен участник борьбы за установление советской власти в Средней Азии и Казахстане, герой Гражданской войны, нарком юстиции А. Ярмухамедов. 28 декабря 1941 г. состоялось погребение жертв авиакатастрофы, произошедшей 26 декабря близ Алма-Аты. Среди погибших были члены правительства Казахской ССР и первый председатель Казахского филиала АН СССР Г. Бузурбаев. В 1942–1946 гг. на исторической территории проводились погребения солдат и офицеров, умерших от ран в эвакуационных госпиталях Алма-Аты. На трех участках похоронены 485 воинов, возведены мемориалы [Афонин 2025]. В 1948 г. в мемориальной зоне похоронили погибших 30 сентября в авиационной катастрофе ученых-биологов К. Мынбаева, (председатель президиума Казахского филиала ВАСХНИЛ, отец композитора и дирижера, заслуженного деятеля искусств Т. Мынбаева), Ф. Солововикова, К. Бабаева, С. Нутманова, Х. Наурызбаева. Рядом похоронены сотрудники Алма-Атинского областного управления милиции – подполковник Р. Сагинадзе, капитаны В. Кобрисов и М. Зуев, погибшие 9 мая 1948 г. (Зуев скончался от ран в сентябре) при задержании опасного преступника, гла-варя банды, студента Алма-Атинского горнометаллургического института Р. Десина. То, что все жертвы погибли на боевом или трудовом посту, превратило исторический участок кладбища из коммунального объекта в место коллективной скорби. Это место приобрело новые символические черты, а его статус участка «почетных захоронений» закрепился в общественном сознании и получил документальное отражение⁴⁷.

⁴⁶ Там же. Ф. 310. Оп. 1пр. Д. 1488.

⁴⁷ Там же. Ф. 76. Оп. 5. Д. 8. Л. 101.

К 1950 г., на исторической территории были похоронены видные деятели молодой республики: заместитель Председателя Совнаркома Е. Досымов, председатель Президиума Верховного Совета Н. Бозжанов, Герой Советского Союза Я. Коровин, генерал-майор, участник Гражданской и Великой Отечественной войн А. Мышкин, геолог, академик Н. Кассин, народный певец и композитор И. Байзаков, актеры эвакуированной в Алма-Ату Центральной объединенной киностудии (ЦОКС) Б. Блинов и Н. Черкасов. Сами работники коммунальной отрасли и руководство исполнительных органов еще с 1940 г. оценивали состояние городских кладбищ, в первую очередь – Центрального, как «крайне запущенное». На кладбищах отсутствовала планировка участков, озеленение, ирригация, ограждение и регулярная охрана. В течение войны и в первые послевоенные годы сказывались трудности, обусловленные дефицитом рабочей силы, финансов, материалов и имущества. Но и позже целевое финансирование и внелимитные капиталовложения в благоустройство кладбищ или были недостаточны, или использовались нерационально, в результате чего кладбища оставались «на периферии» коммунального процесса. В фонде городского отдела коммунального хозяйства ГАА сохранились документы 1940-х гг., в которых описаны неоднократные случаи выпаса на кладбище скота⁴⁸, хищения урн с прахом⁴⁹ и нападения на посетителей с целью ограбления⁵⁰.

К концу 1940-х гг. оставался нерешенным вопрос и с мусульманскими кладбищами: участок на Центральном кладбище имел недостаточную площадь, а кладбище в Татарской слободке подлежало ликвидации. 8 апреля 1949 г. секретным распоряжением исполкома главному архитектору города И. Белоцерковскому предписывалось подготовить предложение об отводе участка под кладбище, а мусульманской общине было разрешено огородить участки в Татарской слободке и у Ташкентского тракта и установить на кладбищах свою охрану⁵¹. Решение исполкома Алма-Атинского горсовета № 435 от 21 июня 1950 г., отмечая «безднадзорное состояние» мусульманских кладбищ, предполагало более серьезные меры: их официальную передачу в ведение похоронного бюро, милицийский контроль, ассигнования средств на благоустройство, ограждение и постоянную охрану⁵². Однако и после данного решения проблема отсутствия отдельного кладбища для мусульманского населения

⁴⁸ Там же. Оп. 7. Д. 95. Л. 47.

⁴⁹ Там же. Оп. 7-7пр. Д. 41. Л. 86.

⁵⁰ Там же. Оп. 3. Д. 372. Л. 15.

⁵¹ Там же. Ф. 174. Оп. 28. Д. 51. Л. 9.

⁵² Там же. Оп. 29пр. Д. 884. Л. 732.

города оставалась актуальной на протяжении 20 лет. Вопрос состоял, главным образом, в отсутствии подходящего земельного участка, *территориально обособленного* от других захоронений. Хотя Генеральным планом застройки Алма-Аты 1951 г., разработанным ленинградским отделением Гипрогор, намечались новые участки для кладбищ, отдельный мусульманский некрополь не предусматривался. Планировалось продолжение использования Центрального кладбища, и намечались участки для новых кладбищ: в юго-западном районе у Каргалинского тракта, на свободных землях колхоза имени В.И. Ленина; в южном районе, у Ботанического сада, на свободных землях колхоза «Горный гигант»; в северном районе, севернее поселка «Пятилетка Турксиба», на свободной городской территории. Всего планировались 4 кладбища общей площадью около 100 га⁵³.

Согласно документам из фонда бывшего похоронного бюро, мусульманское кладбище, открытое в 1932 г. южнее Ташкентского тракта, несмотря на то, что эта территория предназначалась для промышленной застройки и захоронения на нем были запрещены еще в 1938 г., продолжало существовать. В 1951 г. Алма-Атинским трестом «Зеленстрой» там проводились работы по озеленению и благоустройству. Аналогичные работы в 1952 г. проводились на кладбище в Татарской слободке⁵⁴.

Положение с кладбищами, сложившееся во время и после войны, сохранялось, что входило в противоречие с планом мероприятий по благоустройству городов, утвержденным постановлением СМ Казахской ССР от 16 апреля 1948 г., и с масштабными преобразованиями в развитии Алма-Аты, ставшей действительным административным, культурным и экономическим центром Казахстана⁵⁵. В 1959 г. кладбища взяла под свой контроль Постоянная комиссия коммунального хозяйства и благоустройства горсовета, которая, отмечая «плохое состояние» Центрального кладбища и отсутствие отдельного места для захоронения мусульман, предложила меры по благоустройству существующих и открытию нового кладбища. Наиболее подходящим и давно существующим кладбищем, по заключению комиссии, был признан участок в восточной части города, на землях колхоза «Луч Востока», площадью около 2 га на склонах прилегающих к городу сопок. Ныне там сохранились единичные захоронения 1930–1940-х гг. в юго-восточной части некрополя. В 1959 г. это кладбище не имело ограждения, не охранялось, вблизи него производилась интенсивная самовольная застройка.

⁵³ ЦГАНТД РК. Ф. 142. Оп. 1–4. Д. 211. Л. 206.

⁵⁴ ГАА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 14. Л. 7–10.

⁵⁵ Там же. Ф. 76. Оп. 7. Д. 119. Л. 12.

При этом территория кладбища была к тому времени полностью использована, и свободных участков для захоронения оставалось мало⁵⁶. В сентябре 1959 г. распоряжением Совета министров, для расширения территории этого мусульманского кладбища Алма-Атинскому горисполкуму из земель колхоза «Луч Востока» Илийского района передан участок площадью 12 га. Некрополь находится в урочище «Широкая щель», по-казахски «Кенсай», откуда и получил свое название. Территориально он стал относиться к Фрунзенскому району Алма-Аты, исполнком которого «повел решительную борьбу с самовольным строительством и посадкой огородов на территории, прирезываемой к мусульманскому кладбищу»⁵⁷. В 1965 г. на кладбище с улицы Микояна подведены подъездные пути, асфальтированы дороги на кладбище, построено новое служебное помещение⁵⁸. В 1968 г. проведена еще одна реконструкция, в ходе которой к кладбищу был прирезан участок 15 га восточнее существующей территории⁵⁹. В начале 1970-х гг. Кенсай получил неофициальный статус казахского национального некрополя.

В 1965 г. к городу относились 5 кладбищ общей площадью 122,1 га – Центральное, мусульманское Кенсай, Северное (севернее поселка «Пятилетка Турксиба», открыто в 1963 г.), кладбища в Малой станице и в бывшем Кагановическом районе (18 июля 1957 г. переименован в Октябрьский). Кладбище в Татарской слободке ликвидировано предположительно в конце 1950-х гг. На месте этого исторического мусульманского некрополя был разбит парк с футбольным полем; на месте христианской части, открытой в 1912 г., – построена городская поликлиника № 2. В фонде горисполкома отложились документы о работе «Постоянной комиссии...» за 1965–1966 гг. в связи с подготовкой к 50-летию революции. Комиссия вновь обращает внимание горсовета на «плохое состояние и непорядки городского кладбища». «Непорядки» официально описываются как «попрошайничество, пьянство и хулиганство», но реально имели место неоднократные случаи вандализма – сжигания венков, разрушения памятников и оград, закапывания приготовленных могил, а также изнасилований и убийств⁶⁰.

Центральное кладбище, располагавшееся на территории Ленинского района Алма-Аты, в описываемый период являлось крупнейшим и основным городским кладбищем. На нем к концу 1960-х гг. были похоронены видные деятели науки, культуры и государства.

⁵⁶ Там же. Ф. 174. Оп. 29. Д. 370. Л. 89, 103.

⁵⁷ Там же. Д. 459. Л. 158–159.

⁵⁸ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 41. Л. 4.

⁵⁹ Там же. Ф. 174. Оп. 29пр. Д. 898. Л. 104.

⁶⁰ Там же. Д. 644. Л. 423.

Среди них профессора, заслуженные деятели науки – анатом П. Исаев, паразитолог Н. Орлов, математики А. Бедельбаев и В. Харасахал, биологи И. Долгушин и Е. Большакова, терапевт М. Бренер, фтизиатр Е. Трейлих, геологи П. Монич и Ф. Лившиц, патологоанатом П. Очкур, ветеринар Я. Клейнбок. Севернее исторической территории находится захоронение ученого с мировым именем – астронома, основоположника астробиологии, академика Г. Тихова. На исторической территории похоронены мастера искусств – заслуженные артисты певцы А. Курганов и М. Толыбаев, народные артисты: певец М. Ержанов, актеры драмтеатра Е. Кручинина-Рутковская, С. Ассыиров, З. Морская, Г. Хайруллина, народные художники Н. Крутильников и А. Черкасский, заслуженные деятели искусств А. Ненашев и скульптор И. Иткинд. Рядом с захоронениями ученых и артистов сформировался некрополь государственных деятелей: наркомы – Н. Арыкова (первая женщина-нарком республик Советского Востока) и А. Сарынов и министры – культуры Х. Байгалиев, юстиции – К. Султанов, мясной и молочной промышленности – М. Бектыбаев, сельского хозяйства – А. Мамбетов, коммунального хозяйства – Д. Кононенко, заместитель председателя Совета министров Н. Забежанский.

Появление мемориального некрополя требовало не только благоустройства и охраны, но и создания материальной базы для изготовления индивидуальных надгробий. В середине и конце 1950 – начале 1960-х гг. на некрополе преобладали типовые памятники из гранита в виде вертикальной плиты или стелы (с прямоугольным или полукруглым навершием) и обелиска с пятиконечной звездой или без нее. Такие надгробия установлены на месте захоронения профессоров – основателей мединститута – И. Баккала, С. Телятникова и А. Штессса, заместителя наркома внутренних дел А. Мусина, заслуженного артиста А. Хасенова, ректора сельхозинститута А. Жуматова, заместителя министра лесной промышленности Л. Гуляева, министра совхозов И. Ивандаева.

В 1965 г. при Конторе похоронного обслуживания был организован каменотесный цех, выпускавший первоначально 3 вида типовых памятников и «памятники по заказам»⁶¹. С 1950 г. в Казахстане началось планомерное изучение минерально-сырьевой базы облицовочного камня, были открыты и разрабатывались Курдайское и Майкульское месторождения гранитов, Экпендинское и Карагатуское месторождения мраморов. В последующие годы начали эксплуатироваться Катын-Адырское месторождение габбро в Актюбинской и Кургинское месторождение светло-розовых гранитов в Алма-Атинской области, Акбастау-Кызылсайское

⁶¹ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 41. Л. 4.

и Тешиктасское месторождения мраморов в Джамбульской области. В 1968 г. основан комбинат «Казмрамор» и Алма-Атинский завод обработки камня (АЗОК). Появилась возможность создавать надгробия по индивидуальным проектам. Одним из первых таких памятников стало надгробие Виктора Прощева, погибшего в 1958 г. при испытании истребителя-перехватчика Су-9. Эти памятники отличались от типовых только размерами, рельефным декором и гарнитурой шрифта. Позже, в 1960–1970-е гг., для мест захоронений видных деятелей были созданы интересные образцы гражданской мемориальной скульптуры. Это, например, надгробия председателя Президиума Верховного Совета Казахской ССР А. Казакпаева (пилон, декорированный «задрапированными» капителями), министра здравоохранения и ректора мединститута В. Зикеева (obelisk с стилизованными барельефными лавровыми ветвями и венком), историка Е. Бекмаханова (саркофаг), геологов В. Иванова и Г. Бедрова (стелы с обработанными и необработанными гранями), министра легкой промышленности А. Иржанова (obelisk из габбро с накладным шрифтом и лавровым венком из бронзы).

Индивидуальные художественные надгробия появляются в 1960–1970-х гг., и созданы они российскими скульпторами. Это памятники народным артистам СССР – дважды лауреату Сталинской премии певице К. Байсейтовой, автору государственного гимна Казахстана композитору М. Тулебаеву и президенту АН академику К. Сатпаеву (скульптор П.А. Антропов), писателю, лауреату Ленинской и Государственной премии СССР М. Ауэзову и композитору и музыковеду, академику А. Жубанову (скульптор Е.В. Вучетич). В это же время в жанре мемории начали работать казахстанские скульпторы – выпускники Ленинградского и Московского институтов живописи, скульптуры и архитекторы – Т.С. Досмагамбетов, Е.А. Сергебаев, Б.А. Абисhev, В.Ю. Рахманов. В эти годы сформировался местный некрополь мастеров искусств и ученых, где были похоронены народные артисты и заслуженные деятели искусств Казахстана, академики АН, Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда [Афонин 2022]. Важным фактором развития казахстанской мемориальной скульптуры, наряду с появлением профессиональных кадров, стало создание материально-технической базы. В 1940 г. было образовано Казахское отделение Худфонда СССР, предприятия которого являлись творческой и материальной базой Союза художников. В 1962 г. сдан в эксплуатацию творческо-производственный комбинат «Онер» («Искусство»), объединивший мастерские художников и производственные площадки для выполнения скульптур в материале. В 1980 г. открыт корпус

художественно-скulptурных и каменотесных работ комбината «Онер» на проспекте Рыскулова⁶².

К этому периоду относятся надгробия выдающихся деятелей государства, науки и культуры: первого секретаря ЦК КП(б) Казахской ССР, председателя Совета национальностей ВС СССР Ж. Шаяхметова (скульптор В.Ю. Рахманов), героя Гражданской и Великой Отечественной войн генерала М. Серикова, государственного деятеля К. Успанова (скульптор Н.С. Журавлев), народного акына и композитора Д. Нурпесовой, поэта Т. Жарокова и академика Т. Тажибаева (скульптор Х.И. Наурызбаев), народного артиста СССР актера и режиссера Ш. Айманова и министра культуры И. Омарова (скульптор В.А. Федоров), председателя КГБ генерала А. Арстанбекова (скульптор В.В. Андрющенко), государственного деятеля К. Успанова (скульптор П.Д. Усачев). Скульптор Б.А. Тулеков – автор оригинальных надгробий, из которых сохранились памятники народной артистке Р. Койшыбаевой и заслуженному мастеру спорта СССР, тренеру волейбольной команды «Буревестник» О. Джарылкапову.

В 1970–1980-х гг. начинает работать новая плеяда скульпторов – Е. Едгебаев, К. Какимов, У.Б. Шанов, А.Х. Баярлин, Б.С. Досжанов, также получивших образование в Москве и Ленинграде. Создаются надгробия государственных деятелей – министра мясной и молочной промышленности А. Зияева (скульптор В.А. Федоров), министра внутренних дел Ш. Кабылбаева (скульптор Н.Ф. Соболев), секретаря ЦК КП Казахской ССР С. Имашева и министра сельского хозяйства М. Моторико (скульптор П.И. Шорохов). А.А. Исаевым создано надгробие жены писателя Ауэзова – В. Ауэзовой (Кузьминой). В 1990-е гг. ярко проявляют себя Н.А. Далбай, Е.Е. Рахматиев и другие.

На мусульманском некрополе Кенсай в 1970-е гг. появились интересные, высокохудожественные надгробия – стела с горельефом государственного деятеля К. Шалабаева (скульптор О.Г. Прокопьева), надгробие героя Гражданской войны С. Татибекова, стела с барельефом поэта К. Идрисова (скульптор П.И. Шорохов), портреты народного артиста СССР И. Ногайбаева (скульптор Т.С. Досмагамбетов) и народного писателя Казахстана И. Есенберлина (скульптор А.Б. Татаринов). В это же время продолжает работать в жанре мемории и старейшина казахстанской скульптуры, народный художник Казахской ССР Х. Наурызбаев. Ему принадлежат реалистические надгробия архитектора Т. Басенова,

⁶² Союз художников Республики Казахстан в документах и фотографиях: 1933–1991 / авт. статей Г.Н. Сырлыбаева; ред. и сост. К.В. Ли. Алматы: Интерпринт, 2009. С. 51–52.

государственного деятеля Х. Чурина, Героя Советского Союза Х. Кобикова.

В 1980-е гг. скульптором Т.С. Досмагамбетовым созданы надгробия выдающимся ученым XX в. – академикам М. Усановичу и Д. Сокольскому на Центральном кладбище и Герою Социалистического Труда, народному писателю Казахстана Г. Мусрепову на кладбище Кенсай. Стоит отметить созданный в это время памятник заместителю председателя СМ Казахской ССР, Герою Социалистического Труда А. Вартаняну (скульптор В.Н. Фомин). Памятник Мусрепову, как и надгробие Героя Советского Союза, гвардии полковника Б. Момышулы, (скульптор П.И. Шорохов), стали явлением в казахстанской скульптуре и были высоко оценены художественным сообществом. Этот аспект истории некрополей получил документальное отражение в фондах горсовета, исполкома и управления культуры Алма-Аты в ГАА, Министерства культуры и предприятия «Казреставрация» в ЦГА РК и СМ в Архиве Президента Республики Казахстан.

Не все надгробия выдающихся личностей были внесены в список памятников истории и культуры и подлежали учету и государственной охране. Среди них памятники конца 1970 – начала 1980-х гг., установленные по решению Совета министров на кладбищах Центральном и Кенсай. Люди, которым они установлены, – заслуженные деятели науки, академики В. Бальмонт, А. Цефт, М. Козловский, Б. Домбровский, А. Попов, М. Корсунский, И. Галузо, С. Покровский и профессора В. Рощин и Р. Шульц. Герои Советского Союза – Н. Харитонов, Г. Шемякин, А. Иванников, Н. Терехин, В. Андрусенко и дважды Герой Советского Союза летчик-истребитель С. Луганский. Есть среди них и деятели культуры – композитор и дирижер В. Мессман, народный артист Казахской ССР Б. Лебедев, ученый-педагог Р. Лемберг, писательница и переводчик А. Никольская, писатель З. Шашкин, литературоведы Е. Исмаилов и К. Джумалиев. И государственные деятели – Герой Социалистического Труда, директор завода имени Кирова П. Резчик, заместитель председателя Совета министров Г. Козлов, секретарь ЦК В. Севрюков, председатель Госплана С. Эпиктетов, министр автомобильных дорог Л. Гончаров.

Впервые надгробия рассматриваются как охраняемые памятники после решения исполкома Алма-Атинского горсовета от 4 апреля 1979 г. № 139 «Об утверждении списка памятников истории и культуры города Алма-Аты». Большое значение для организации работы по охране надгробий имело постановление Бюро ЦК КП Казахской ССР от 14 ноября 1980 г. «О своде памятников истории и культуры Казахской ССР», за которым последовали постановления бюро Алма-Атинского обкома и исполкома Алма-Атинского горсовета [Алимжанов 1984]. В 1980–1983 гг. отдел

по охране памятников городского Управления культуры собрал фактический материал о состоянии надгробий, определил уровень их сохранности, провел фотофиксацию, составил паспорта. Решением горисполкома № 2/35 от 26 января 1984 г. «О памятниках истории и культуры Алма-Аты местного значения» в список охраняемых государством памятников были внесены надгробия на Центральном кладбище и кладбище Кенсай (всего – 12) и надгробие героя освободительной войны против джунгарских захватчиков батыра Райымбека Хангельдина на проспекте Райымбека напротив Центрального кладбища. Балансовая принадлежность была передана в ведение Управления коммунальных предприятий, а надзор и реставрация – Управлению культуры⁶³.

Развитие мемориальной скульптуры и совершенствование похоронного обслуживания не соответствовали реальному состоянию некрополей, которые продолжали находиться в «запущенном» состоянии – не имели ограждения, планировки участков, озеленения, освещения и регулярной охраны. Центральное кладбище огорожено современным забором из железобетонных блоков только в 1967 г. после выхода постановления СМ Казахской ССР № 562 от 31 июля «О мерах по улучшению похоронного обслуживания и содержанию кладбищ»⁶⁴, а Северное – только в 1976 г.⁶⁵ В 1970 г. в связи с «полным освоением земельного участка» Центральное кладбище официально закрыто, был отведен новый участок на улице Луначарского, прилегающий к кладбищу с северо-запада⁶⁶. На этом новом участке похоронены народный писатель М. Зверев, народный художник Е. Сидоркин, заслуженный деятель искусств П. Зальцман, профессора консерватории – скрипач В. Хесс и пианистка Е. Коган, академик-химик М. Горяев и гляциолог К. Макаревич, профессора мединститута О. Глозман, и Б. Еланцев, Герои Советского Союза – Г. Рыжов, Н. Кулебяев, М. Меркулов, Н. Шамшик и полный кавалер ордена Славы В. Сальников.

Одновременно к началу 1970-х гг. кладбище Кенсай стало неофициальным национальным некрополем для мусульманского населения города. Возможно, этому способствовало влияние Первого секретаря ЦК КП Казахской ССР Динмухамеда Кунаева. Хотя внешне этот период характеризуется следованием курсу ленинской национальной политики, отстаиванием интернационализма⁶⁷

⁶³ ГАА. Ф. 174. Оп. 29. Д. 1946. Л. 5.

⁶⁴ Там же. Ф. 76. Оп. 7. Д. 512. Л. 114.

⁶⁵ Там же. Ф. 174. Оп. 29пр. Д. 1351. Л. 88.

⁶⁶ Там же. Ф. 76. Оп. 7пр. Д. 605. Л. 237.

⁶⁷ Национальная политика и межнациональные отношения: Тематический указатель (по материалам каталога к фонду № 708 «Центральный

и проведением атеистической пропаганды во всех сферах жизни. Возможно, оказал влияние и внешний фактор – перемещение сельского населения в город. Ускорение темпов промышленного развития способствовало территориальной мобильности населения. Если в 1950–1960-е гг. миграционные процессы почти не были развиты, то в следующее десятилетие они разворачиваются на всей территории республики [Султангалиева 2010]. Основным источником пополнения населения Алма-Аты становятся мигранты из городов и особенно сел Казахстана, в которых мусульманские погребальные традиции не были изжиты и активно практиковались. К этому времени городские власти провели благоустройство кладбища Кенсай: в 1972 г. для строительства автодороги вблизи кладбища изъяты земельные участки⁶⁸, а двумя годами ранее кладбище укомплектовано «обслуживающим персоналом из числа местных национальных кадров, знающих порядок и обычай захоронений по национальному обряду»⁶⁹. Эти процессы по времени совпадают с захоронением матери Динмухамеда Кунаева (1973), ставшего в 1971 г. членом Политбюро ЦК КПСС, а впоследствии – трижды Героем Социалистического Труда. Известно, что родители Д.А. Кунаева были похоронены по мусульманскому обряду, им установлены памятники с мусульманской религиозной символикой. Это стало неофициальным «сигналом» для общества, и уже в 1973 г. на Кенсай были похоронены первый председатель Комитета по радиовещанию и телевидению Х. Мустафин, основатели казахского национального профессионального театра народные артисты, лауреаты Государственной премии СССР А. Умбетбаев и К. Джандарбеков, народный художник А. Кастеев, классик казахской литературы, академик С. Муканов, крупный ученый-селеクционер М. Ермеков, директор Института философии и права АН Т. Жангельдини заслуженный геолог Казахской ССР, Герой Социалистического Труда Н. Токенов. Особенно популярным у казахской интеллигенции и представителей власти некрополь Кенсай стал после захоронения в 1976 г. отца Д.А. Кунаева – М.Ж. Кунаева. Это захоронение окончательно закрепило за Кенсай статус некрополя казахской национальной творческой и государственной элиты.

Комитет Коммунистической партии Казахстана», 1956–1991 гг.») / сост. Р.У. Онгарбекова, Б.Т. Хамраева; под ред. Г.Н. Яндульской. Алматы: Архив Президента Республики Казахстан, 2007. 61 с.; Великая сила братского единения: Сб. материалов о праздновании 60-летия Казахской ССР и Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата: Казахстан, 1980. 288 с.

⁶⁸ ГАА. Ф. 174. Оп. 29. Д. 1154. Л. 61.

⁶⁹ Там же. Ф. 76. Оп. 7. Д. 605. Л. 522.

Последующий двадцатилетний период истории кладбищ тесно связан с интенсивным ростом территории города и его населения, массовым строительством и передачей территорий области в административное подчинение горсовету⁷⁰. В 1976 г. планировалось разработать проекты реконструкции действующих кладбищ и строительство нового кладбища «в комплексе с домом траура, крематорием, мемориальной зоной и кладбищем смешанного погребения». Этим новым по содержанию сооружением траурной гражданской обрядности, по-видимому, должно было стать кладбище в пос. Бурунды, будущее Западное, открытое в 1984 г.⁷¹ Приказом директора Спецкомбината бытового обслуживания № 116 от 11 декабря 1989 г. «в связи с отсутствием свободных площадей» захоронения на новой территории Центрального кладбища на улице Бродского (бывшая Луначарского) были запрещены. Основанием явилось письмо председателя исполнкома № НА I-7917 от 07.12.1989 г. Основным городским кладбищем для массовых захоронений стало Западное. В 1985 г. официально закрыто мусульманское кладбище Кенсай-1. Однако и на нем, и на Центральном захоронения продолжаются до настоящего времени. 20 июля 1992 г. из землепользования колхоза «Луч Востока» Талгарского района Алма-Атинской области было выделено 40 га для расширения мусульманского кладбища. На этой территории юго-восточнее исторического некрополя было открыто новое кладбище – Кенсай-2⁷².

По данным фонда бывшего похоронного бюро в ГАА, в г. Алма-Ате в 1991 г. находились 23 кладбища. Наряду со старыми некрополями, это кладбища присоединенных к городу в 1960–1980-х гг. районов Алма-Атинской области. В основном это небольшие по площади кладбища бывших поселков и совхозов: «Заря Востока», «Пригородный», совхоза имени Кирова, «Красный трудовик», «Горный гигант», «Каменское плато», кладбища в поселке «Алатау», «Султан-курган» и микрорайоне «Дорожник»⁷³. На сегодняшний день в городе, с учетом присоединенных территорий, находится около 70 кладбищ, ни одному из них не придан статус историко-мемориального некрополя.

⁷⁰ Алматы: Административно-территориальное деление: 1918–2003 гг. / сост. Н.В. Чаушанская, М.К. Тахаева. 2-е изд., доп. Алматы: ЦГА г. Алматы, 2008. С. 53–56.

⁷¹ ГАА. Ф. 174. Оп. 29пр. Д. 1351. Л. 91.

⁷² Собрание актов Президента Республики Казахстан и Правительства Республики Казахстан. 1992. № 29. С. 430–431.

⁷³ ГАА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 78. Л. 105.

Заключение

При описании некрополей города Алма-Аты наибольшее количество документов советского периода удалось найти в фонде Алма-Атинского городского Совета и его исполнительного комитета в Городском архиве Алма-Аты. Большая часть документов сосредоточена также в «сопутствующих» фондах – городского отдела коммунального хозяйства, управления благоустройства и коммунальных предприятий и архитектурно-планировочного управления. Фонд Специализированного комбината ритуальных услуг (бывшее похоронное бюро) содержит наименьшее количество документов по теме. Документы спецкомбината по основной деятельности не поступали на постоянное хранение в ГАА с 1991 г. Научная обработка, систематизация и документальная публикация источников по рассматриваемой теме ранее не проводились. Для работы по сохранению исторических некрополей необходимо использование такого важного, но относительно маловостребованного ресурса, как фонды, содержащие биографические и генеалогические данные, служебные документы – решения государственных органов, охранные обязательства, регистрационные карты, паспорта, планы-схемы. Значимость работы определяется не только высоким риском утраты отдельных захоронений и целых кладбищ. Для сохранения коллективной исторической памяти необходима ее объектно-пространственная материализация, которая обеспечивает передачу памяти на разных уровнях – семьи, города, страны, народа в целом. Эту функцию наряду с музеями и мемориалами выполняют и кладбища, являющиеся местами *непосредственного соприкосновения* человека с прошлым. Для сохранения информационной составляющей некрополя необходима публикация источников, содержащихся в архивных фондах, которая позволяет «преодолеть дискретность документальных свидетельств о жизни человека, собрать их вместе в единый комплекс и трансформировать непубличную архивную жизнь человека в публичную» [Козлов 2018]. Потеря этих важных «предметно-информационных» связей приводит к утрате мест сосредоточения исторической памяти и разрушению связи поколений, являющейся культурным наследием народов, имеющих исторически обусловленную общую историю.

Благодарности

Автор выражает благодарность краеведу С.И. Степановой (Москва), профессору Казахского национального университета искусств Р.К. Мусаходжаевой (Астана), независимому исследователю Р.Р. Шаяхметову, директору Государственного архива Алматинской области Г.И. Кулмухамбетовой, руководителю отдела государственного учета и обеспечения

сохранности документов Г.З. Асилхановой, заместителю директора Центрального государственного архива Республики Казахстан М.Г. Жылысбаевой, директору Государственного архива Алма-Аты А.К. Ботанову, заместителю директора А.М. Исаловой, главному эксперту О.Р. Белоносову, директору Государственного архива научно-технической документации Республики Казахстан Б.А. Жуматаевой, заместителю директора Спецкомбината ритуальных услуг Алма-Аты М.М. Исмаилову, бывшему заведующему Центральным кладбищем Н.Н. Василенко, некрополисту И.Ю. Щербакову.

Acknowledgements

The author expresses gratitude to local historian S.I. Stepanova (Moscow), professor of the Kazakh National University of Arts R.K. Musakhodzhaeva (Astana), independent researcher R.R. Shayakhmetov, director of the State Archive of the Almaty Region G.I. Kulmukhambetova, head of the department of state registration and preservation of documents G.Z. Asilkhanova, Deputy Director of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan M.G. Zhylysbayeva, Director of the State Archive of Alma-Ata A.K. Botanov, Deputy Director A.M. Isalova, Chief Expert O.R. Belonosov, Director of the State Archive of Scientific and Technical Documentation of the Republic of Kazakhstan B.A. Zhumataeva, Deputy Director of the Specialized Funeral Services Complex of Alma-Ata M.M. Ismailov, former Head of the Central Cemetery N.N. Vasilenko, Necropolis Expert I.Yu. Shcherbakov.

Литература

Алимжанов 1984 – Алимжанов А. Живая связь с историей // Памятники истории и культуры Казахстана. Алма-Ата: Онер, 1984. С. 5–13.

Афонин 2022 – Афонин Г.А. Некрополь мастеров искусств на Центральном кладбище Алма-Аты: история и современное состояние // Искусство и дизайн: история и практика: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 30 мая 2022 г. СПб.: СПГХПА им. А.Л. Штиглица, 2022. С. 26–46.

Афонин 2023 – Афонин Г.А. Некрополь города Верного // «Связь поколений как культурное наследие народов союза независимых государств»: Международная научно-практическая конференция (Н. Новгород, 7–8 сентября 2023 г.): Сб. науч. статей; под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород, 2023. С. 516–527.

Афонин 2025 – Афонин Г.А., Чиликова Е.В. Мемориалы воинов Советской армии, умерших в эвакуационных госпиталях Алма-Аты во время Великой Отечественной войны: история и современное состояние // Месмахеровские чтения – 2025: научно-практическая конференция, 20–21 марта 2025 г.: сб. науч. статей; науч. ред. А.И. Бартенев, Г.Е. Прохоренко, О.Б. Элькан;

ред.-сост. А.В. Корнильева, А.М. Фатеева, Н.Н. Цветкова. СПб.: СПГХПА им. А.Л. Штиглица, 2025. С. 157–167.

Волохова 2017 – *Волохова В.А.* История братской могилы коммунистов в контексте политической жизни Петрозаводска в годы гражданской войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Исторические науки и археология. 2017. № 3 (164). С. 19–26.

Козлов 2018 – *Козлов В.П.* Документ и три жизни человека // Документальное наследие России: проблемы теории и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Москва, Архив РАН, 8 июня 2018 г. М.: Архив РАН, 2018. С. 61–66.

Красильникова 2014 – *Красильникова Е.И.* Казачье кладбище в Омске: преемственность традиций и советская политика памяти (конец 1919 – начало 1941 г.) // Вестник Кемеровского госуниверситета. История. 2014. Т. 1. № 4 (60). С. 44–48.

Степанова 2022 – *Степанова С.И.* Церковь Всех Святых на верненском городском кладбище и верненский Иверско-Серафимовский монастырь. URL: <https://starinariy.kz/library/category/21/document/85> (дата обращения: 01.01.2025).

Султангалиева 2010 – *Султангалиева А.К.* Город и люди: социокультурная трансформация в Казахстане. Алматы, 2010. 244 с.

References

Afonin, G.A. (2023), “Necropolis of the Verny city”, in Saralieva, Z.Kh., ed., «*Svyaz' pokolenii kak kul'turnoe nasledie narodov soyuza nezavisimykh gosudarstv»: Mezdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* (N. Novgorod, 7–8 sentyabrya 2023 g.): *Sbornik nauchnykh statei* [Generational bridge as a cultural heritage of the peoples of the Union of Independent States: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, September 7–8, 2023. Collected scientific articles], Nizhniy Novgorod, Russia, pp. 516–527.

Afonin, G.A. (2022), “Necropolis of art masters at the Central Cemetery of Almaty. History and current state”, in *Iskusstvo i dizain: istoriya i praktika: materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, g. Cankt-Peterburg, 30 maya 2022 g. [Art and design. History and practice. Proceedings of the 7th All-Russian Scientific and Practical Conference, saint Petersburg, May 30, 2022], SPGKhPA im. A.L. Shtiglitsa, Saint Petersburg, Russia, pp. 26–46.

Afonin, G.A. and Chilikova, E.V. (2025), “Memorials of warriors of the Soviet Army who died in evacuation hospitals of Alma-Ata during the Great Patriotic War: History and current state”, in Bartenev, A.I., Prokhorenko, G.E. and El'kan, O.B., eds., *Mesmacherovskie chteniya – 2025: nauchno-prakticheskaya konferentsiya, 20–21 marta 2025 g.: sbornik nauchnykh statei* [Mesmacher Conference (Readings) – 2025: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, March 20–21, 2025], SPGKhPA im. A.L. Shtiglitsa, Saint Petersburg, Russia, pp. 157–167.

Alimzhanov, A. (1984), "Living connection with history", in *Pamyatniki istorii i kul'tury Kazakhstana* [Monuments of history and culture of Kazakhstan.], Oner, Alma-Ata, USSR, pp. 5–13.

Kozlov, V.P. (2018), "Document and three lives of a man", in *Dokumental'noe nasledie Rossii: problemy teorii i praktiki: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, g. Moskva, Arkhiv RAN, 8 iyunya 2018 g. [Documentary heritage of Russia. Issues of theory and practice. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, June 8, 2018], Arkhiv RAN, Moscow, Russia, pp. 61–66.

Krasilnikova, E.I. (2014), "The Kozakh Cemetery in Omsk. Continuity of traditions and the Soviet memory politics (late of 1919 – early 1941)", *Vestnik Kemerovskogo gosuniversiteta. Istorya*, vol. 1, no. 4 (60), pp. 44–48.

Stepanova, S.I. (2022), *Tserkov' Vsekh Svyatyh na vernenskom gorodskom kladbischche i vernenskii Iversko-Serafimovskii monastyr'* [Church of All Saints at the Vernyj city cemetery and the Verniy Iversko-Serafimovsky monastery], available at: <https://starinariy.kz/library/category/21/document/85> (Accessed 1 Jan. 2025).

Sultangalieva, A.K. (2010), *Gorod i lyudi: sotsiokul'turnaya transformatsiya v Kazakhstane* [City and people. Sociocultural transformation in Kazakhstan], Almaty, Republic of Kazakhstan.

Volokhova, V.A. (2017), "History of the collective burials of communists in the context of the political life of Petrozavodsk during the Civil war", *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiya*, vol. 164, no. 3, pp. 19–26.

Информация об авторе

Георгий А. Афонин, доктор медицинских наук, доцент, Казахский национальный медицинский университет имени С.Д. Асфендиярова, Алматы, Республика Казахстан; 050012, Республика Казахстан, Алматы, улица Толе би, д. 94; ilyenkov_diamat@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9314-6938

Information about the author

Georgy A. Afonin, Dr. of Sci. (Medicine), associate professor, Asfendiyarov University, Almaty, Republic of Kazakhstan; 94, Tole bi St., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050012; ilyenkov_diamat@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9314-6938

У книжной полки

УДК 001.32:930.25(470.44)
DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-223-230

«Знаменитейший правовед и историко-археолог»:
о книге Д.Ю. Мурашова «Академик Н.В. Калачов»
(Пенза, 2024. 160 с.)

Маргарита Н. Шашкина

*Государственный архив Саратовской области,
Саратов, Россия, ritaplus@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется монография Д.Ю. Мурашова «Академик Н.В. Калачов», вышедшая накануне 140-летней годовщины со дня кончины Николая Васильевича Калачова (1819–1885). Фамилия выдающегося отечественного историка, правоведа, архивиста и основоположника краеведения стоит в первых рядах тех, кто создавал научную славу России в XIX в. Автор считает монографию Д.Ю. Мурашова «Академик Н.В. Калачов» первым подробным жизнеописанием знаменитого ученика и подчеркивает важность данной работы для современных биографов Н.В. Калачова, стремящихся популяризовать жизнь и научное наследие академика. Автор останавливает внимание на особенностях стиля «творческой лаборатории» Д.Ю. Мурашова: активное использование им ранее неопубликованных архивных материалов, тщательное изучение источников и историографии темы, наличие продуманной структуры работы и доступный широкой аудитории язык изложения. Обращается внимание на выраженное в монографии личное отношение автора к герою исследования. Актуальным является вопрос увековечивания памяти Н.В. Калачова. По мнению автора статьи, Д.Ю. Мурашов еще раз напомнил о большом вкладе Н.В. Калачова в научную и общественную жизнь России. Сын своего Отечества, историк и архивист достоин быть увековеченным хотя бы в одном монументе, напоминающем об этом. Предлагается установить памятный знак на месте захоронения Н.В. Калачова в селе Салтыково Пензенской области.

Ключевые слова: Н.В. Калачов, архивное дело, губернские ученые архивные комиссии, Государственный архив Саратовской области

© Шашкина М.Н., 2025

Статья поступила в редакцию 15 января 2025 г.;
принята к публикации 2 июня 2025 г.

Для цитирования: Шашкина М.Н. «Знаменитейший правовед и историко-археолог»: о книге Д.Ю. Мурашова «Академик Н.В. Калачов» (Пенза, 2024. 160 с.) // История и архивы. 2025. Т. 7. № 4. С. 223–230. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-223-230

“The most prominent jurist and historian-archaeologist”.

About D.Yu. Murashov’s book
“Academician N.V. Kalachov” (Penza, 2024. 160 p.)

Margarita N. Shashkina

*State Archives of the Saratov region,
Saratov, Russia, ritaplus@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the monograph by D.Yu. Murashov “Academician N.V. Kalachov”, published on the eve of the 140th anniversary of the death of Nikolai Vasilyevich Kalachov (1819–1885). The name of an outstanding Russian historian, lawyer, archivist and the founder of local history is one of the first to create scientific fame for Russia in the 19th century. The author believes that the monograph by D.Yu. Murashov “Academician N.V. Kalachov” is the first detailed biography of the famous scholar and emphasizes the importance of the work to contemporary N.V. Kalachov’s biographers, who seek to popularize the life and scientific heritage of the academician. The author focuses on the features of the style of D.Yu. Murashov’s “creative laboratory”: an active use of previously unpublished archival materials, a careful study of sources and historiography of the topic, the presence of a well-thought-out structure of the work and the language of presentation accessible to a wide audience. Attention is drawn to D.Yu. Murashov’s personal attitude to the main character of the study – the approach expressed in the monograph. The issue of perpetuating the memory of N.V. Kalachov is relevant. According to the author of the article, D.Yu. Murashov once again recalled the great contribution of N.V. Kalachov to the scientific and social life of Russia. A son of his homeland, a historian and archivist, deserves being perpetuated in at least one monument reminding us of that great personality. It is proposed to install a memorial sign at the burial site of N.V. Kalachov in the village of Saltykovo, the Penza region.

Keywords: N.V. Kalachov, archiving, provincial academic archives commissions, State Archives of the Saratov Region

The article was submitted for publication 15.01.2025;
accepted for publication 02.06.2025.

*For citation: Shashkina, M.N. (2025), “‘The most prominent jurist and historian-archaeologist’. About D.Yu. Murashov’s book ‘Academician N.V. Kalachov’ (Penza, 2024. 160 p.)”, *History and Archives*, vol. 7, no. 4, pp. 223–230, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-223-230*

Имя Николая Васильевича Калачова (1819–1885) принадлежит к числу наиболее ярких имен отечественных ученых и общественных деятелей XIX в. Исследователь истории России IX–XVIII вв., издатель журналов и сборников по истории и праву, педагог, археограф – личность этого человека многогранна и масштабна. Велика его роль в деятельности Редакционных комиссий по отмене крепостного права и судебной реформы 1864 г. Именно Н.В. Калачов в 1878 г. стал основателем важного для всех краеведов страны Археологического института в Санкт-Петербурге. Именно он, как инициатор архивной реформы, заложил основы губернских ученых комиссий, ставших началом системного изучения регионального прошлого России. Инициатива эта была поддержана императором Александром III, благодаря чему ученые архивные комиссии появились в российских губерниях, став фундаментом современного отечественного краеведения.

Саратовская архивная ученая комиссия (СУАК) являлась, к слову, одним из первых губернских учреждений такого рода. Лишь по трагическим обстоятельствам она в конце 1885 г. не была открыта лично Н.В. Калачовым: Николай Васильевич скончался в своем имении в сельце Волхонщина по дороге из Москвы в Саратов, куда направлялся на ее открытие. Роль СУАК трудно переоценить и сегодня: документы и артефакты, собранные ее членами, легли в основу коллекций и фондов областного музея краеведения и государственного архива.

Автор книги о Николае Васильевиче Калачове – Дмитрий Юрьевич Мурашов, кандидат исторических наук, ученый секретарь Пензенской областной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова, является выпускником исторического факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. На презентации книги в Государственном архиве Саратовской области 30 мая 2025 г. он отметил, что сам впервые узнал о Н.В. Калачове на 3-м курсе истфака, а спустя 30 лет стал автором его биографии.

Биографии выдающихся людей привлекают Д.Ю. Мурашова. Герои его книг-биографий – писатели М.Н. Загоскин, Р.Б. Гуль, В.Н. Ладыженский, первый заместитель председателя правления Советского фонда культуры Г.В. Мясников¹. Дмитрий

¹ Мурашов Д. Михаил Загоскин: знакомый незнакомец. Пенза: Пензенская областная библиотека имени М.Ю. Лермонтова, 2021; *Он же*.

Мурашов видит историю в человеке и любит изучать человека в истории².

Монография о Н.В. Калачове опирается на весь доступный комплекс источников личного происхождения, связанных с Николаем Калачовым, на сохранившиеся воспоминания и исследования о нем. Монография – второе обращение Дмитрия Мурашова к теме в книжном формате. Первая его работа о Н.В. Калачове вышла в 2021 г. По словам автора, его исследование было всего лишь «штрихами к биографии» академика³. Теперь эти «штрихи» или эскизы стали «картиной», полноценной биографией Калачова.

Дмитрий Мурашов серьезно и вдумчиво занимался фондом личного происхождения Н.В. Калачова, являющимся настоящей жемчужиной среди собраний документальных материалов Государственного архива Саратовской области. Архивный фонд ГАСО № 408 («Н.И. Калачов, ученый-историк и археограф, помешник Саратовской губернии, управляющий Московским архивом Министерства юстиции») можно без натяжек назвать уникальным. Здесь отложилось более тысячи документов. И многие материалы напрямую связаны с жизнью и научным наследием Н.В. Калачова.

Первую книгу Дмитрия Мурашова о Николае Васильевиче Калачове открывал эпиграф из книги Стефана Цвейга об Эразме Роттердамском. Автор не без основания посчитал, что посмертная биография знаменитого теперь философа схожа с такой же биографией Н.В. Калачова: «О внешней жизни его можно рассказать мало интересного: человек, живущий в тиши и неустанных трудах, редко имеет колоритную биографию. Да и то, что он сделал, скрыто от сознания ныне живущих, завалено, как фундамент под уже возведенным зданием»⁴. И это действительно так. При всем многообразии исследований о Н.В. Калачове [Маяковский 1948; Шохин 1994; Хорхордина 2003, Первушкин 2006; Курков 2018; Шашкина 2018; Шашкина 2019] какой-либо общей работы, создающей цельное представление о нем как о человеке, ученом, общественном деятеле и семьянине не было.

Роман Гуль: писатель из Пензы. Пенза: Пензенская областная библиотека имени М.Ю. Лермонтова, 2018; *Он же*. Владимир Ладыженский: жизнь хорошего человека. Пенза: Пензенская областная библиотека имени М.Ю. Лермонтова, 2022; *Он же*. Георг Мясников: выбор истории. Пенза: Пензенская областная библиотека имени М.Ю. Лермонтова, 2023.

² Мурашов Д. Александр Герцен и Пензенский край. Пенза: [Б. и.], 2020. 167 с.

³ Мурашов Д. Николай Калачов: штрихи к биографии. Пенза: [Б. и.], 2021. 116 с.

⁴ Там же. С. 3.

Николаю Васильевичу Калачову принадлежало небольшое имение в Сердобском уезде Саратовской губернии. Внушительную часть его архива из сельца Волхонщины (теперь это часть села Салтыково Сердобского района Пензенской области) еще до революции 1917 г. с позволения родных Николая Васильевича перевез в Саратов один из активных деятелей СУАК, городской нотариус Григорий Григорьевич Дыбов-младший (1868–1920). С тех пор эти ценные документы находятся в государственном архиве, являясь наиболее полным собранием калачовских материалов.

Дмитрий Мурашов считает саратовца Г.Г. Дыбова первым биографом Н.В. Калачова, отдает должное его упорству в непростом процессе собирания материалов для биографии ученого, настойчивому и тактичному общению с родными Калачова и сожалеет, что написанная Г.Г. Дыбовым биография академика, которого современники называли «знаменитейшим правоведом и историко-археологом»⁵, не сохранилась в вихре событий XX в. Но, к счастью, сохранился первый труд этого восторженного почитателя талантов выдающегося ученого: в 1911 г. в Саратове Г.Г. Дыбов издал брошюру, посвященную памяти Н.В. Калачова «ECCE HOMO!». Сведения, изложенные в ней, и поныне служат источником знаний как о самом академике и его научном подвиге, так и о членах его семьи⁶.

Труд Д.М. Мурашова – наиболее основательное на сегодняшний день издание, посвященное академику Н.В. Калачову. Многие из документов архивного фонда № 408 ГАСО были впервые введены в научный оборот автором. В монографии не только «считывается» глубокое осмысление деятельности дворянина, сенатора, крупного сановника Российской империи и землевладельца Саратовской губернии, но и человеческое сочувствие, понимание качеств его личности.

В книге подробно изложены основные этапы самоотверженной работы ученого-исследователя на благо Отечества, фанатично преданного любимому делу. Важно отметить, что биограф Калачова счел необходимым привести в книге работы самого Николая Васильевича: «Заметки об Инсаре и его уезде», «Засеки древней Руси», «О русских юридических древностях», «О Боярской думе Московского государства». Такое решение он объясняет тем, что труды Калачова не переиздаются, а знакомство с биографией ученого без его работ невозможно. Читатель должен знать их хотя бы в первом приближении.

Чрезвычайно интересна переписка, которая, безусловно, проясняет не только повседневную жизнь представителей дворянского

⁵ Мурашов Д. Академик Н.В. Калачов. Пенза: Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова, 2024. С. 4.

⁶ Дыбов-младший Г.Г. ECCE HOMO! Саратов, 1911. 12 с.

сословия в XIX в., но и прежде всего личность самого академика Н.В. Калачова. «Не было в нем и следа мелкой зависти и мелкого тщеславия, пороков, которые на беду так часто соединяются с талантом и знанием <...> В своем деле он умел распознавать и отыскивать людей и привлекать их к себе», – писал в воспоминаниях о Николае Васильевиче Калачове его друг и покровитель, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев⁷.

Безусловно, для наших современников богатую пищу для размышления дает семейная, личная жизнь Н.И. Калачова и его потомков, раскрытая автором, о которой не принято было распространяться в научных изданиях, хотя бы потому, что она была малоизвестной. Д.Ю. Мурашов смог уточнить судьбы не только детей, но и внуков Калачова, переживших драматические события на родине и оказавшихся после революции 1917 г. в эмиграции. Представлена постреволюционная история сердобской усадьбы Калачовых, от которой в советское время не осталось камня на камне.

Описание усадьбы, сделанное Г.Г. Дыбовыим, можно прочесть в его книге «ЕССЕ НОМО!»: «Красиво разбитый цветник перед усадьбой в Волхонщине имеет два ряда кругообразных дорожек, которые выводят на главную широкую аллею парка, носящую название “Московская дорога”. Прямая как стрела, эта аллея тянется на протяжении почти ста сажень и выводит к небольшому озеру. Очень красив вид с террасы на цветник и на открывающуюся даль главной аллеи, со средины которой можно любоваться чудной перспективой виднеющейся вдали усадьбы. Значительная часть парка заключает в себе деревья лиственных пород и очень немного хвойных. Кроме названной главной аллеи парк имеет несколько боковых аллей. По всем дорожкам цветника и аллеям парка расставлен целый ряд скамеек для сидения, окрашенных в светло-зеленый цвет. Под парком всего пять десятин и столько же под фруктовым садом. К северо-западной стороне парка примыкает теплица, где разводятся цветы. В двадцати саженях от теплицы находится грунтовый сарай, обслуживающий надобности фруктового сада. Из парка с четверть версты ходьбы до берегов живописной реки Сердобы, которая во время сильного весеннего разлива усиливает очаровательную прелест красот природы парка. В большинстве случаев весенний разлив бывает настолько велик, что во время половодья можно проехать на лодке из Волхонщины вплоть до самого города Сердобска и с таким же успехом обратно»⁸.

Особую горечь, конечно, вызывает тот факт, что пока невозмож но определить точное место захоронения Н.В. Калачова: Никольская церковь, где покоились он и двое его детей, была разрушена,

⁷ Мурашов Д. Академик Н.В. Калачов. С. 99.

⁸ Дыбов-младший Г.Г. ЕССЕ НОМО! С. 3–4.

могилы исчезли. Уже в XXI в. пензенские краеведы неоднократно и последовательно ставили вопрос о необходимости и возможности увековечить предполагаемое место упокоения Н.В. Калачова, одно время речь шла даже о часовне. Однако мемориального знака нет и поныне. Может быть, настала, наконец, пора объединить усилия и денежные средства не только местных, но многих российских архивистов и историков, понимающих весомый вклад Николая Калачова в архивное дело, интересующихся его фундаментальными трудами, неординарной личностью? Ведь фамилия Калачова стоит в первых рядах тех, кто создавал научную славу России.

Еще в 1980-х гг. академик С.О. Шмидт говорил о настоятельной необходимости появления обстоятельной монографии, посвященной Николаю Васильевичу Калачову, освещющей все аспекты его насыщенной жизни [Шохин 1999, с. 441]. Теперь такая книга есть. И она адресована историкам, архивистам, всем, кто интересуется историей Отечества.

Презентация книги «Академик Н.В. Калачов» с успехом прошла в Пензе и Саратове. Книга пополнила фонды библиотек, государственных архивов Пензенской и Саратовской областей, музеев краеведения. Изданная небольшим тиражом (150 экз.), книга о замечательном ученом доступна для прочтения на сайте Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина.

Литература

Курков 2018 – *Курков К.Н.* Выдающийся отечественный архивист Николай Васильевич Калачов (1819–1885) // Новое поколение. 2018. № 17. С. 8–16.

Маяковский 1948 – *Маяковский И.Л.* Н.В. Калачов, как историк-архивист (из истории русского архивоведения: 1860–1880-е гг.) // Труды Историко-архивного института. М., 1948. Т. 4. С. 161–177.

Первушкин 2006 – *Первушкин В.И.* Роль Н.В. Калачова в становлении провинциального краеведения (на примере Тамбовской, Саратовской и Пензенской губерний) // Исторические записки. Пенза, 2006. Вып. 10. С. 7–14.

Хорхордина 2003 – *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003. 525 с.

Шашкина 2018 – *Шашкина М.Н.* «Собиратель и хранитель российских архивов»: фонд Н.В. Калачова в Государственном архиве Саратовской области // Память о прошлом: VII Историко-архивный форум, посвященный 100-летию государственной архивной службе России. Самара, 2018. С. 339–349.

Шашкина 2019 – *Шашкина М.Н.* Эгодокументы из личного фонда историка-архивиста Н.В. Калачова // История и архивы. 2019. № 4. С. 143–155.

Шохин 1994 – *Шохин Л.И.* Н.В. Калачов и Д.Я. Самоквасов как реформаторы архивного дела в России (опыт характеристики по архивным документам) // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 183–190.

Шохин 1999 – Шохин Л.И. Московский архив министерства юстиции и русская историческая наука. М.: Памятники исторической мысли, 1999. 522 с.

References

Khorkhordin, T.I. (2003), *Rossiiskaya nauka ob arkhivakh: Istoriya. Teoriya. Lyudi* [Russian archival science: History, theory, people], RGGU, Moscow, Russia.

Kurkov, K.N. (2018), “Nikolai Vasilyevich Kalachov (1819–1885), an outstanding Russian archivist”, *Novoe pokolenie*, no. 17, pp. 8–16.

Mayakovskiy, I.L. (1948), “N.V. Kalachov, as an archivist and a historian (from the history of Russian archival studies. The 1860s – the 1880s.)”, *Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta* [Works of the Institute for History and Archives], vol. 4, pp. 161–177.

Pervushkin, V.I. (2006), “The role of N.V. Kalachov in the formation of provincial local history (on the example of the Tambov, Saratov and Penza provinces)”, *Istoricheskie zapiski* [Historical notes], iss. 10, pp. 7–14.

Shashkina, M.N. (2018), “Collector and keeper of Russian archives’. N.V. Kalachov’s fund at the State Archives of the Saratov region”, in *Pamyat’ o proshlom: VII Istoriko-arkhivnyi forum, posvyashchennyi 100-letiyu gosudarstvennoi arkhivnoi sluzhbe Rossii* [Memory of the Past. The 7th Historical and Archival Forum dedicated to the 100th anniversary of the State Archival Service of Russia], Samara, Russia, pp. 339–349.

Shashkina, M.N. (2019), “Documents from the personal fund of N.V. Kalachov, a historian and archivist”, *History and Archives*, 2019, no. 4, pp. 143–155.

Shokhin, L.I. (1994), “N.V. Kalachov and D.Ya. Samokvasov as the reformers of archives administration in Russia (characterization essay based on archival documents)”, in *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1992 god* [Archaeographic yearbook for 1992], Moscow, Russia, pp. 183–190.

Shokhin, L.I. (1999), *Moskovskii arkhiv ministerstva yustitsii i russkaya istoricheskaya nauka* [The Moscow archives of the Ministry of Justice and Russian historical science], Pamyatniki istoricheskoi mysli, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Маргарита Н. Шашкина, Государственный архив Саратовской области, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Кутякова, д. 15; ritaplus@mail.ru

ORCID ID: 009-0008-2075-3348

Information about the author

Margarita N. Shashkina, State Archives of the Saratov region, Saratov, Russia; 15, Kutyakov St., Saratov, Russia, 410012; ritaplus@mail.ru

ORCID ID: 009-0008-2075-3348

In memoriam

УДК 001.32:930.25

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-231-245

«По живому следу...»:
Мария Рашковская (04.06.1944 – 31.12.2023) –
архивист, историк мысли и культуры

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженье от победы
Ты сам не должен отличать.
Борис Пастернак

Евгений Б. Рашковский

*Институт мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН),
Москва, Россия, eug.rashkov@gmail.com*

Аннотация. Статья представляет собой краткое жизнеописание и анализ наследия Марии Аркадьевны Рашковской (1944–2023), замечательного архивиста и археографа, посвятившего полвека работе в стенах Российского государственного архива литературы и искусства. Большая часть ее трудов связана с мастерским научным описанием личных фондов выдающихся деятелей отечественной культуры: от соратников Л. Н. Толстого до Давида Самойлова. Однако центром ее исследований и археографических трудов было рукописное наследие Бориса Пастернака. Марией Аркадьевной были открыты, изучены, тщательно археографически обработаны и введены в российский и мировой культурный оборот сотни пастернаковских документов, подчас не только затерянных в личных или учрежденческих фондах, но и в грудах макулатуры (переписка, эссеистика, «Петербургская проза»). Без ее трудов, опубликованных у нас в России и за рубежом, едва ли возможно представить себе жизнь, творчество и круг общения великого поэта.

Особой областью трудов и исследований Марии Аркадьевны были также обработка, описание и издание материалов христианского мыслителя, мемуариста и искусствоведа Сергея Николаевича Дурылина (1886–1954). Археографическая деятельность Марии Аркадьевны рас-

пространилась в последние годы ее жизни и на область мультимедийных публикаций. Глубина ее духовного и нравственного склада отразилась не только на характере ее трудов, но и на сердечности ее отношений с коллегами.

Ключевые слова: М.А. Рашковская, РГАЛИ, МГИАИ, археография, поэзия, Б.Л. Пастернак, С.Н. Дурылин, А.А. Зимин, Д.С. Самойлов, Польша

Статья поступила в редакцию 12 декабря 2024 г.;
принята к публикации 2 июня 2025 г.

Для цитирования: Рашковский Е.Б. «По живому следу...»: Мария Рашковская (04.06.1944 – 31.12.2023) – архивист, историк мысли и культуры // История и архивы. 2025. Т. 7. № 4. С. 231–245. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-231-245

**“On a live trail...”:
Maria Rashkovskaya (04.06.1944 – 31.12.2023) –
an archivist, a historian of thought and culture**

Evgenii B. Rashkovskii

*Institute of World Economy and International Relations (IMEMO),
Moscow, Russia, eug.rashkov@gmail.com*

Abstract. The article is a short biography and the analysis of the heritage of Maria Arkadievna Rashkovskaya (1944–2023), a prominent archivist and archaeographer, who devoted half of the century to the work at the Russian State Archives of Literature and Art. The majority of her writings are masterful scientific descriptions of the personal funds of outstanding figures of Russian culture: starting with L.N. Tolstoy's associates and ending with David Samoylov. And yet, the center of her research and archaeological works was the manuscript heritage of Boris Pasternak. Maria Arkadievna discovered, studied, archaeographically processed in detail and introduced into the Russian and international cultural circulation hundreds of Pasternak's documents which, in some cases, were not only misplaced in personal or institutional funds, but were also lost in waste paper piles (correspondence, essays, the “Petersburg Prose” miscellany). Without her writings, published in Russia and abroad, it is hardly possible to imagine the life, the creative activity and the great poet's circle if contacts.

Another vital area of Maria Arkadievna's work and research was the processing, description and publication of the materials of the Christian thinker, memoirist and art historian Sergey Nokolaevich Durylin (1886–1954).

In her last years of life, Maria Arkadievna's archaeographic activity also spread throughout the field of multimedia publications.

The depth of her spiritual and moral fabric has not only affected the nature of her work, but also the warmth of her relationships with the colleagues.

Keywords: M.A. Rashkovskaya, RGALI, MGIAI, archaeography, poetry, B.L. Pasternak, S.N. Durylin, A. A. Zimin, D. S. Samoylov, Poland

The article was submitted for publication 12.12.2024;
accepted for publication 02.06.2025.

For citation: Rashkovskii, E.B. (2025), “‘On a live trail...’: Maria Rashkovskaya (04.06.1944 – 31.12.2023) – an archivist, a historian of thought and culture”, *History and Archives*, vol. 7, no. 4, pp. 231–245, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-4-231-245

«Сегодня мы исполним грусть его...»

Действительно, это был день какой-то светлой печали. В этот день, 4 июня 2024 г., Марии Аркадьевне Ращковской, архивисту и ученому-пастернаковеду, исполнилось бы 80. И в этот день коллектив Дома-музея Бориса Пастернака пригласил ее родных, друзей и коллег отметить годовщину.

Материалы встречи и легли в основу настоящей статьи.

* * *

Разумеется, человек (и в особенности – человек глубокий и творческий) не может быть сведен ко внешним своим предпосылкам, к своему background’у. Но все же некоторое представление о последнем, на мой взгляд, немаловажно для понимания духовного и творческого облика Марии.

Как бы вся коренная Россия была в числе ее предков: крестьяне Будковы¹, купцы Романиновы, дворяне Литвиновы, разночинцы Горбуновы. Родители Марии – агрономы-селекционеры, вынужденные жить, как и положено было ссылочным, за 101-м километром от Москвы (дер. Фофанка, Александровский район Владимирской области). Отец, Аркадий Феодосиевич Будков (1907–1974), был учеником и последователем замечательного генетика-селекционера Петра Ивановича Лисицына (1877–1948), противника лысенковских «новаций»; мать, Любовь Владимировна Горбунова (1919–1989), всю жизнь трудилась над выведением устойчивых сортов пшениц для неплодородных земель Центральной полосы России. Несомненно, что своей непримитивной преданностью Стране и Науке, а также и любовью к Поэзии Мария во многом была обязана своим родителям и особенностям домашнего воспитания.

¹ Будкова – девичья фамилия Марии.

В семье читались прежде всего Пушкин, Лермонтов, Некрасов. Снобизм символистов и их эпигонов в отношении Некрасова она считала вещью недостойной.

Кстати, и своей любовью к земле она, возможно, также была обязана родителям. На склоне лет, короткое время, она оказалась владелицей дачного участка на берегу речки Лутосни (блоковские места!)²; надо было видеть, как увлеченно и успешно она – если вспомнить повесть Вольтера «Кандид» – «возделывала свой сад» и как радовалась близости вечных своих «соседей»: Чайковского, Менделеева, Блока... Она великолепно фотографировала растения: и дикорастущие, и садовые.

Родители Марии надорвали свое здоровье в условиях ссылки и войны: и армия, и тыл нуждались в хлебе. Мария, по рассказам ее матери, родилась в тот момент, когда та еле-еле вернулась в дом после полевых работ... Родителям помогали воспитывать Марию состоятельный родственники – семья знаменитого математика и музыканта, профессора МГУ Георгия Евгеньевича Шилова (1917–1975)³. В шиловском доме Мария (тогдашняя Машенька Будкова) впервые прочла роман «Доктор Живаго» в самиздатной версии.

Свое высшее образование Мария получила в стенах хотя и не привилегированного, но уникальнейшего в те поры Московского государственного историко-архивного института – гуманитарного института, где приоритет уделялся не идеологической «накачке», но – с самых первых студенческих дней – углубленной работе с документальными источниками. Среди ее воспитателей на вузовской скамье следует отметить историографа Ивана Архиповича

² Вспомним залихватский пассаж из «Пощечины общественному вкусу»: «Всем этим Максимам Горьким, Куприным, Блокам... и проч. и проч. – нужна лишь дача на реке. Такую награду дает судьба портным» ([URL: //ru.wikipedia.org/wiki/Пощечина...](https://ru.wikipedia.org/wiki/Пощечина...) Дата обращения: 07.06.2024). Чем обидно необходимое людям ремесло портного – ума не приложу...

³ Георгий Евгеньевич, бывший фронтовик и кавалер ордена Красной Звезды, которым был удостоен за математическое обеспечение советской зенитной артиллерии, безвременно скончался, затравленный университетским партийным начальством. А за университетской травлей стоял Московский обком КПСС во главе – по существу – со злоподивным Владимиром Ягодкиным. Та же парторганизация МГУ разгромила и созданную тетушкой Марии – Софьей Владимировной Шиловой – студию детского художественного развития «Орленок». Уникальные сведения о семействе Шиловых содержатся в материалах личного фонда педагога и хореографа Стефаниды Дмитриевны Рудневой – ЦГА г. Москвы, ф. Л-140.

Кудрявцева, Сигурда Оттовича Шмидта⁴, документоведа Константина Григорьевича Митяева, историка культуры советского периода Людмилу Марковну Зак (ветерана Великой Отечественной)⁵, но прежде всего – незабвенного Александра Александровича Зимина⁶. Среди ее институтских приятелей хотелось бы вспомнить таких будущих историков, как Евгений Бениаминович Бешенковский, Евгений Михайлович Добрушкин, Павел Николаевич Зырянов, Валерий Сергеевич Мингалев.

Летом 1968 г. Мария успешно защитила написанную под руководством А. А. Зимина дипломную работу «Мемуары Н.И. Кареева «Прожитое и пережитое» как исторический источник»⁷. В те годы, еще за два десятка лет до перестройки, этот кареевский текст существовал лишь в рукописи⁸, так что свет он увидел лишь 22 года спустя после защиты диплома⁹.

Зашита не обошлась без неприятного курьеза. Один из тогдашних «ревнителей», еще в последний год жизни Сталина опозоривший себя травлей глубокого источниковеда и археографа Сигизмунда Натановича Валка, высказал недоумение: как можно было допускать к защите работу о «буржуазном» историке, которого-де разоблачал сам «основатель русского марксизма» Г.В. Плеханов?¹⁰ Однако положение спасли как авторитет Зимина, так и одиозность самого «ревнителя»: на дворе стояли шестидесятые, уже означененные кровавыми бойнями в Новочеркасске и Кропоткине, означененные партийными дебошами против религии и интеллигентии, но еще не омраченные интервенцией против народов Чехословакии...

⁴ См.: История как чтение Мира, или философствование на Арбате: из воспоминаний о С. О. Шмидте // Ращковский Е.Б. Философская планета Арбат: Книга воспоминаний. М.: Новый хронограф, 2019. С. 106–122.

⁵ Под руководством Людмилы Марковны Мария писала одну из своих курсовых работ. Работа была посвящена теме крестьянского вопроса в литературных журналах 1920-х гг.

⁶ См.: Ращковский Е.Б. Мысль на распутье: об А.А. Зимине // История и архивы. М., 2021. № 1. С. 139–155.

⁷ Единственную печатную ссылку на дипломную работу Марии см.: Bardach J. Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX – początku XX wieku: N.I. Kariejew // Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku. Warszawa: KiW, 1980. S. 104–154.

⁸ РО ГБЛ. Ф. 119: Н.И. Кареев. П. 44. Ед. хр. 1–13.

⁹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарева. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1990. 382 с.

¹⁰ Кареев же писал в мемуарах о недобросовестности плехановских нападок (Кареев Н.И. Прожитое и пережитое... С. 369–370).

А далее последовало распределение по вызову из Центрально-го государственного архива литературы и искусства СССР¹¹, где Мария ранее проходила свою студенческую практику. Этому замечательному учреждению культуры российской Мария посвятила полвека своей жизни¹². Причем большая часть времени ее пребывания в стенах архива было уделено Отделу научного описания фондов личного происхождения.

Что же касается архивных и археографических открытий Марии, то они касаются таких базовых фигур нашей культуры, как (прежде всего) – Л.Н. Толстой (через посредство его круга и участников толстовского движения в России и в Европе), М.И. Цветаева, Велемир Хлебников, С.Н. Дурылин, Д.С. Самойлов. Но все же самой главной и самой любимой фигурой ее научных и человеческих интересов, главным «героем» ее жизни и исследований, ее находок и публикаций был Борис Пастернак.

* * *

Вообще труд археографа – труд нелегкий: разбор почерков, выявление ошибок и разночтений, атрибуция, датировка, комментирование, корректная передача текста и его подготовка к типографскому циклу. Но одно дело – труд археографа, работающего в читальном зале архива по предварительно обработанным и поданным тебе на стол документам, – но кольми паче сложен был труд Марии в ее Отделе научного описания, когда иной раз приходится работать с россыпями бумаг. Труд сродни одновременно труду и мусорщика, и ювелира¹³.

Этот тяжелый, но творчески напряженный труд может иметь одну неприятную издержку чисто медицинского свойства: работа со старыми бумагами иной раз провоцирует болезни дыхательных путей и легких. Так оно и случилось летом 1976 года: у Марии диагностировали туберкулез легких. Работа над громадным рукописным фондом С.Н. Дурылина совпала с ее заботами по уходу за умирающей сестрой¹⁴.

¹¹ ЦГАЛИ СССР, позднее – РГАЛИ.

¹² Подробнее о вехах работы Марии в архиве и о ее награждениях, столь мало ее занимавших при жизни, см.: Памяти М.А. Рашковской. URL: [//rgali.ru/news-new/920](http://rgali.ru/news-new/920) (дата обращения: 09.06.2024).

¹³ Для того чтобы уяснить все сложности и тяготы этого труда, неплохо было бы обратиться к изданию, разработанному при активном участии Марии: Методические рекомендации по работе с документами личного происхождения (литература и искусство). М.: ГАУ при Совмине СССР; ЦГАЛИ СССР, 1990.

¹⁴ Любовь Аркадьевна Будкова (1942–1976) – искусствовед, создательница полного каталога произведений Павла Варфоломеевича

Вернусь, однако, к архивным трудам Марии. Были случаи, когда из собственно-макулатурных или полумакулатурных материалов, она – по знанию почерков и манер письма – извлекала документы воистину бесценного свойства. Что же касается материалов пастернаковских, то ею были обнаружены и возвращены в мир культуры тексты, находившиеся на грани гибели¹⁵: переписка; эссеистика (краткий очерк о Тарасе Шевченко и его месте в истории европейской культуры); поэзия (перевод сонета Олдженерона Чарлза Суинберна «Джон Форд»); Петербургская проза¹⁶.

Вообще на всем протяжении ее «пастернаковской архивной эпохи» Марию связывала глубокая и – не побоюсь сказать – нежная дружба с крупнейшими исследователями творчества поэта – Евгением Борисовичем (1923–2013) и Еленой Владимировной (1936–2020) Пастернак и Лазарем Соломоновичем Флейшманом. С Еленой Владимировной – в особенности.

Далее. Внушителен один лишь список имен (кроме Пастернака и других драгоценных для нее имен, указанных выше), архивное наследие которых вошло ее трудами в научный и общекультурный оборот. Избегая необходимости разнесения этих имен по хронологии и по объективной художественной и нравственной значимости их наследия, предпочтут перечислить их лишь в порядке кириллического алфавита. Но все они достаточно известны и ярки. Как говорится в самом начале Книги Исхода (1:1), – «И вот имена (פַּיָּשׁוּ): Иван Аксенов, Сергей Бобров, Валентин Булгаков, о. Сергей Булгаков, Яков Голосовкер, Николай Кареев, Наум Коржавин, Эль Лисицкий, Казимир Малевич, Владимир Маяковский, о. Александр Мень, Ксения Некрасова, Жозефина Пастернак, Илья Сельвинский, Константин Симонов, Александр Фадеев, Роберт Фальк, Николай Харджиев, Марк Шагал, Сергей Шервинский, Илья Эренбург.

А среди деятелей мировой культуры в пастернаковских материалах обнаруживаются блистательные имена поэтов Владислава Броневского и Ондры Лысогорского, богослова Томаса Мертона, публициста и поэта Франко Фортини, философа и науковеда

Кузнецова (1878–1968), жена художника Михаила Николаевича Одноралова (1944–2016).

¹⁵ Для того чтобы всерьез осмыслить уязвимость драгоценных рукописей «сквозь прошлого перипетии», с войнами и террорами этого самого прошлого, предлагаю читателю вспомнить фильм «Вкус солнечного света» Иштвана Сабо (1999).

¹⁶ См. приложенную к статье библиографию трудов Марии Аркадьевны.

Эриха Янча...¹⁷ Из этого круга выявленных и опубликованных документов мы узнаем вещи воистину удивительные.

Иван Аксенов, боевой офицер русской армии в Перову мировую, из фронтового блиндажа, через полевую почту, поддерживает публикацию ранних переводов Пастернака; Сергей Шервинский участвует в спасении Голосовкера, своего антагониста в трактовке античных сюжетов, от голода и чекистских преследований; старые друзья поэта расходятся в оценках первых глав романа: восторженное восприятие Дурылина *versus* тотальное неприятие со стороны Боброва¹⁸.

Во всяком случае все материалы, касающиеся Пастернака, свидетельствуют о нем не только как о великом российском, но и как о мировом, *кафолическом* Поэте. Поэте, понятом в міре ранее, нежели в собственной стране.

* * *

В беседах со мной ее коллеги по архиву подчеркивали не только широту и глубину ее познаний, ее исторических и общекультурных ассоциаций (то самое, что я называю в своих работах Чтением Мира, или Чтением Миротекста), но и ее интеллектуальную и духовную щедрость: сама перегруженная всевозможными заботами и трудами, она не щадила времени и сил для консультирования коллег¹⁹.

А что есть чтение Мира и чтение истории, как не умение видеть и понимать судьбы конкретных людей – живых и отошедших – в конкретных обстоятельствах национальной и глобальной жизни? – Так что внимание к историческим документам и внимание к живым людям – вещи взаимосвязанные.

Боюсь, что такого рода двустороннее внимание – это лишь Дар. Как и Любовь. Дар можно разбудить в человеке, этим Даром можно заразить. Как не вспомнить при этом слова Спасителя: «даром получили, даром давайте» (Мф 10:8). Однако всерьез Дару научить нельзя. Разве что немного подучить...

Коллеги справедливо подчеркивали основательность археографической отделки публикуемых Марией документов. А за этой основательностью угадывается не только трудолюбие и мастер-

¹⁷ См.: Рашковская М.А. «По кошачьим следам и по лисьим...»: Письма читателей о романе «Доктор Живаго» // Новое о Пастернаках: Материалы Пастернаковской конференции 2015 г. в Стэнфорде / под ред. Л. Флейшмана. М.: Азбуковник, 2015. С. 310–363.

¹⁸ И это при том, что поэт высоко оценил бобровские переводы Стендяля.

¹⁹ Один из мудрецов Талмуда, Иоанн бен Заккаи, говорил, что «человек, избравший добный путь», должен быть, как «без устали бьющий родник» (Пиркей Авот, цикл 2, мишны 10, 13. – Перевод мой. – E. P.).

ство, но и ее забота о читателе: стремление не только ввести читателя в содержательную глубину документа, но и развить в нем – по мере его способностей – хотя бы элементарные *навыки соотнесения* судеб, явлений и вещей. Так что подлинный археограф, каковым и была Мария, волей-неволей оказывается в положении не только просветителя, но и – в некотором роде – воспитателя... Коллеги также отмечали ее непримиримое и брезгливое отношение ко всем тоталитарным посягательствам на внутреннюю свободу мысли и культуры.

* * *

Связь ее интеллектуальных и чисто человеческих дарований подчеркивалась сочетанием ее редкой скромности с изысканной внешней красотой. На разных этапах жизни в нее влюблялись многие мужчины, а она принимала знаки их внимания с недоступной снисходительностью королевы.

А собственную семью она мужественно вела сквозь долгие годы нищеты и травли, а позднее – сквозь годы относительного комфорта и успеха. И детей своих – адвоката Анну и историка-гебраиста Бориса – она воспитала интеллектуальными, открытыми и добрыми. (Кстати – об именословии детей: оно предполагало и напоминания об отошедших родных, и – одновременно – о двух великих русских поэтах XX столетия).

Она была человеком глубокой, искренней и ненавязчивой христианской веры. И не случайно ее дарили вниманием и любовью великие православные священники: о. Александр Мень (1935–1990) и о. Георгий Чистяков (1954–2007). А ныне здравствующий иеромонах Джованни Гуйата писал мне о «непостижимой, неоценимой (indimenticabile) Маше»²⁰.

Не могу еще не упомянуть одного редкого ее дара – дара «ахават Исраэль – אהבת ישראל» (любви к еврейскому народу). Это дар, весьма редкий на Земле (даже и в еврейской среде), но его носителями были Адам Мицкевич, Владимир Соловьев, Владимир Короленко...

* * *

Два слова о ее художественных пристрастиях.

Разумеется, главной ее поэтической любовью был Пастернак, а самым любимым его стихотворением был вольный перевод из Рильке («Созерцание»). В этом стихотворении, которое она как-то удивительно читала на одном из Пастернаковских вечеров в Библиотеке иностранной литературы – вся суть ее отношений к Богу и к Mipy.

²⁰ Письмо из Испании от 17 мая 2924 г.

Из старой русской поэзии она особенно любила пушкинские стихи Каменноостровского цикла (и прежде всего – «Из Пиндемонти»²¹) и перевод «Трех Будрысов» Мицкевича. Она вообще чувствовала и любила Польшу, отчасти воспринимая внутренние смыслы этой страны через кинематограф Анджея Вайды. Наше двухнедельное пребывание в Кракове в яростную июньскую жару 2019 г. (поляки говорили: *żartropikalny*) было для нас полосой особого счастья.

Кстати, о Польше. Одним из самых любимых ею поэтов XX столетия был Леопольд Страфф, которого она знала в моих переводах²², а из русских – Давид Самойлов, впитавший глубокие традиции не только родной, русской, но и польской поэзии. Польский след в поэзии Пастернака также входил в круг ее особых интересов. Не ведаю, как без ее помощи сумел бы я написать свои работы о Мицкевиче и о Пастернаке...

Музыка. С особым волнением и наслаждением слушала она Моцарта и Шопена. И все же самым любимым ее музыкальным шедевром был фортепианный концерт Грига. И в особенности – *Allegro molto moderato*.

Из русских же песен и романсов более всего волновали ее те, что положены на стихи великой плеяды дворянских поэтов: Пушкина, Боратынского, Лермонтова, Вяземского, А.К. Толстого, Тютчева, Фета. Они служили немалым утешением последних месяцев ее жизни.

Из живописи она более всего любила картины французских импрессионистов (в расширительном толковании этого понятия) и русских художников *belle époque* (от Серебряковой до супрематистов).

* * *

Мы стали мужем и женой в первый день нашего знакомства. И с тех пор – почти шесть десятков лет верности и неописуемого, волшебного счастья. И оглядываясь на все эти годы жизни Марии (Машеньки!), постоянно вспоминаю строки Пастернака:

Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.

²¹ Она постоянно твердила эти стихи в ходе нашего двукратного пребывания в Италии.

²² Рашковский Е.Б. Проснувшееся Слово: Страницы славянских поэзий XIV–XX вв. М.: Азбуковник, 2017. С. 47–58.

Не ведаю, знал ли Борис Леонидович или просто чувствовал интуицией гения, что Пространство – одно из талмудических именословий Бога (ха-Маком – **הַמָּקוֹם**).

На моих глазах прошла жизнь Марии, изначально отмеченная любовью Пространства.

Приложение

Мария Аркадьевна Ращковская (1944–2023)

Библиография трудов

Путеводитель по критике [рец: Советское литературоведение и критика: Книги и статьи: 1917–1962. М.: Наука, 1966] // Вопросы литературы. М., 1966. № 10. С. 198–200 (в соавторстве с Е.Б. Ращковским).

Из мемуаров Н.И. Кареева. [Вставная глава о революции] // Материалы XXIII научной студенческой конференции. Humaniora I. Тарту, 1968. С. 268–296 (ксерокс). [Запрещено цензурой].

О мемуарах Н.И. Кареева «Прожитое и пережитое» как источнике по истории интеллектуальной жизни России конца XIX в. // Археографический ежегодник за 1968 г. М.: Наука, 1970. С. 384–391 (в соавторстве с Е.Б. Ращковским) (петит, б/ф).

[Участие в авторском коллективе:] Центральный государственный архив литературы и искусства СССР: Путеводитель. Вып. 4: Фонды, поступившие в ЦГАЛИ СССР в 1967–1971 гг. М.: ГАУ при Совмине СССР / ЦГАЛИ СССР, 1975. 571 с.

Марина Цветаева за рубежом (Письма М.И. Цветаевой к В.Ф. Булгакову): [1926–1927] // Встречи с прошлым. [Вып. 1]. М.: Советская Россия, 1976. С. 213–220.

[Участие в авторском коллективе:] Центральный государственный архив литературы и искусства СССР: Путеводитель. Вып. 5: Фонды, поступившие в ЦГАЛИ СССР в 1972–1974 гг. М.: ГАУ при Совмине СССР / ЦГАЛИ СССР, 1982. 497 с. О людях, о годах, о жизни (Письма к Илье Эренбургу) // Встречи с прошлым. Вып. 5. М.: Советская Россия, 1984. С. 338–355.

[Порядка 30 тыс. писем за 1940–1960-е гг.: письма с фронтов Великой Отечественной войны, письма писателей, отклики на мемуары «Люди, годы, жизнь», письма с просьбами о помощи и поддержке.]

Сонет Суинберна [“John Ford”] в переводе Бориса Пастернака // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1984. № 6. С. 544–550 (в соавторстве с Е.Б. Ращковским).

В поисках сути искусства (Письма Р.Р. Фалька к С.Н. Дурылину) [1920–1928] // Встречи с прошлым. Вып. 6. М.: Советская Россия, 1988. С. 169–179.

Две судьбы (Б.Л. Пастернак и С.Н. Дурылин: Переписка) // Встречи с прошлым. Вып. 7. М.: Советская Россия, 1990. С. 366–407.

[Участие в авторском коллективе:] Методические рекомендации по работе с документами личного происхождения (литература и искусство). М.: ГАУ при Совмине СССР / ЦГАЛИ СССР, 1990. 256 с.

«Сознание личной правоты»: Новое из творческой биографии [Б.Л. Пастернака] // Наше наследие. М., 1990. № 1 (13). С. 39–48, илл. (б/ф).

Две судьбы (Пастернак и Дурылин: К истории взаимоотношений) // «Быть знаменитым некрасиво...»: Пастернаковские чтения. [Вып. 1]. М.: Наследие, 1992. С. 235–244.

«Милые братья и сестры...»: Страницы истории толстовского движения 1914–1917 // Религии мира: История и современность: Ежегодник: 1989–1990. М.: Восточная литература, 1993. С. 154–168 (в соавторстве в Е.Б. Рашковским).

«Я не матерьялист...»: из переписки Бориса Пастернака 30–50-х годов // Путь: Международный философский журнал. М., 1995. № 8. С. 318–333 (в соавторстве с Е.Б. Рашковским).

[Адресаты: В.П. и К.А. Полонские и З.А. Никитина: К публикации также приложено письмо А.А. Фадеева к К.М. Симонову с издательским отзывом о стихах Пастернака и с распоряжением «задержать» их печатание.]

Борис Пастернак и Сергей Бобров: переписка четырех десятилетий. Stanford: Stanford Slavic Studies, 1996. 163 с.

Пастернак о Маяковском // Пастернаковские чтения. Вып. 2. М.: Наследие, 1998. С. 355–361.

С.Н. Дурылин: Москва // Встречи с прошлым. Вып. 8. М.: Русская книга, 2000. С. 134–190.

«Кафолическая красота»: Письма С.Н. Булгакова С.Н. Дурылину [1912–1924] // Рашковский Е.Б. Профессия – историограф: Материалы к истории мысли и культуры XX столетия. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 42–58 (в соавторстве с Е.Б. Рашковским).

История одного рояля фабрики Штюрцвеге // Наше наследие. 2002. № 61. С. 89–90, илл. (б/ф).

[Музыкальные и художественные контакты С.Н. Дурылина.]

Борис Пастернак и Тарас Шевченко // Егупець: Художно-публіцистичний альманах Інституту юдаїки. К., 2004. С. 348–352 (петит).

[В статью входит полный текст недатированного пастернаковского эссе о Шевченко (март 1946?). По мысли Марии Аркадьевны, работа Пастернака над переводом поэмы Шевченко «Мария» связана с творческой предысторией стихотворения «Рождественская звезда» и – шире – самогó Романа.]

Борис Пастернак и Шевченко: Неизвестные строки // Открытый архив. Т. 1. Киев: Критика, 2004. С. 346–349.

[Участие в авторском коллективе мультимедийного проекта:]
Борис Пастернак: Мой Мир, мой Дом: Виртуальный музей / РГАЛИ, Музей Бориса Пастернака в Переделкино, РГРФ, Бюро ЮНЕСКО в Москве. DVD-ROM. М., 2009.

Неизвестные рецензии на первые книги Бориса Пастернака: Сергей Бобров. Казначей последней планеты // *Va, pensierosull'alidorate: Из истории мысли и культуры Востока и Запада: Сб. статей к 70-летию Е.Б. Ращковского* / отв. ред. Т.Г. Скороходова. М.: Рудомино, 2010. С. 364–386.

Сергей Дурылин: человеческий след в архивном фонде // Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. 1: Исследования / сост., ред., предисл. А. Резниченко. М.: М. Колеров, 2010. С. 13–28.

«Минуты роковые» российской истории в дневниках Сергея Дурылина // Наше наследие. 2011. № 100. С. 128–150, илл. (б/ф).

Письма Сергея Боброва к Жозефине и Лидии Пастернак: Еще раз к вопросу о Борисе Пастернаке и христианстве // *Vademecum: к 65-летию Лазаря Флейшмана*. М.: Водолей, 2010. С. 594–608 (в соавторстве с Е.Б. Пастернаком и др.).

К документальной истории русского авангарда (Николай Иванович Харджиев в документах его фонда в Российском государственном архиве литературы и искусства) // Материалы международной научной конференции «Возвращение авангарда», 14 июля 2004 г., Одесса. Одесса, 2012. С. 26–35 (б/ф).

Б.Л. Пастернак: *proetcontra*. Т. 1 / сост., comment. Ел.В. Пастернак, М.А. Ращковской, А.Ю. Сергеевой-Клятис; вступ. ст. Е. Б. Пастернака. СПб.: РХГА, 2012. 1128 с.

То же. Т. 2. СПб.: ББИ, 2013. 926 с.

«Сумрак ночи» вокруг художника, или Игра «энкавидимок» // «Объятье в тысячу охватов»: Сб. материалов, посвященных памяти Е.Б. Пастернака и его девяностолетию. СПб.: РХГА, 2013. С. 210–223.

Церковная традиция и юношество в воспоминаниях С.Н. Дурылина // Творческое наследие С.Н. Дурылина: Сб. статей. М.: Свидетель, 2013. С. 19–31.

[Публикация:] Дурылин С.Н. В родном углу; Москва; В зале Консерватории // Дурылин С.Н. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Журнал «Москва», 2014. С. 11–445.

Церковь, пастырь, молодежь: Страницы из воспоминаний С.Н. Дурылина // Там же. С. 477–484.

«...Я так люблю Ваши письма...»: Переписка С.П. Боброва и Ж.Л. Пастернак (1920–1970-е гг.) // Наше наследие. 2014. № 109. С. 54–75, илл. (б/ф).

Успение – 1990 // На пороге бессмертия: Последние встречи с отцом Александром Менем: Свидетельства. М.: Рудомино, 2015. С. 60–61 (б/ф).

Из архивного наследия Я.Э. Голосовкера // Яков Эммануилович Голосовкер / под ред. Е.Б. Рашковского; сост. Е.Б. Рашковский, Н.В. Брагинская. М.: РОССПЭН, 2017. С. 378–387 (в соавторстве с Е.Б. Рашковским).

[Письма Андрею Белому (1920–1921?), С.В. Шервинскому (1942); стихотворение «Светобесие», посвященное памяти поэта и шахматиста Владимира Ильича Нейштадта (1898–1959).]

«По кошачьим следам и по лисьим...»: Письма читателей о романе «Доктор Живаго» // Новое о Пастернаке: Материалы Пастернаковской конференции 2015 г. в Стэнфорде / под ред. Л.С. Флейшмана. М.: Азбуковник, 2017. С. 310–363.

[*Публикация:*] Бобров С.П.: Письма к Б.Л. Пастернаку // Борис Пастернак в письмах, дневниках и воспоминаниях современников. М.: Новый хронограф, 2021. С. 93–102; *Дурылин С.Н.* Из автобиографических записок «В своем углу» // Там же. С. 86–92.

Postscriptum. Опубликованные Марией Аркадьевной оригинальные тексты Пастернака вошли в 11-томное полное собрание его сочинений (М.: Слово, 2003–2005). К сожалению, из-за непоправимого компьютерного сбоя научно-справочный аппарат издания оказался отчасти дефектным.

Далее. При составлении настоящей библиографии я имел возможность работать лишь с изданиями, хранящимися в нашей семейной библиотеке. Может быть, когда кончатся (если вообще кончатся) «следы разгрома» в российском библиотечном деле, сумею дополнить эту библиографию новыми позициями. Е. б. ж.

Так что считаю эту публикацию работой лишь предварительной.

Приношу сердечную благодарность за помошь в работе над столь важной для увековечения памяти Марии Аркадьевны статьей ее друзьям и коллегам: Иосифу Львовичу Беленъкому, Елене Борисовне Бирюковой-Лурье, Елене Владимировне Бронниковой, Ларисе Николаевне Простоволосовой, Борису Евгеньевичу Рашковскому, профессору Татьяне Григорьевне Скороходовой, Габриэлю Гавриловичу Суперфину, Виктории Николаевне Тороповой, Ольге Вадимовне Турбиной-Черных, профессору Лазарю Соломоновичу Флейшману.

И пусть эта статья также будет скромным даром памяти самых близких ее друзей: Евгения Борисовича и Елены Владимировны Пастернак.

*E. P.,
Май–июнь 2024.*

Информация об авторе

Евгений Б. Ращковский, доктор исторических наук, Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23; eug.rashkov@gmail.com

ORCID ID: 0009-0000-6048-5722

Information about the author

Evgenii B. Rashkovskii, Dr. of Sci. (History), Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Moscow, Russia; 23, Profsoyuznaya St., Moscow, Russia, 117997; eug.rashkov@gmail.com

ORCID ID: 0009-0000-6048-5722

Научный журнал
ИСТОРИЯ И АРХИВЫ
Том 7
4 • 2025

Оформление обложки
М.Е. Заболотникова

Корректор
М.В. Москвина

Компьютерная верстка
М.Е. Заболотникова

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6.

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73410 от 03 августа 2018 г.
Периодическое печатное издание

Подписано в печать 15.12.2025
Выход в свет 22.12.2025
Формат 60×90¹/16
Уч.-изд. л. 13,7. Усл. печ. л. 15,4
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2278

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru